

Анатолий Ильяхов

ЖЕНЩИНЫ
АНТИЧНОГО МИРА

Судьбы в истории

Краснодар, 2024

УДК 821.161.1
ББК 84(2=411.2)6
И49

12+

И49 Анатолий Ильяхов
**ЖЕНЩИНЫ АНТИЧНОГО МИРА,
Судьбы в истории**
Краснодар: ООО «Митра», 2024. 320 с.

В произведении затрагивается в некотором виде болезненный и существенный «женский вопрос». Автор отвечает на него подачей любопытнейших историй выдающихся, на его взгляд, женщин в определённой последовательности — от древнегреческих мифов и легенд до V века н.э.

© Анатолий Ильяхов, 2024
© ООО «Митра», 2024

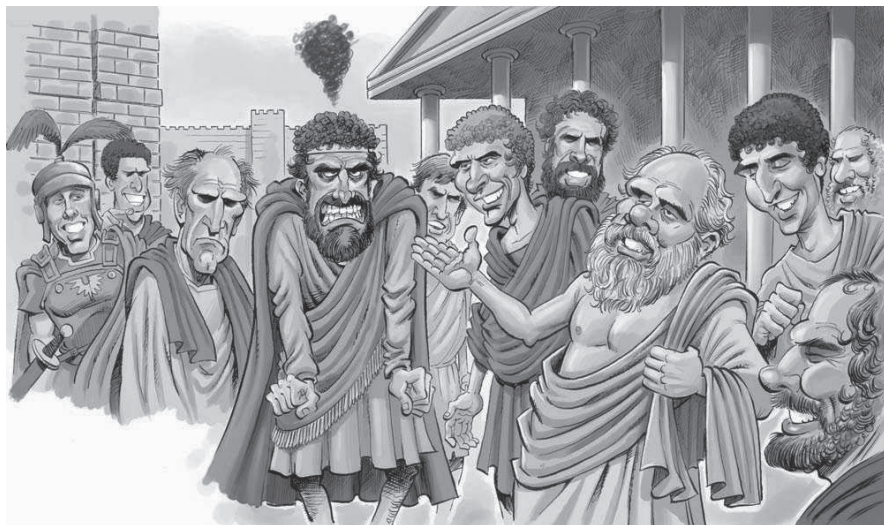
ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	5
Пандора. Одарённая богами (вместо пролога)	7
Глава 1. У ПОДНОЖИЯ ОЛИМПА.....	14
Каллипатеира. Сердце матери	15
Киниска. Посрамившая мужчин	19
Мать Кибела. Муж по случаю	23
Глава 2. ЖЕНЩИН ГУБИТЕЛЬНЫЙ РОД	30
У истоков вакханалий.....	32
Гипподамия. Предать отца	39
Амазонки. Убийцы мужей	46
Бесстрашная Лисиппа.....	48
Фалестрида. Сын для Александра.....	55
Глава 3. ЗЛО НЕОБХОДИМОЕ.....	59
За стенами гинекея	62
Елена. Сожжение Трои.....	69
Добрая Агата.....	81
Жена в подарок.....	83
Стратоника. Исцеление любовью.....	87
Глава 4. СТРАННЫЕ ЖЕНЩИНЫ.....	93
Отважная девушки Гидна	94
Неукротимая Кинана	101
Агнодика. Дарившая жизнь	118
Аглаоника. Похитительница луны	149
Хитрость Поликриты.....	153
Меч Телесиллы	156
Гипсикратия. Последняя женщина Митридата.....	165
Глава 5. СЛУЖАНКИ ЭРОТА	177
Пенорождённая Киприда	179
Обобществление любви	184

Ненасытная Ламия.....	189
Архидика. Свидание во сне	192
Глава 6. ТРИ ГРАЦИИ.....	195
Лаида. Терзающая львица.....	196
Таис. Когда цари теряют разум.....	206
Фрина. Красота неподсудна.....	222
Глава 7. ЖЕНСКАЯ ФИЛОСОФИЯ.....	241
Феано. Одеваюсь в стыд.....	246
Гиппархия. Не делаю дурного.....	257
Гипатия. На пути к Истине.....	262
Аспасия. Гетера. Супруга. Мать.....	274
Словарь-конспект по книге	302
Знакомство с автором	312

ОТ АВТОРА

Исследователи древнейшей истории человечества, в частности, греко-римской Античности, пришли к выводу, что в далёком необозримом прошлом женщины властвовали над мужчинами. Мужское сообщество отвергало подобные намёки и через унижение женщины показывало своё преимущество. Высказывания мудрецов настолько распалили *женоненавистнические* настроения, что поэт Гесиод¹ так наставлял молодых людей: «Беги от женщин-вертихвосток, манящих речей их не слушай... Кто женщине верит, тот верит поистине вору ночному!»

Греческие философы пытались разобраться в отношениях между мужчиной и женщиной, сочиняли труды, давали наставления, но к единому мнению так и не пришли. Пришлось Гесиоду, жившему в VIII веке до н.э., объяснить в поэме «Труды и дни», кто виноват во всех бедах мужчин:

«...Изначально единое мужское человечество жило в гармонии с богами, не зная труда, печали, болезней и страстей. Всё изменилось, когда в мир пришла **Пандора**: от неё губительный род женский»...

¹ *Первый исторически достоверный древнегреческий поэт, эпический рапсод.*

Греки согласились с поэтом — Пандора так Пандора! Но, по мифологии, «она была женой Эпиметия, брата легендарного Прометея, весьма уважаемого в Греции. К тому же у Эпиметия с Пандорой родился сын **Эллин**, ставший предком греков...

В произведении «**ЖЕНЩИНЫ АНТИЧНОГО МИРА. Судьбы в истории**» затрагивается в некотором виде болезненный и существенный «женский вопрос». Автор отвечает на него подачей любопытнейших историй выдающихся, на его взгляд, женщин в определённой последовательности — от древнегреческих мифов и легенд до V века н.э. При этом автор отказывается от роли беспристрастного наблюдателя. Не только фиксирует обнаруженные им в греческой истории важные даты, интересных героев и захватывающие воображение события. Он увлекается добытыми сведениями, по-своему толкует их, даёт им собственную оценку, порой вызывающую изумление. Особенно если это касается роли женщины в повседневной жизни древних греков.

Автор надеется, что в какой-то мере читатель разделит его убеждения ...

ПАНДОРА

Одарённая богами

(вместо пролога)

Когда-то на Земле росли тысячелетние деревья-гиганты, под развесистыми кронами бродили существа колоссальных размеров. В глубинах океанов и морей жили чудовищные твари, а по небу летали ящеры, закрывая солнце огромными крыльями. Вечно голодные — сильный пожирал слабого, и так тянулось тысячи лет..

Однажды Прометей осмелился нарушить покой царя Олимпа Зевса Громовержца, поделился сомнениями:

— Скоро никого из земных существ не останется — сожрут друг друга.

— И что с того небожителям Олимпа? — удивился Зевс.

— В один скучно станет богам! И сейчас не весело, но тогда тебе, божественный отец, не за кем будет наблюдать.

Зевс заволновался, промолвил:

— Говори, Прометей!

— Я предлагаю устроить жизнь на Земле по-новому. Заселить приятного вида созданиями, чтобы боги смотрели с Олимпа и радовались. О прежней жизни забыть, словно не было её!

Зевсу идея понравилась. Поручил солнечному богу Аполлону

взяться за лук с золотыми стрелами; велел уничтожить чудовищных тварей, до последнего. В тот же день взялся обустроить планету, и делал с удовольствием:

...Заселил моря и океаны соразмерными созданиями, засеял землю травами и благоуханными цветами. Теперь всюду порхали бабочки, жужжали жуки, суетились пчёлы и стрекозы. Птицы с разноцветными оперениями щебетали среди деревьев, а когда они кружились в небе, Зевс радовался красоте их и лёгкости полёта. Все зевсовы создания питались только растительностью, ягодами и плодами деревьев — из-за обилия пищи никто не голодал, и до убийства друг друга не доходило.

Зевс оглядел плоды трудов своих, с убогаторением воскликнул:
— А мне нравится!

А Прометей снова испортил ему настроение:

— Нет слов, Зевс, сотворённый тобой мир гораздо приятней прежнего царства мрака и насилия! Боги ликуют, а вот у меня радости не прибавилось.

— Откройся, сын мой, чем не угодил? — поморщился Зевс.

— Царь богов, твоя земная природа прекрасна! Но среди твоих созданий нет никого, с кем было бы интересно проводить время. Мне нужен товарищ, по уму и рассуждениям.

Зевс вначале огорчился, затем сказал:

— Прометей, имя твоё означает «Мыслящий наперёд» — я полюбил тебя за ум и усердие. Поэтому просьбу исполню.

Он указал скрытое место на Олимпе, где хранилась особая голубая глины — для божественных поделок. Рядом журчал родничок с серебряной водой. Когда Прометей накопал глины, сколько нужно, Зевс объяснил, что сделать, и каким образом. Его сын замешал глину, увлажнил родниковой водой и стал лепить по образу своему... Первочеловека. Зевс вложил ему душу, дунул в рот — оживил, а богиня мудрости Афина наделила создание Прометея разумом.

Зевс оставил божественного сына радоваться «товарищу», сам залёг отдыхать в *чертогах* на Олимпе. Но Прометей вновь беспокоил:

— Все звери, сотворённые тобой, Отец наш, живут парами, — с грустью произнёс Прометей. — Только мой Первочеловек — один! Прошу тебя, царь богов, позволь сделать для него женщину.

Зевс, уже не зная, как избавиться от назойливого сына, позволил вылепить женщину для Первочеловека — по образу и подо-

бию богини Афины. Так на Земле образовалась первая в истории жизни человеческая пара, семья. У них, естественно, появились дети — много детей; их дети рожали сыновей и дочерей — и расплодились они, жили без споров, упрёков и разногласий, с полным ощущением счастья. Потому что ни у кого не было имущества — всё общее. И за всё это благодарили богов, а Зевса славили громче всех.

Прометей наблюдал со стороны жизнь людей, помогал, если видел их беспомощность. Единственным скрытым от людей благом был Божественный Огонь, хранившийся в кузнице Гефеста. Никто из богов не осмеливался даже заглянуть на него, боялись гнева Зевса. А Прометей похитил Огонь, спустился с ним на землю и передал людям.

Благодаря огню у людей появились полезные инструменты, возникли ремёсла и промыслы. Прометей научил людей изготавливать ткани и шить одежду, строить жилища, храмы, корабли. Со временем их жизнь стала благополучной и содержательной, за что они воздавали хвалу Прометею. Да так громко, что услышал Зевс. Он догадался, что сын нарушил запрет отца.

Наказание было назначено жестокое: Прометея приковали к вершине самой высокой скалы, куда каждый день прилетал огромный орёл и клевал печень. Когда орёл улетал, печень обновлялась, но на завтра ненасытная птица возвращалась, и всё повторялось вновь.

Так продолжалось тридцать тысяч лет подряд — до тех пор, пока Зевс не освободил от наказания взамен одной услуги. Обладая даром провидения, Прометей предостерег отца от очередного брака.

Зевс не забыл, что люди пользуются божественным Огнём без его разрешения. Бог жестоко проучил Прометея, настала пора проучить людей. Ведь помимо того, что они осмелились прикоснуться к запретному Огню, так Прометей передал им знания, доступные лишь бессмертным богам. Вынашивал мысль о такой мысли, чтобы никто не догадался о замысле.

Поручил Гефесту вылепить из глины фигуру девушки с красивым лицом и соблазнительной по людским меркам внешностью. Окунули девушку в родник с животворящей водой, чтобы в теле заструилась кровь. Афина вдохнула в неё жизнь, научила привлекательно ходить и одеваться. Афродита наделила эротизмом, придала голосу нежность, взгляду — томность, вложила в уста лживые и полные лести речи. Гермес добавил в её душу немало скрытной сути: любопытство, изворотливость и коварство, злобную ненависть и ревность, пристрастие к скандалам; склонность к сплетням и занудству, самовлюбленной глупости и мотовству. Богиня убеждения Пейто украсила шею девушки золотым ожерельем, на руки надела браслеты, пальцы — все в камнях и перстнях, на голове — золотой венец — «для того, чтоб привыкала с рождения к ношению драгоценностей, знала толк в золотых изделиях, и чтобы потом в браке перед мужем не скромничала в расходах на них»...

В завершение творения боги дали девушке имя **Пан-дора**, означавшее «*наделённая дарами богов*» («одарённая богами»). Гермес подхватил девушку на руки и по воздуху перенёс в дом Эпиметей, младшего брата Прометей. Сказал, что девушка — подарок ему от Зевса «за то, что он по совету старшего брата принял сторону Зевса в войне между богами-олимпийцами и титанами, а потому избежал участи большинства своих братьев, низвергнутых громовержцем в Тартар».

Не зря Эпиметей носил греческое имя «Думающий впоследствии». Очарованный красотой Пандоры он в тот миг забыл о предупреждении Прометей, чтобы помнил о коварстве Зевса, не принимал даров ни в каком виде! Мало того, что Эпиметей с радостью ввёл незнакомку в свой дом, вскоре на Олимпе узнали, что он женится на Пандоре.

На свадебный пир к Эпиметей с Олимпа спустились все боги и богини, невесте давали ценные подарки. Был там Зевс, молодым уделил внимание и вручил невесте восхитительной красоты *пифос*² прикрытый восковой крышкой. Эпиметей забрал у Пандоры пифос и спрятал в дальнее помещение дома; строго настрого запретил ей вообще заходить туда и, тем более, узнавать содержимое.

Но женщина не будет женщиной, если хоть раз не совершит какую-нибудь глупость! Разве можно удержаться от соблазна посмотреть — что внутри пифоса! Любопытство перевесило рассудок: не утерпевши, Пандора оказалась в помещении, где в тёмном углу находился заваленный старыми вещами загадочный пифос, и сказала сама себе: «Я всего лишь хочу взять в руки» — и сделала это. Ей бы остановиться, вернуть пифос на место. Но не смогла совладать с собой. «А почему я не могу узнать, что в нём есть такого, чего мне не следует увидеть? Это же мне Зевс подарил!» — полагала разгорячённая любопытством Пандора. Хотя внутренний голос шептал ей, потом кричал: «Не делай этого! Беда случится!»

Пандора сломала восковую печать и с осторожностью приоткрыла крышку — слегка...

...И вдруг из пифоса с угрожающим гулом стали вылетать какие-то ни на что не похожие и разновеликие *ужастики*... От

² Большой керамический сосуд для хранения зерна, вина, оливкового масла, солёной рыбы.

неожиданности Пандора устрасилась, попыталась ловить их, вернуть назад. Но ужастики ловко ускользали от неё, шарахались по сторонам и вскоре оказались в мире людей — такую задумал мечь злокозненный Зевс!

Как результат, в среде обитания людей оказались невероятно живучие пороки и природные катаклизмы с ужасными последствиями: войны, эпидемии и болезни, зависть, жадность и отчаяние, убийства и мечь, душевные мучения, отчуждённость и меланхолия, голод и страх мрачного будущего, безразличие окружающих и ещё множество подобных несчастий для человека. А до дня, когда Пандора нарушила запрет мужа, люди жили с ощущением беззаботности и счастья...

Когда Пандора опомнилась и захлопнула крышку, было уже поздно — не успела сбежать одна Надежда! Не смогла быть первой, так как её «чуть не затоптали» агрессивные *ужастики*.

Надежда осталась в руках Пандоры — женщины. Что бы это значило? Если бы вместе со всеми несчастьями она вырвалась наружу, человек, встречая испытания и трудности, впадал бы в беспомощное состояние. Оказывается, в противовес мести Зевса, сталкиваясь с несчастьями и бедами, люди намерены сопротивляться. Зная, что Надежда существует, такие мысли окрыляют, придают силы двигаться дальше — всё становится возможным! Выбатывается привычка противостоять несчастьям, что помогает становиться лучше, а значит человеку стать счастливее. Вот какова цена Надежда для человека!

В греческой мифологии имелась богиня «духа надежды» — Элпис, её изображали в виде молодой женщины, обычно несущей в руках ветвь или рог изобилия.

ГЛАВА 1. У ПОДНОЖИЯ ОЛИМПА

КАЛЛИПАТЕЙРА

Сердце матери

Существует мнение, что легендарный Геракл, передвигаясь с боевыми товарищами по греческой земле, появился на Пелопоннесе³ более трёх тысяч лет назад. Считая миссию завершённой, остановился на отдых у подножия горы Олимп, священной для эллинов, где устроил состязания атлетов в беге на стадию.⁴ Позже летописцы древних Олимпийских игр назовут их «самыми первыми», особо отмечая место, где река Кладей воссоединяется с водами Алфея. Зевс Олимпийский повелел возвести там в свою честь святилище с храмом и город Олимпию.

³ Полуостров в Греции, южная часть Балканского полуострова, соединяющаяся с ним Коринфским перешейком.

⁴ Стадия (стадий, стадион) — расстояние, которое проходит легковооружённый воин за тот промежуток времени, в течение которого солнце, коснувшееся горизонта своим нижним краем, целиком скрывается. Для бега в Олимпии — 196 метров.

Местные жители до сих пор показывают «стадион» с отпечатком «ступни Геракла», кстати, равный пятидесятому размеру обуви!

Древние Олимпийские игры существовали с 776 года до н. э. — «когда в беге одержал победу повар Кореб из Элиды⁵» — вплоть до 394 года н. э. — когда римский император Феодосий I, осудив «проявление языческого культа и многобожия», прекратил проведение Игр в Греции и Риме. В Кодексе Игр было девять основных запретов. Прежде всего запрещалось участие «варваров», иначе — *негреков*, кроме свободных граждан греческих городов. Атлетами строго соблюдались правила «непричинения сопернику физического вреда»; умышленное членовредительство или убийство карались смертью. Пресекались попытки «договорных» поединков, а также подкуп судей. Участников состязаний, агон⁶, обязывали выступить обнажёнными.

Но самым суровым наказанием подвергались женщины, осмелившиеся обойти запреты на их участие в Играх. В «дни священных мужских состязаний» не позволялось им не только присутствовать на зрительских трибунах, но даже «переходить Алфей, преступно ступая на территорию святилища Зевса Олимпийского». Нарушительниц Кодекса Игр выявляли, устраивали скорый суд и сбрасывали со скалы за пределами Олимпии.

И всё-таки в истории Греции сохранились имена нескольких женщин, посягнувших на мужскую монополию в агонах...

Уроженка острова Родос **Каллипате́йра** (V век до н. э.), скрыв «женскую наружность», под видом мужчины появилась во время проведения Игр в Олимпии. Её отцом был легендарный кулачный боец Диагор. Не менее знаменитыми стали трое братьев Каллипате́йры — Дамагет, Доризэй и Акусилай, побеждавшие в Олимпии всех соперников. И муж её, Каллианактис, в молодости участник кулачных боёв, с возрастом не оставил своего увлечения — тренировал троих сыновей, из которых особых успехов добился младший, Пейсирод.

⁵ Историческая область на северо-западе Пелопоннеса в Греции. На территории Элиды находилась подконтрольная Олимпия, общегреческое святилище.

⁶ Самоотверженное состязание греческих атлетов — на пределе человеческих возможностей.

Перед началом очередных Игр в Олимпии Каллианактис заболел и умер, но жена, понимавшая в тренировках не меньше мужа, продолжила занятия с Пейсиродом. В назначенный день она отправилась сопровождать сына на состязания, уверила его, что только до Олимпии. Но в предместье города отошла в сторону от многолюдной дороги, в кустах скинула привычное одеяние и, накинув на тело мужской гиматий⁷, вместе с возбуждённой толпой зрителей очутилась на стадионе. Пейсирод переживал за мать, отговаривал, но Каллипате́йра оказалась непреклонной — не могла оставить сына без поддержки — заняла место в первом ряду.

Зрители на трибунах с азартом следили за происходящим на стадионе, радовались за земляков, возмущались, если побеждали соперники. Тренеры переживали за воспитанников ещё больше, поэтому, когда главный судья объявил Пейсиро́да победителем, Каллипате́йра не справилась с волнением. Вскочила с места и, забыв об осторожности, бросилась к сыну с намерением обнять его. Собственно, ничего необычного в таком проявлении чувств не было, и она бы не привлекла внимания зрителей, но внезапно распахнувшийся плащ явил окружающим женское обличье!

Удивлённые зрители в едином порыве возмущённо завопили, затопали ногами, замахали руками. Они требовали от судей наказания женщины за содеянное преступление. «Смерти! — кричали они. — Смерти!»

Судьи выслушали Каллипате́йру, поспорили между собой и объявили зрителям через глашатаев:

— Она дочь великого героя Греции Диагора Родосского, сестра олимпийских⁸ Дамагета, Доризя и Акусилая. Она вырастила троих сыновей — победителей прежних Игр в Олимпии. Одному из них, Пейсироду, мы только что вручили оливковый венок бессмертного олимпийца! А теперь, элины, скажите, найдётся ли среди вас человек, способный бросить камень в женщину из рода героев Греции?

⁷ Верхняя одежда мужчин в виде прямоугольного куска ткани; надевался обычно поверх хитона.

⁸ Победители атлетических состязаний в священной для греков Олимпии. Награждались венками из оливковых ветвей. Их имена высекались на воротах родного города; в Олимпии на Аллее Славы устанавливались именные статуи олимпийцев.

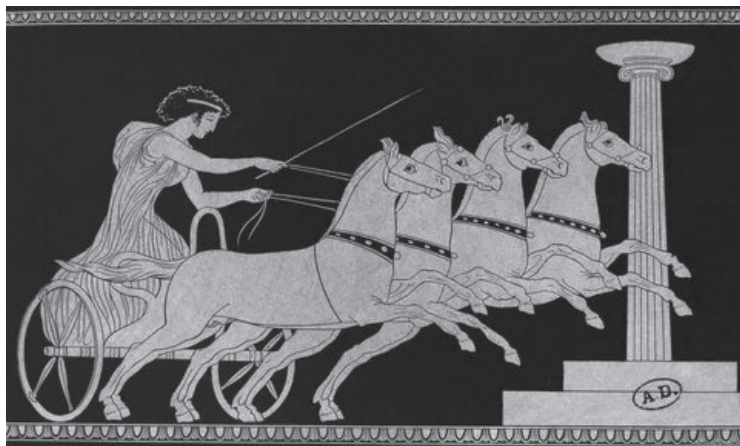
Народ на трибунах успокоился, после этого никто уже не настаивал на наказании Каллипатейры. Её отпустили домой с миром. Но судьи проголосовали за новое правило, требовавшее, чтобы «впредь тренеры участников состязаний в Олимпии приходили на стадион обнажёнными — *гимнос*».

Пейсирод до конца жизни получал от граждан Родоса денежные пособия и налоговые привилегии. Его мать тоже пользовалась огромным уважением родосцев, которые дали ей за её заслуги прозвище Ференика — «Победоносная».

КИНИСКА

Посрамившая мужчин

На слуху у древних греков было имя женщины, которая в силу запрета не появлялась в Олимпии на Играх, но получила почётное звание *олимпионика*. По действовавшему в то время Кодексу такое «происшествие» оказалось возможным, означавшее только что женщина умело использовала законодательную ситуацию, действующую на тот момент в Греции.

Её звали **Киниска**. Она жила в V веке до н.э., поскольку была дочерью спартанского царя Архидама II. На фоне остальных молодых гречанок она выделялась превосходной физической формой. Это позволило ей овладеть труднейшим мастерством управления четырёхконной колесницей — квадригой, что удавалось далеко не всем мужчинам! Занятие было действительно невероятно сложным, поскольку основой квадриги служила боевая колесница с низкой посадкой и двумя массивными колёсами увеличенного диаметра. Это позволяло достигать огромной скорости, но возница был вынужден стоя управлять конями и, чтобы не выпасть, крепко держать в руках вожжи.

В Греции издревле любили лошадей за красоту, грацию, силу,

выносливость и ум. Их почитали как священных животных — достаточно упомянуть белых коней «солнечного бога» Аполлона. К лошадям относились с благоговейным трепетом, уважали за способность обучаться и участвовать в сражениях вместе с воинами.

Царь Архидам любил дочь не меньше сыновей, поэтому, когда она увлеклась конными бегами, нанял опытных конюхов и тренеров.

В греческих городах-государствах (полисах⁹) состязания квадриг были невероятно популярны, оттого на Олимпийских играх они занимали самое почётное место — назначались на последний день программы. К тому же присутствие квадриг в священной Олимпии имело религиозный смысл — каждая из четырёх лошадей соответствовала одному году между священными играми или одному времени года, разделённому на четыре части равноденствиями и солнцестояниями. По этой причине организаторы Игр ценили лошадей наравне с выступающими в агонах атлетами, а победившую квадригу награждали почётным оливковым венком — котинос.

Как правило, если на месте возницы находился не собственник колесницы, а наёмный человек (такое допускалось), награда всё равно присуждалась собственнику. И, узнав о предстоящих Играх в Олимпии, Киниска заявила отцу, что желает подать заявку на участие своей четырёхконной колесницы, доверив управление ею опытному вознице. Царь не возражал.

Состязания квадриг традиционно были назначены на последний день Игр. Лучшие в Греции колесницы выстроились у стартовой линии гипподрома¹⁰ протянувшейся почти на сто двадцать метров и обозначенной натянутой верёвкой. Участники волновались. На этот раз их собралось неслыханное доселе число — сорок человек! Киниски среди них не было — она с волнением ожидала дома гонца с вестями из Олимпии.

⁹ Полис — община свободных граждан, каждый из которых имел право на получение надела из земель полиса, на участие в управлении им и был обязан защищать полис в народном ополчении.

¹⁰ У древних греков и римлян — место, специально предназначенное для проведения конных состязаний, гонок колесниц.

Участники и зрители с напряжением смотрели на алтарь у старта в виде большого бронзового орла — священной птицы Зевса. После жертвоприношения судья запустил устройство, заставившее орла взмахнуть крыльями и оказаться в небе, а на его место опустился бронзовый дельфин. Одновременно на землю упала верёвка, позволившая возницам рвануть своих коней с места...

Колесницы, запряжённые резвыми конями, стремительно мчались по кругу с одной только целью — опередить соперников. Зрелище завораживало! Зрители ревели от восторга, у каждого была «своя» колесница, и каждый рассчитывал на победу фаворита. Участники не имели права разочаровать публику, они должны были рваться вперёд, не считаясь с опасностью выпасть при обгоне и оказаться затоптанными неистовыми конями. От человека, управляющего квадригой, требовалось большое мастерство и хладнокровие, чтобы подчинить своей воле разгорячённых скакунов. Кроме того, вознице нужно было вовремя и умело сдержать своих коней у меты — каменного алтаря, — да так, чтобы не перевернуться и не сцепиться с колёсами квадриг соперников, жаждущих его опередить.

Победа в гонке с большим количеством участников доставалась одному единственному. Остальные сходили с дистанции — покалеченными или при смерти... Нужно было пройти двенадцать кругов, то есть двенадцать раз обернуться вокруг смертельно опасной меты и... остаться в живых! При том что каждый из соперников желал того же самого...

Киниска не зря с нетерпением ожидала гонца с вестями из Олимпии — до финиша добралась одна конная упряжка. Когда судьи выяснили, кто собственник коней и квадриги, пришлось признать Киниску победительницей. С возницей передали ей венок олимпийника.

Древнегреческий писатель и географ Павсаний в труде «Описание Эллады»¹¹ так высказался об этом событии: «...не зря Киниска первая из женщин с величайшей страстью содержала лошадей... Оливовый венок в забеге квадриг достался ей». А писатель Ксенофонт¹² недруг всему спартанскому, с сожалением отметил:

11 Первоначально Элладой назывался город в Фессалии, позднее — южная часть Фессалии, далее — территория Средней Греции.

12 Древнегреческий писатель и историк афинского происхождения, полководец и политический деятель, главное сочинение которого — «Анабасис» — высоко ценилось греками за патриотизм.

«Когда греки узнали, кто стал олимпийцем, многие возмутились. Потому что стало понятно, что разведение дорогих в цене коней с целью участия во всегреческих состязаниях свидетельствует только о богатстве, а вовсе не о доблести».

Подобные рассуждения только радовали Киниску. Для Греции олимпиец навечно становился национальным героем, «бессмертным»! Впервые в обществе атлетически сложенных мужчин объявилась женщина, тоже нехрупкая, заслужившая право при жизни ставить собственную статую из дорогущей бронзы. Чем Киниска с радостью воспользовалась, отправив изготовленную статую в Олимпию, поместив на знаменитой «Аллее славы» рядом с изображениями героев предыдущих Игр.

Как же были огорчены мужчины, прочитавшие надпись на пьедестале:

«Я это совершила, чтобы посрамить гордость мужчин, похвалявшихся победами в смертельно опасном беге квадриг».

В анналах Олимпии существует запись о том, что через четыре года Киниска из Спарты вновь приняла участие в состязаниях квадриг, таким же образом, и вновь добилась победного венка.

Дерзкий пример молодой женщины, посрамившей греческих мужчин, оказался заразительным. Дочь владельца беговых лошадей Эврилеонида, как многие девушки в Спарте, воспитывалась на примере Киниски. В 368 году до н. э. на Играх в Олимпии её колесница оказалась первой. Она стала второй женщиной в Греции (после Киниски), удостоенной «бессмертного» титула олимпийца. В Спарте появилась вторая бронзовая статуя женщины-победительницы, что, вероятно, подвигло ещё двух спартанок принять участие в Олимпийских играх и вкушать сладость победы. Но их имена остались неизвестными...

МАТЬ КИБЕЛА

Муж по слугаю

Запрет на присутствие женщин в Олимпии во время всегреческих Игр имеет весьма прозаическую причину. В её основе — заложенная в генетической памяти мужчин обида за своё положение в те давние времена, когда женщины играли главенствующую роль в «государстве» под названием Семья...

Ни для кого не новость, что в истории человечества был период, отмеченный преобладанием власти матерей семейств — ради сохранения рода-племени. Это явление называют «матриархат». А зародилось оно в Малой Азии, на побережье Эгейского моря. В VIII веке до н. э. сюда из материковой части Греции устремились переселенцы, вынужденные оставлять места прежнего проживания из-за нехватки земельных угодий и, как следствие, невозможности прокормить свои семьи.

Поначалу колонисты ограничивали собственное присутствие возведением пунктов торгового обмена, или укрепленных *эмпорий*, затем, обживаясь, они начали строить небольшие поселения, а позже и города. Налаживая отношения с аборигенами,¹³ колонисты постигали чужую культуру, в том числе религиозную, имевшую определенные сходства с греческими богами. В частности, культ Великой Матери Кибелы, поскольку божество напоминало Рею. Прагреки почитали её матерью потоков, рек и трёх тысяч океанид, дающей жизнь всему существующему.

В Азии в Кибеле тоже видели прародительницу всего сущего, однако её культ отличался некоторыми особенностями — жрецами Кибелы становились кастраты, добровольно истязаящие себя во время обрядовых церемоний. Происходило это следующим образом: в честь Кибелы устраивались мистерии¹⁴ с изнурительными плясками участников, сопровождавшиеся оглушающими ударами барабанов-*тимпанов* и визгом свирелей, при этом приверженцы культа Кибелы наносили на свои тела порезы ножами из обсидиана, а желающие стать её служителями — жрецами, позволяли оскоплять себя.

Устоявшаяся в Азии традиция объяснялась романтическим мифом о прекрасном юноше Аттисе, возлюбленном Кибелы, который, увлечшись однажды лесной нимфой, забыл о верности, чем вызвал ужасный гнев богини. Сначала она погубила нимфу, затем наслала на Аттиса безумие и заставила терпеть невыносимую боль в области паха. В какой-то момент юноша не выдержал — схватил кусок обсидиана и оскопил себя. Спустя некоторое время от потери крови умер. Следуя его «примеру», прежде чем по-

¹³ *Коренное население страны, исторической территории.*

¹⁴ *Мистерии — таинство, совершавшееся в праздник какого-либо божества, в котором участвовал только круг «посвящённых». Но в случае с Дионисом, наоборот, все должны были приобщиться и принять участие в обрядах.*

святить свою жизнь служению Кибеле, мужчины воспроизводили «акт Аттиса» во время мистерий.

В любом племени старшую по возрасту женщину, наделённую жизненным опытом и мудростью, считали «Создательницей жизни», «Матерью рода», как Великую Кибелу. И при назначении Главной жрицы богини именно старшей отдавалось предпочтение. Она исполняла обряды в честь Кибелы, отвечала за сохранение Священного Огня в жертвенном костре. «Мать рода» обращалась к богине с просьбами о сохранении урожая, плодovitости домашнего скота, удачной охоте... Находясь в «доверительных отношениях» с Кибелой, она естественным образом пользовалась авторитетом среди соплеменников и имела на них большое влияние.

За Главной жрицей Кибелы оставалось «последнее слово», она принимала решения, которые мужчины, сами по себе отважные воины и охотники, остерегались оспаривать. Если же кто-то проявлял нетерпимость, пытался пойти против главенства женщины, она всегда находила аргументы для изгнания такого человека. Несчастного ожидала неминуемая смерть, поскольку «отверженный» терял связь с племенем. Он лишался тепла родового костра — священного центра общения людей, поддержки членов общины в борьбе с проявлениями враждебной природы. Страх перед всем этим рождал в мужчинах покорность, заставлял подчиняться Жрице-Царице и, в общем случае, женщинам.

В связи с этими обстоятельствами женщины эпохи господствующего культа Кибелы не испытывали надобности иметь постоянных мужей. Каждая выбирала «достойного» из членов общины, позволяя ему находиться рядом лишь некоторое время. С «партнёрами» расставались без сожаления, и в следующий раз избранником женщины мог оказаться другой мужчина. Беременность объяснялась «порывами ветра, входившего в чрево женщины когда заблагорассудится», а материнство представлялось Великим Таинством: люди имели смутные представления о природе рождения детей — младенцев они считали живым воплощением предков.

Дальнейшее знакомство прагреков с культом Великой Матери Кибелы породило миф, одобряющий кастрацию служителей греческой богини Реи — матери Зевса. После того, как сын оскопил собственного отца Кроноса, супруга Реи, на Олимпе произошла «смена власти». Мужчины, пожелавшие служить богине Рее, отождествляли себя с Кроносом, поэтому добровольно шли на кастрацию. А «мужское членовредительство» и даже человеческие жертвоприношения при матриархате считались абсолютной нормой.

Главная жрица Кибелы-Реи, прообраз цариц более поздних эпох, ежегодно в день весеннего Великого Солнцестояния¹⁵ меняла «царя»-супруга. Между молодыми сильными мужчинами устраивались состязания в беге, борьбе, метании копья и стрельбе из лука. Победитель наслаждался «семейным счастьем» тринадцать лунных месяцев: его обильно кормили лучшей едой, исполняли прихоти, а по истечении «царствования» приносили в жертву. Он становился *фармаком* — неким «козлом отпущения» за грехи всего племени. После ритуального убийства считалось, что община «очистилась» ...

В день, когда «старый супруг» завершал годичный цикл пребывания в роли «царя», «царица» совокуплялась с ним в присут-

¹⁵ *Космическое событие, когда Солнце, кажется, достигает своего самого северного или южного отклонения относительно небесного экватора. Определяется равноденствиями.*

ствии свиты в масках кобыл, сук и свиней. После священнодейственного акта участники обряда выводили «старого супруга» в центр площадки и пускались в неудержимые пляски вокруг него, сопровождавшиеся резкими звуками, извлекаемыми из рогов, барабанов и тростниковых свирелей.

Ритм учащался, звуки становились всё громче и громче (человек в обычном состоянии просто не мог их выносить). Жрецы-кастраты трясли головами с развевающимися длинными чёрными волосами, выкрикивали что-то нечленораздельное, доводя себя до экзальтации — состояния неестественной восторженности.

«Супруг» оказывался в эпицентре сильнейшего эмоционального влияния участников мистерии Кибелы-Реи, он кружился и рычал нечеловеческим голосом, пока, наконец, не падал в бессознательном состоянии на землю. Его поднимали и привязывали лианами к Священной Сосне. Жрице-«царице» подавали каменный ритуальный нож с острыми кромками: одно движение — и гениталии отсекались... Жрица собирала жертвенную кровь в особую чашу, а плоть бросала к статуе богини. Затем она в сопровождении свиты выходила на общинные поля, где по каплям разбрызгивала жертвенную кровь — «чтобы деревья плодоносили, росли хлеба, скотина давала приплод, в лесах плодилась дичь и чтобы дети рождались здоровыми...» Если после обряда мужчина выживал, он становился жрецом Кибелы-Реи, но чаще он умирал, истекая кровью.

Ритуальное убийство и оскотление мужчин невозможно объяснить банальной жестокостью примитивного времени. Люди выживали в условиях опасного окружающего мира, поэтому религия требовала «особо ценных» жертв — *фесмофорий*. Только кровавыми оргиями, казалось, можно было удовлетворять «запросы» богов земледелия и плодородия.

Прошли века, прежде чем убийство молодого и часто самого отважного члена рода стало неприемлемым. Судя по всему, женщинам показалось невыгодным каждый год убивать «царя». Срок пребывания в «супружеской должности» продлили... Теперь состязания претендентов на «царскую должность» и, соответственно, кровавое жертвоприношение, происходили с периодичностью один раз в четыре года — как будущие атлетические Игры в Олимпии. Позже отрезание «священных» гениталий (кастрация

«царя») заменилось символами: по полям носили ивовую корзину, в которой извивались змеи, в других случаях — лежал большой *фаллос* из печёного теста.

Но богиня Кибела-Рея не желала считаться со «сменой власти» на Олимпе, она продолжала требовать кровавых приношений, и тогда «царь» нашёл выход: накануне жертвоприношений он стал «передавать царскую власть» своему заместителю — *интеррексу*, на одни сутки. Тогда уже интеррекса ожидала жертвенная смерть «во имя Великой Богини». В интеррексы выбирали красивого и здорового мальчика из самой благополучной семьи. Родителей заверяли, что их сын скоро повстречается с богами. Будущую жертву поили наркотическими настоями — и на закате дня жрицы разрывали жертву на части, пронзали тело копьями, рубили на куски топориками... Жертвенной кровью окропляли пастбища и поля, «вдохновляя природу на новую жизнь».

Ритуальные убийства детей при храмах Древней Греции прекратились запретами римских императоров в начале I века нашей эры. С тех пор на алтари античных богов приносились жертвенные животные, такие как бык, свинья, коза, овца и петух; иногда богам «дарили» лошадей и собак.

Со временем произошло разделение общества по имущественному признаку, в основном из-за участия мужчин в войнах и появления военной добычи, пленных и рабов. Теперь мужчины обрели привилегированный статус. Вместе с этими изменениями культ Великой Матери Кибелы потеснился на периферию пантеона греческих богов. Роль женщины стала ограничиваться исключительно вопросами семьи и деторождения.

Все божества земли и плодородия по-прежнему оставались преимущественно женскими — Гея, Деметра, Персефона, Артемида, Афродита. Но Зевс, Арес, Аид, Посейдон и прочие боги-мужчины смогли отвоевать и удержать власть на Олимпе.

ГЛАВА 2. ЖЕНЩИН ГУБИТЕЛЬНЫЙ РОД

Многие греки, среди них хорошо образованные, считали, что большинство бед на земле происходит от существ женского рода — мстительных *мегер*...¹⁶ Днём выглядят как обычные женщины — свои и чужие жёны, — а по ночам бегают обнажёнными по полям, наводят порчу на урожай, домашний скот, детей... А особенно озлобленными они бывают во время *месячных*, о чём тогда говорили: «кровь из сердца эри-

¹⁶ Так называют очень злых женщин, по имени богини мщения Мегеры из греческой мифологии.

ний»... В то время их сторонились, боясь проклятий, «которые непременно должны были исполниться». Крайне опасным считалось колдовство женщин при лунном затмении. И если их уличали в подобном преступлении, суд, который вершили мужчины, не тянул с приговором. Нередко допускался и самосуд.

Известный поэт Симоид¹⁷ автор победных песен олимпийцев, *эпиниккий*, и возвышенных *дифирамбов*, называл женщин «существами ленивыми, капризными, злобными, разнузданными, изменчивыми и развратными». «Нет ничего пагубнее женщины!» — утверждал он.

Эсхил¹⁸ в «Эвменидах» тоже восклицает: «Дитя родит отнюдь не та, что матерью зовётся. Нет, ей лишь дано вскормить посев. Родит отец. А мать, как дар от гостя, плод хранит, когда вреда не причинит ей бог».

Большие греческие мыслители, философы, также утверждали, что «мужчина стремится к совершенству и мудрости; женщине отводится роль воспроизводительницы потомства». Аристотель¹⁹ в работе «О возникновении животных» поддерживает идею о том, что «любое существо женского пола только выращивает посаженное в него зерно нового существа, давая ему питательную среду и укрытие, в то время как суть этого существа задается оплодотворяющим самцом (мужчиной)».

После столь убедительных речей уважаемых в Греции мудрецов становится понятным уничижительное отношение к женщине...

17 Один из самых значительных лирических поэтов Древней Греции.

18 Один из великих греческих драматургов, автор классических трагедий.

19 Греческий философ и эрудит классического периода в Древней Греции, яркий пример «универсального человека».

У ИСТОКОВ ВАКХАНАЛИЙ

Культ Кибелы-Рей со временем не исчез, он обнаружился в празднествах, посвящённых богу Дионису. Большие Дионисии с мистериями устраивались в греческих городах весной, а в конце года селяне широко праздновали Малые Дионисии — в честь окончания сбора винограда и разлива молодого вина. Актёры показывали народу трагедии, комедии и сатирические сцены. Перед спектаклями состязались поэты, сочинившие к торжествам новые произведения; победитель получал почётный лавровый венок. На улицах теснилась публика, взбодрённая распитием неумеренного количества вина, радовалась разворачивавшемуся перед глазами красочному действию.

Участники маскарада несли фаллосы — символические имитации мужского детородного органа, разных видов и размеров. Задолго до праздника их с большой выдумкой изготавливали в каждой семье. Особенно популярны были фаллосы в виде птиц и других существ, непременно крылатых: греки считали, что в возбуждённом состоянии мужчина на крыльях устремляется в «божественные кущи»... И чем могущественнее выглядел фаллос в шествии, тем он сильнее воздействовал на плодородие — земли, домашнего скота, — и благополучие города. Праздник

завершался многолюдным пиршеством за счёт городской казны.

В Дионисии было принято, чтобы все вокруг безудержно пили молодое вино и радовались жизни. Многие участники уличных шествий бесстыдно обнажались и плясали так, как не дозволялось в трезвом виде. Чтобы злые духи не навредили, люди прятали обличье за масками зверей, раскрашивали тела и лица выжимками из красного винограда. Исполнители ритуальных плясок наряжались в козлиные шкуры, стараясь быть похожими на козлоногих сатиров — спутников бога Диониса.

Большие Дионисии завершались... «состязаниями выпивох», коих набиралось к этому дню достаточно много. Они «готовились» задолго до праздников, укрепляя ежедневными «тренировками» собственные глотки и желудки. Состязатели приходили в театр со своими кувшинами, *киликами*, непременно одинаковой вместимости. Зрители занимали все места заранее и с удовольствием наблюдали оттуда за выступающими по очереди парами. Пили «на время». В каждой паре определялся свой «победитель» — тот, кто скорее опустошал килик. Эти «счастливыцы» встречались уже в следующем туре. Их имена называли под звуки фанфар.

От бурного восторга и эмоций зрители стонали и ревели, не покидая мест до самого окончания состязаний несмотря на то, что это неугомонное представление длилось весь день (а бывало, захватывало и ночь). Наконец единственному победителю, едва владевшему своим телом и сознанием, вручали венок из золотых листьев и, в придачу, бурдюк с дорогим вином. Друзья подхватывали «триумфатора» на плечи, чтобы с радостными криками донести домой — в любой конец города... Остальным участникам «винного марафона» доставались ценные подарки и менее почётные венки из сосновых веток. Так, в незатейливых шествиях, играх и состязаниях, берущих начало от древнейшего культа Диониса, проходили мистерии в его честь.

Согласно мифам, Зевс подарил своему сыну Дионису виноградную косточку. Из неё выросла виноградная лоза. Дионис собрал зрелые плоды и выдавил сок, очень сладкий на вкус;

сок перебродил на солнце и превратился в напиток, приятно круживший голову... Так появилось виноградное вино! Непривычный, но приятный запах привлёк внимание всякого рода диких существ: женоподобных *нимф*, козлоногих *сатиров* и полулюдей-полуконей *кентавров*. Они шумной толпой ввалились в дом Диониса в предвкушении необычного угощения. Последним верхом на осле явился Силен — уродливо толстый, с большим животом, но весёлый старик; он сразу нашёл кожаный мешок с молодым вином, припал к нему, напился и был очень доволен.

Дионис обрадовался неожиданным гостям, устроил застолье. Надел себе и сотрапезникам на головы венки из виноградной лозы, тела украсил плющом, после чего все почувствовали себя непривычно весело и свободно. Вконец охмелевшие гости вместе с хозяином пустились в пляс под звуки флейт, свирелей и тимпанов.

Время от времени участники пиршества радостно выкрикивали: «Э-вакх! Э-вакх!» — отчего у Диониса появилось второе имя — Вакх. С тех пор буйное веселье под воздействием вина греки только так и называли — *Вакханалия*.

О пирушке в доме Диониса Зевс узнал от болтливого Силеня. Когда бог попробовал вино, он сообщил богам на Олимпе: «На вкус приятно и мне угодно!» А Дионису поручил познакомить людей с культом виноградного божества.

В путешествии по миру молодой бог знакомил людей с искусством выращивания лозы, учил их ухаживать за виноградником и делать вино. У него появилась преданная свита. Она предано служила Дионису, и пристрастившись к вину, слишком часто и безудержно предавались пьянству. В этом состоянии они плясали и проказничали, насколько хватало сил, а потом, устав от собственных бесчинств, валились с ног и подолгу отсыпались в тени кустарников, чтобы, пробудившись, вновь пировать и безумствовать. Среди спутников Диониса особой бесцеремонностью отличались *кентавры* — полулюди-полукони; они охотились за красивыми молодыми женщинами из окрестных селений и без-

жалостно заманивали их в этот вертеп бушующих страстей. Следует сказать, что иные прелестницы желали присоединиться к свите бога вина и вдохновения, при этом делали вид, будто убегают и прячутся от настойчивых кентавров. На деле, с лёгкостью позволяли себя соблазнить, после чего становились служанками Диониса — *бассаридами*.

Их сложно осуждать. Младший из олимпийцев, бог Дионис, был прекрасным юношей: лицом чист и свеж, алые уста и зубы похожи на раскрытый гранат со спелыми зёрнами, пронзительные фиолетовые глаза, затенённые огромными ресницами, пронзали в самое сердце... Он носил пурпурную накидку, расшитую золотыми нитями, длинные, цвета солнца локоны ниспадали на могучие плечи, на лице сияла приветливая улыбка, освещающая всё вокруг даже в сумерки. В одной руке он всегда держал *тирс* — посох, увитый зелёным плющом, в другой — охапку виноградных лоз...

Под звуки труб, цимбал, рогов и флейт он шествовал по миру со своей свитой, вовлекая всё больше и больше поклонников в новый божественный культ. Люди, научившиеся выращивать виноградную лозу, собирали её плоды, давили из них сок — сладкий, густой и тёплый от солнца, — и он после брожения превращался в «божественный напиток» — в «кровь, истекающую из ран Диониса».

Однако далеко не все люди восторженно восприняли его довольно странный культ. Некоторые предпочитали поклоняться старым, хорошо знакомым, «надёжным» богам. Во время посещения Беотии²⁰ Дионис узнал, что дочери царя Миния — **Левкиппа, Арсиппа и Алкитоя** — сомневаются в его божественности, принародно потешаются. Они были верны своим мужьям и наотрез отказывались «вкусать вакхического безумия». Недолго думая, он превратил их в летучих мышей.

Вообще соблазнение женщины было частью культа Диониса. И сам златокудрый бог этим отнюдь не брезговал. Он выбирал самых красивых и, как казалось, неприступных женщин, затем соблазнял и на следующий день без сожаления оставлял. А они продолжали идти за ним вслед, куда бы он ни направлялся, становясь жестокосердными *менадами*.

Особый азарт у Диониса вызывали целомудренные жрицы. Одну из них — **Ауру**, служительницу богини Артемиды, — он преследовал долгое время, но она, как неприступная твердыня, каждый раз отвергала его настойчивые ухаживания. Когда домогательства молодого бога стали невыносимыми, Аура спряталась от него в храме Артемиды, уверенная в том, что он не посмеет тронуть её в святилище суровой богини. Но Диониса это не остановило — он настиг Ауру, искупал в божественных ласках и заставил, опьянённую страстью, переступить через своё предназначение и свою честь...

Однако Дионис забыл Ауру, как только увидел девственницу **Алфесибу**, ещё одну жрицу Артемиды. Она была непреклонна и не позволяла даже приблизиться к себе, но Дионис пошёл на хитрость — он принял облик... тигра. Девушка, увидев перед собой оскаленную пасть зверя впала в бесчувствие и... больше ничего не помнила.

Красавице **Никае**, лесной нимфе, выпало несчастье быть обманутой Дионисом. Она всячески отвергала его настойчивые притязания. Но он не мог и не хотел отступать. Однажды, когда

²⁰ Историческая область в Средней Греции, граничившая с Эвбейским морем и Коринфским заливом.

девушка наклонилась к роднику, чтобы испить водицы, Дионис превратил воду... в вино. Никая, не ведая подвоха, выпила коварный напиток и перестала отдавать себе отчёт в своих мыслях и поступках...

Наверное, за Дионисом так и закрепилась бы репутация вечно хмельного беспринципного соблазнителя, если бы не один его благородный поступок. Как-то, отдыхая на берегу и наслаждаясь шумом штормового моря, Дионис увидел незнакомую девушку, которая, забравшись на вершину скалы, явно намеревалась броситься вниз. Когда решилась и прыгнула, очутилась не в морской пучине и не на прибрежных камнях, а... в объятиях бога.

Девушку звали **Ариадна**. Она была дочерью критского царя Миноса — того самого, у которого был огромный дворец, названный Лабиринтом за невозможность выбраться оттуда простому смертному. Ариадна, мечтавшая освободиться от опеки властного отца, вручила афинскому царевичу Тесею волшебный клубок, чтобы герой мог пройти по многочисленным коридорам дворца и не заблудиться, распутывая нить по ходу своего движения, а затем вернуться обратно. Взамен такой весомой услуги афинянин обещал жениться на Ариадне.

Тесей убил Минотавра — чудовище с телом человека и головой быка — и вышел из Лабиринта. Живой. Затем на корабле отбыл в Афины — отпраздновать победу. Об Ариадне забыл! Вот почему она оказалась у моря, где её увидел Дионис и спас, после чего на ней женился.

У греков божественный культ Диониса прижился без помех, поскольку радовал сердца граждан праздниками в честь окончания сбора урожая с виноградников и закладки молодого вина. Для участников городских шествий, погружавших всех в хмельное веселье, Дионис был богом —освободителем от повседневных проблем и забот, социальных ограничений. Особенно это касалось рабов и женщин.

В религиозном культе Диониса использовались мистические ритуалы, основанные на легендах о его смерти и воскресении. Ранней весной, когда цвела виноградная лоза, замужние

женщины, приверженки культа Диониса, покидали свои дома, оставляя престарелых родителей, мужей и детей. Известными им тропинками они шли в горы «навстречу богу, восставшему из мёртвых», чтобы собраться в определённом месте и стать частью свиты Диониса». Там слушали откровения главной *менады* о страстях бога, пили много вина и пускались в безудержные пляски.

После шумной ночи в горах участницы мистерии, *вакханки*, устраивали костюмированные шествия «по местам странствования Диониса, сбиваясь в необузданную чувствами толпу». Многие впадали в исступление и в судорогах катались по земле.

Кульминация представляла собой нечто ужасающее: вакханки набрасывались на козла с чёрной шерстью, которого с первого дня таскали за собой, затем убивали камнями, резали осколками и с жадностью лизали кровоточащие раны, выпивали кровь, «приобщаясь таким образом к священнодействию дионисийства». Только так вакханки могли «слиться с винным божеством», став его служанками

Римляне познакомились с Дионисом в V веке до н. э., переняли обряды, но признали в нём «своего Бахуса» — «освободителя от забот и печалей». В Греции Дионисии постепенно переродились в театрализованные народные представления, но часть приверженцев продолжила тайные мистерии. В центре внимания оказались вакхические *оргии*, во время которых служение богу Дионису начиналось с коллективной попойки и безумства кликушествующих женщин-менад. Эти действия длились до 186 года до н. э., когда римский сенат издал указ, ликвидирующий культ языческого бога Диониса — «из-за беспутств и разврата последователей».

ГИППОДАМИЯ

Предать отца

Каждый раз, обращаясь к истории Древней Греции, невольно открываешь для себя новые непознанные страницы, обязывающие видеть современный мир в ином, совершенно непредсказуемом свете...

Принято считать, что состязания древних греков в беге, позднее — Олимпийские игры, ведут происхождение от легендарного героя Геракла. Но это не совсем так! В данном случае роль **Гипподамии**, дочери царя Элиды Эномая, существенная.

Есть предание, что именно она организовала первые в истории Греции состязания в беге среди женщин. Сделала это по случаю своего брака с Пелопсом, сыном пафлагонского²¹ царя. После смерти отца он потерял престол и покинул царство. В поисках новой родины оказался у берегов Элиды, где правил царь Эномай.

У Эномая росла единственная дочь Гипподамия, очень красивая девушка. Но выдавать её замуж и с радостью дожидаться внука-наследника отец не спешил, поскольку знал тайное пророчество о том, что погибнет по вине зятя. Скрывая от близких и приближенных страх, царь говорил всем, что желает выдать дочь замуж, приглашал уверенных в себе молодых людей сначала состязаться с её старым отцом в беге колесниц. Причём, удивительно, любому предлагалось начинать бег первым. А царь сначала совершит жертвоприношение богам и затем пустится вдогонку. В надежде на нетрудную победу женихи принимали вызов, не догадываясь, что кони у Эномая резвые потомки быстроногих коней Посейдона.²² Во всей Греции подобных по красоте и бегу коней не было!

Каждый раз Эномай догонял соперника и предательским броском копья убивал в спину. Глашатаи сообщали народу, что смерти происходили от несчастного случая. Тела оставались без захоронения для устрашения новых претендентов. И только когда ужасная смерть настигла двенадцать молодых царевичей и от важных воинов, Гипподамия задумалась о происходящем.

В надежде на помощь Зевса, которому обещал богатое жертвоприношение, Пелопс предстал перед Эномаем, сказал, что готов к состязанию на его условиях. И хотя царю почему-то он не понравился, назначил день. Отец невесты не знал, что «Зевс подарил сопернику колесницу с конями, не знающими усталости».

К вечеру перед состязанием к Пелопсу пришёл человек, по его признанию, царский возничий. Он высказал неожиданное предложение, что «заменит деревянную спицу в колесе повозки Эномая на похожую спицу из воска».

²¹ Пафлагония — исторический район на севере Малой Азии, выступающий в Черное море.

²² Верховный морской бог, один из трёх главных богов-олимпийцев вместе с Зевсом и Аидом.

— Что это даст мне завтра, возничий? — спросил удивленный Пелопс.

— Колесо на бегу развалится, колесница опрокинется, и ты — победитель. Получишь в жёны царскую дочь и после смерти Эномая — царство.

— Что просишь взамен?

— Совсем немного. Признаюсь тебе, что давно люблю Гипподамию, хотя всегда понимал тщетность желания. Поэтому достаточно, если взамен подаришь мне одну ночь с Гипподамией.

Пелопс недолго думал и согласился.

Во время состязания испорченное царским возницей колесо надломилось... Колесница Эномая накренилась и опрокинулась... Царь запутался в конной упряжи, ударился оземь, а кони, продолжая бег, долго ещё тащили за собой мёртвое тело...

Царя Эномая похоронили с приличествующими почестями. Пелопс женился на Гипподамии. Перед свадьбой к нему снова подошёл возничий, напомнил об уговоре. Пелопс пригласил его «для важного разговора» на верхушку скалы над морем... С тех пор никто не видел царского возничего...

После свадьбы Гипподамия призналась мужу, что случайно оказалась свидетельницей его разговора с возничим «о злополучной восковой спице». Но не предупредила отца.

Пелопс по праву возложил на себя золотой венец, стал новым царём Элиды, но прежде распорядился захоронить с почестями тела прежних женихов Гипподамии, подло убитых Эномаем. Над общей могилой поручил воздвигнуть погребальный курган, рядом с которым Гипподамия обустроила святилище вечнодевственной богини Артемиды.

В благодарность за удачное замужество Гипподамия организовала щедрые пожертвования святилищу верховной богини Геры, покровительницы брака, в Олимпии. Одновременно велела прибыть во дворец юным девственницам от всех подчинённых Элиде городов — их оказалось шестнадцать. Всех разместили в одном помещении, каждой дали по ткацкому станку, поручив выделать ткань для *пеплоса*²³ — праздничного одеяния Геры. Когда пеплос был готов, девушки перенесли его из дворца в храм богини, где

²³ Пеплос — буквально «покрыв» в Древней Греции и, впоследствии, в Древ-

находились изваяния Геры и её супруга Зевса, сидящих рядом на тронах. С молитвами и песнопениями пеплос надели на статую богини. Затем Гипподамия разрешила девушкам состязаться между собой в беге, а чтобы ничто не сковывало движений, предложила бежать в коротких *туниках*,²⁴ оставив обнажённой правую грудь ...

Об этом событии узнали во всей Греции. Герейские игры стали проводиться раз в четыре года, но теперь туда начали допускать ещё и молодых незамужних женщин. Сначала наперегонки бежали девочки, после них — девушки, затем — женщины. Но всегда перед началом Герейских игр в Олимпию прибывали шестнадцать молодых жриц Геры: они ткали для богини очередной пеплос.

Историк и путешественник Павсаний увековечил несколько имён девушек, победивших в тех Играх:

«...**Хлорида**, дочь фиванского²⁵ царя Амфиона. Она бежала легко и быстро, при этом была очень красивая, вызывала восхищение многочисленных женщин, зрительниц. За победу Хлорида получила оливковый венок, часть туши жертвенной коровы и разрешение на установку статуи на Аллее героев в Олимпии... В Фивах царскую дочь ожидали торжества в её честь; именем Хлориды называли городские ворота, через которые она въехала, возвращаясь из Олимпии...»

Титул победительниц также удалось завоевать **Мармаке** и **Алкафе**. Ещё была **Аталанта** из Аркадии: «она опережала соперниц и метко стреляла из лука, состязалась в борьбе». Отец Аталанты, недовольный тем, что родилась дочь, отказался от неё. Ребёнка вскормила медведица, а воспитали охотники... У Гомера Аталанта была единственной женщиной, оказавшейся в команде царевича Ясона (предводителя аргонавтов) в походе на Кавказ за легендарным золотым руном.

Со временем программа Герейских игр расширилась, приблизившись к состязаниям мужчин. Женщины вступали в жёсткие силовые схватки друг с другом в борьбе, метании тяжёлого каменного диска и длинного копья всадника, устраивали кулачные бои и бега боевых двуконных колесниц. Это стало возможным, когда в Олимпии появились спартанки, которые тренировались с

нем Риме; мужская и женская одежда.

²⁴ Простая по фасону одежда, обычно доходящая до колен.

²⁵ Фивы — центральный город в Беотии с независимым политическим самоуправлением.

детства, готовые к физическим нагрузкам, воспитанные на заветах Ликурга:²⁶ «Чтобы рожать здоровых детей, женщина обязана иметь здоровый организм».

За долгую супружескую жизнь с Пелопсом Гипподамия родила тринадцать сыновей и двух дочерей. Казалось бы, идеальная история любви и завидного благополучия... Но если бы это было так на самом деле!

При дворе царя Пелопса в Элиде находилась ещё одна «жена», почти официальная, по имени **Аксиоха** — возлюбленная рабыня. Она родила ему сына Хрисиппа, отличавшегося большим умом, и поэтому среди остальных сыновей царь отдавал ему предпочтение. Пелопс даже собирался передать ему престол, хотя имелся законный наследник — старший сын Атрей. Гипподамия не могла такого допустить, задумала убийство Хрисиппа. Но всё открылось! Ей пришлось искать убежище в соседней стране, где от тоски и отчаяния вскоре наложила на себя руки.

Останки Гипподамии оставались за пределами Элиды до тех пор, пока оракул не велел Пелопсу захоронить мать его детей со всеми подобающими обрядами рядом со святилищем в Олимпии. В Элиде появилась её могила с жертвенным алтарем, куда приходили теперь паломницы. Клади дары для «божественной» Гипподамии, просили совета и покровительства. Пелопс установил статую жены, определив ей место на гипподроме в Олимпии: «Гипподамия встречала мужа с лентой в руках, символизирующей победу над Эномаем».

После смерти Пелопса жители Элиды назвали свой полуостров Пелопоннесом, или Островом Пелопса

²⁶ Легендарный царь Спарты, законодатель (IX—VIII вв. до н. э.), которому приписывают создание институтов спартанского общественного и государственного устройства.

АМАЗОНКИ

Убийцы мужей

Легендарная история Греции хранит немало загадок. Одна из них — женщины-воительницы, или, как их называли греки, *амазонки*. Гомер в «Илиаде» упомянул царицу Пентесилию, которая привела к стенам Трои отряд вооружённых женщин. Поначалу их участие в боевых действиях против греков помогло троянцам, но когда в единоборстве с героем Ахиллом царица погибла, судьба Трои оказалась предрешена. Гомер отмечал высокое военное искусство женщин-воинов, указывая на их местонахождение: «где-то в Ликийи,²⁷ что в Малой Азии».

«Отец греческой истории» Геродот,²⁸ в свою очередь, поместил амазонок на землях, соседствовавших со скифами — между рекой *Танаис* (Дон) и частью *Меотийского* (Азовского) моря. Он называл таинственных воительниц «*андроктонес*», или «мужеубийцы»: «у новорождённых мальчиков они изувечивали ноги и руки и таким образом держали их неспособными к войне; у де-

²⁷ Страна на юге Малой Азии (находилась на территории современных турецких провинций Анталья и Мугла).

²⁸ Древнегреческий географ и историк.

вочек выжигали правую грудь, чтобы она не мешала им впоследствии владеть оружием. От этого обычая амазонки и получили своё название».

Величайший греческий поэт Эсхил в трагедиях определил местонахождение племени «на берегах Фермодонта»²⁹ и уточнил происхождение женщин-воительниц — «первые амазонки были детьми неистового бога войны Арея».

Страбон³⁰ тоже показал своё знание легенд об амазонках: «Жили они в горах Кавказских... В течение не менее месяца в году они занимались садоводством, посевами, скотоводством, но преимущественно разведением лошадей. Самые отважные из женщин промышляли охотой, занимались военными упражнениями. Все с малолетства «выжигали на себе правую грудь — чтобы свободней действовать рукою в бою с врагами, а в особенности при метании копья». Кроме этого оружия употребляли также лук, двойную боевую секиру — *сагарис* и щит и делали себе шлемы, панцири и пояса из шкур диких зверей. При наступлении весны они отправлялись на ближайшую гору, отделявшую их от соседнего племени *гаргареев*. Оставались там с их мужчинами два месяца... Вместе приносили богам жертвы, после чего в тайне ночи соединялись без разбора... Появившиеся таким образом дети делились по их полу: девочки оставались при матерях, а мальчики возвращались отцам...»

Позднее к теме амазонок, их загадочной жизни, непохожей на повседневную жизнь гречанок, учёные и писатели возвращались постоянно. Причём не ставилось под сомнение, что эти женщины были единственными из окружавших их народов, кто имел железное оружие и кто впервые научился ездить верхом. Также не отрицалось их свободное поведение в племени, высокомерное отношение к мужчинам: мужеством и военным искусством амазонки превосходили мужчин и, возможно, мало отличались от них телосложением.

Можно сомневаться в существовании племени воинствующих женщин, но в последние годы слишком часто археологи находят в захоронениях кочевников женские скелеты, покрытые боевыми шрамами, погребённые вместе с оружием. Подобные находки заставляют задуматься...

29 Река, впадает в Чёрное море рядом с городом Терми, Турция.

30 Историк и географ Римской Греции. Автор «Географии» в 17 книгах.

БЕССТРАШНАЯ ЛИСИППА

У историка Диодора³¹ есть упоминание об одной из самых загадочных женщин эпохи: «облечённая в царскую власть, она составила из женщин войско, обучила их военному искусству и с ними победила соседние народы. Мужчин заставляла прясть шерсть, исполнять всякие чёрные работы... Царица эта, отличавшаяся не только силой и храбростью, ещё умом и военными способностями, основала у устьев Фермодонта большой город Фемискиру³² с роскошным дворцом. Она также покорила все народы до Танаиса. В одном сражении царица пала геройской смертью...»

Вождь племени степных кочевников перед родами жены в очередной раз надеялся на появление сына-наследника. Вместе с ним в ожидании замерли соплеменники, потому что в семье вождя пока рождались дочери. Правда, беды в том не было, поскольку женщины в этом племени занимали равное положение с мужчинами и совместно распоряжались имуществом. Будучи хорошими наездницами и владея оружием, они вместе с мужчинами совершали набеги в земли недружественных соседей.

³¹ Греческий писатель, историк, автор сочинения «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов».

³² Мифический город в Понте, к югу от Чёрного моря, являвшийся столицей амазонок.

В отсутствие воинов-мужчин могли успешно защитить семью от врагов и свою честь. Поэтому старейшины племени решили: если боги опять дадут вождю девочку, она, когда вырастет, возглавит племя.

Родилась девочка. Назвали Лисиппой, означавшее — «Бесстрашная», — чтобы врагов бросало в дрожь при одном упоминании её имени.

Отец разрешал дочери участвовать в силовых играх с мальчишками-сверстниками, учил владеть оружием и укрощать необъезженных коней. В четырнадцать лет Лисиппа с согласия отца отправилась в набег на соседнее поселение, где не проявила слабости и жалости к врагам, чем порадовала соплеменников. Через два года, в надежде поскорее увидеть внука, вождь выбрал для дочери жениха из молодых отважных воинов. Лисиппа отказалась следовать выбору отца, отвергала всех, кого предлагал, а потом на совете старейшин заявила, что ради бога войны Ареса она даёт обет безбрачия. Лисиппе поверили и выбрали главной жрицей племени.

Несколько лет находилась она в этой должности, до тех пор, пока отец, почувствовав, что жизненные силы покидают тело, не призвал старейшин, которым сказал следующее:

— Скоро уйду я к предкам. Говорю слово вождя — хочу передать Лисиппе управление племенем, как передал свои знания и опыт, обретённый в войнах с врагами. Хочу услышать, достойна ли моя дочь и вашего доверия?

Ни один из десяти старейшин не возразил против предложения старого вождя.

С этого дня Лисиппа, совместив права главной жрицы и обязанности вождя, стала единоличным правителем большого племени кочевников, по сути, царицей. Одним из первых её распоряжений стало обязательное ношение мужской одежды для женщин, способных владеть боевым оружием — мечом и копьём. Хотя у кочевников такой «вольности» не допускалось. Не успели они к этому привыкнуть, как Лисиппа ввела обязательное обучение девушек и молодых женщин военному делу, поручив проведение занятий в каждой семье — отцу, старшим братьям или мужу. Царица объясняла подобные меры тем, что мужчин, способных с оружием защищать независимость племени, недостаточно. Не-

обходимо создать дополнительное сильное войско из обученных воинов-женщин. С доводами царицы трудно было не согласиться.

Постепенно женщины обрели больше прав, чем могли себе представить. Так, например, жена умершего мужа и дочери отца получали свои доли при наследовании имущества, чего раньше не было. Пожилых женщин приглашали на совет старейшин, когда обсуждались вопросы войны или мира с соседями. Во время суда над преступниками свидетельские показания женщин, их мнения учитывались наравне с мужчинами.

Однажды Лисиппа без переговоров с мужчинами племени объявила соплеменницам, способным владеть оружием, что поведёт их в поход. Желаящих нашлось целый отряд, и Лисиппа ушла с ними в свой первый поход.

Отсутствие отряда Лисиппы длилось недолго; вернулись домой, прихватив обоз с ценным имуществом, сотню быков и большой табун выносливых коней.

Кто из соплеменников оказался способен возражать против столь выразительных действий царицы? На следующий год Лисиппа повела женщин-воинов в новый поход, уже в удесятёрённом составе; вернулась с богатой добычей.

Соседние кочевники, ранее с недоверием относившиеся к Лисиппе, заспешили в царскую резиденцию — заключить военный союз. С этого времени авторитет и власть Лисиппы, «божественной дочери Ареса», стали для многих кочевых племён неоспоримыми: она воспринималась «царицей всех».

По закону предков, военный союз обычно скреплялся заключением брака между детьми вождей дружественных племён. Поэтому Лисиппа, в юности заявившая о своём безбрачии, позволила себе «увлечься» Бероссом, молодым вождём соседнего племени. Царица провела с ним в уединении на берегу безымянной реки несколько дней и ночей, а когда почувствовала, что забеременела, — рассталась навсегда.

С появлением на свет в положенный срок сына, названного матерью Танаис («Рожденный от реки») в жизни Лисиппы мало что изменилось. Она продолжала овладевать огромными территориями, усиливая своё влияние и могущество «Царства женщин-воительниц». При этом не забывала о главной цели своего существования — укреплять роль сообщества женщин, стремящихся показать соплеменникам, насколько они могут быть самостоятельными. Чтобы в дальнейшем у мужчин не возникало сомнений по поводу роли женщин в их племени, царица издала указ такого содержания: «Поскольку женщины доказали, что умеют воевать, впредь мужчинам запрещается быть воинами. Пусть лучше мужчины вместо женщин выполняют все домашние работы... А если кто из мужчин не согласен быть прислугой в доме женщины, тем мужчинам переломать правые руку и ногу».

Нельзя сказать, что мужчины без возражений согласились с указом, но царица, имея под началом преданных ей воительниц, без труда справилась с недовольством.

На возмужавшего красивого Танаиса у любящей матери и соплеменников задумывались надежды, как на будущего главу пле-

мени. Но при подавляющем влиянии женщин на его воспитание сын Лисиппы вырос самовлюблённым и высокомерным, сторонился общения с женщинами, с презрением относился к возможному браку и семье как таковой. Виновата была, прежде всего, мать, поскольку Лисиппа сама не знала, кем должен быть Танаис — отважным воином, как многие мужчины, или стать «рабом желаний и воли женщины». Отсюда, простила многие его недостатки.

Лисиппа молилась богам, вопрошала советы. Её услышала Афродита и задумала осуществить месть — за то, что в своё время дочь вождя поклялась жить в безбрачии! Богиня внушила Танаису любовь к... собственной матери! Однажды на вопрос Лисиппы, почему сын до сих пор не избрал себе невесту, он признался:

— Я не нашёл девушку, сравнимую с тобой красотой и отвагой! Если так, никто не запретит мне остаться непорочным!

Он бросил ей эти слова в лицо и убежал в ночь... Утром все кинулись на его поиски, но нигде не смогли найти.

А через время воды реки вынесли на берег мёртвое тело юноши. С той поры реку так и называли — Танаис.

Лисиппа не перенесла душевной материнской боли: сильно изменилась характером, обрела жёсткость и злость в словах и действиях. Ввела строгие наказания за нарушение установленных ею правил и законов, вплоть до смертной казни.

При этом не оставляла намерений расширять границы собственного царства и продолжала захватнические походы. Со временем всё чаще стала задерживаться с войском в чужих краях — словно боялась возвращаться в родные места. Царский дворец обезлюдел и без присмотра со временем начал разрушаться. Но Лисиппу это не огорчало, она продолжала жизнь воинствующей царицы.

Возглавив союзное войско, Лисиппа направилась на юг, вдоль Кавказских гор, в места, обозначенные как Иберия и Колхида.³³ Здесь жили горцы-*атланты*, не видевшие прежде коней, не знавшие железа, поэтому всадницы Лисиппы наводили на них ужас, что позволяло без особого труда разорять селения. По приказу Лисиппы взрослое население убивали, в плен не брали; девочек забирали, чтобы воспитывать как воительниц. Мальчиков превращали в рабов, предварительно покалечив, — чтобы не сбежали и не брали в руки оружие ради мести.

Лисиппа не утруждала себя завоеванием территорий в горах, тем более малодоступных, она захватывала прибрежные равнинные области, наиболее подходящие для обустройства поселений и городов, с удобными гаванями для морской торговли. За двенадцать лет непрерывных походов царица со своими амазонками завоевала южное побережье Чёрного моря, и, наконец, в устье Фермодонта, на месте бывшего укрепления атлантов, обосновала город Фемискиру, задумав сделать его столицей новой империи царицы Лисиппы — Амазонии.

Всё бы так и случилось, но сил, средств и времени, чтобы управлять огромными территориями, не хватило. От армии в сто тысяч женщин-воинов, которых Лисиппа привела на Кавказ, спустя двадцать лет осталась треть. Набирать войско из местного населения Лисиппа не думала, а самим амазонкам рожать детей было недосуг.

³³ Историческая область, царство, в Восточном Причерноморье, занимавшая Колхидскую низменность и прилегавшие районы вдоль восточного побережья Чёрного моря. В древности основным населением региона были колхи.

Конец истории о бесстрашной Лисиппе предсказуемый: во время ночного нападения горцев на походный лагерь амазонок царица погибла.

Преемницей царской власти стала **Ипполита**, дочь Лисиппы. Но в результате бесконечных переделов огромных владений между ближайшими родственниками Лисиппы могущество Амазонии померкло. Младшие сёстры Лисиппы — **Марпесса**, **Лампадо** и **Гиппо** — отказались подчиняться племяннице и объявили себя «царицами отдельных независимых областей». Царицы Лампадо и Гиппо основали царства на южном берегу Чёрного моря, но и там их влияние подвергалось недовольству местного населения. Элита аборигенов желала самостоятельно управлять странами своими территориями.

ФАЛЕСТРИДА

Сын для Александра

У древнегреческого историка Диодора почти в деталях описана встреча македонского царя Александра с **Фалестридой**, назвавшей себя царицей амазонок. Но это загадочная история...

Греко-македонская армия в труднейших условиях преодолела хребет неприветливого Кавказа и оказалась на берегу Гирканского озера (Каспийское море). За ним простирались необозримые степи Варканы — «Края волков», — где обитали племена недружественных кочевников. Следовало быстрее пройти Варкану — оттуда открывался путь в сторону сказочно богатой Индии. Александр спешил попасть в страну мечты, был готов отдать приказ — идти без остановки. Но понимал, что всем — людям и коням — станет лучше, если он разрешит отдых на три дня.

К вечеру царю доложили, что к лагерю подошёл отряд вооружённых всадников в триста коней. Настроены они мирно. Во главе... женщина, в боевых доспехах. Когда пригляделись к всадникам внимательнее, выяснилось, что все они — женщины, умелые наездницы. Предводительница требует встречи с Александром, говорит, что она царица Амазонии.

— Зачем ей это надо — не сказала? До утра не может подождать?! — удивился и возмутился Александр, поскольку собрался поспать.

Но секретарь сообщил, что женщина ведёт себя решительным образом.

— Какая на вид эта царица? — настроился на шутливый лад царь. — Молодая и красивая? Или боги прислали мне на ночь глядя уродливую старуху?

— Замечательной красоты молодая женщина! — был ответ. — Но сердится, требует допустить к тебе! А разве так себя ведут, если просят встречи с тобой, царь?

Последние слова прогнали у Александра желание спать. Он вышел из палатки и увидел всадницу на коне редкой белой масти.

— Кто ты, женщина? — спросил он её.

Она легко соскочила на землю, склонилась в полупоклоне, а когда выпрямилась, ответила с достоинством царицы:

— Я — Фалестрида, царица Большой Амазонии! Моё имя со страхом и почтением произносят народы, пребывающие на землях от Фазиса³⁴ до Фермодонта.

Удивление Александра нарастало.

— Какая беда заставила тебя появиться у меня, Фалестрида? Какие важные дела оторвали повелительницу стольких народов от родных мест? Если помочь воинами, спасибо, но не требуется — мне достаточно своих храбрецов из мужчин! Неужели только поговорить со мной? Тогда, предполагаю, мне будет интересно.

Фалестрида ответила не сразу. Подошла близко, заставив охрану насторожиться, затем с загадочной улыбкой стала рассматривать Александра, как будто оценивая. И вдруг неожиданно произнесла:

— Я удивлена, царь!

— Чем? — спросил вконец поражённый её словами Александр.

³⁴ Река Риони в Грузии.

— Я представляла тебя другим. Я была уверена, что победить Дария мог только великан! Но ты выглядишь иначе. И всё же слава, добытая тобой во всех сражениях с персами, делает тебя великим, Александр!

Разговор с неизвестной царицей для Александра становился занимательным. Нужно было лишь проявить терпение, хотя последние её слова вызвали раздражение:

— Я так понял, ты ошиблась во мне. В таком случае возвращайся к своему народу! Меня не интересует цель твоего появления в лагере.

Но то, что Александр услышал через мгновение, окончательно поразило его:

— Я хочу иметь от тебя ребёнка.

Царь, сохраняя равнодушие в голосе, спросил:

— Чем заслужил такую честь?

— Я уже говорила, что давно слежу за твоими подвигами. На мой взгляд, в стремлении достичь могущества ты превзошёл всех мужчин, каких я знала до тебя. Поэтому ты достоин стать отцом моего ребёнка.

Александр с недоумением хмыкнул:

— А чем ты заслужила честь стать матерью моего ребёнка?

— О, я превосхожу силой и храбростью всех женщин, каких, возможно, ты знал до нашей встречи. Поэтому уверена, что рождённая от тебя девочка превзойдёт всех выдающихся женщин в мире.

— Но ты можешь родить мальчика! — не сдавался царь.

— Вот здесь ты прав, Александр! Для амазонок не в одинаковой степени значимо, кого родить — мальчика или девочку. Дочь я воспитаю сама — храброй, безжалостной к врагам, как её мать. А сына верну тебе, царь, где бы ты ни находился на тот момент. Таковы наши законы!

Прежде чем ответить на столь неожиданное и дерзкое предложение, Александр спросил, сохранив грозный вид:

— Мне доложили, что с тобой триста женщин-воинов. Это всё твоё войско? А если я прикажу казнить тебя?

— Со мной только моя охрана. Каждая убьёт десять твоих воинов до того, как погибнет. Но ты так не поступишь, я знаю!

— Почему ты так уверена?

— Если твои воины убьют нас, люди скажут, что Александр убивает женщин. А если мы убьём вас, люди скажут, что непобедимого царя Александра женщины убили в сражении. Так что подумай, прежде чем объявить нам войну. Всё моё войско ожидает на границе с Гирканией. На крайний случай у них есть приказ — какого врага нужно сокрушить. Если согласишься с моим предложением, я побуду с тобой некоторое время. Потом уйду. Подумай, Александр!

По легенде о Фалестриде, царь Александр подарил своим воинам тринадцать дней отменного отдыха. На четырнадцатый день необычная гостья оставила лагерь, а царь Александр продолжил поход на Индию...

По свидетельству античных авторов, у «последней царицы Амазонии» родился сын, с которым она не решилась расстаться, хотя обещала его отцу. Но Александр при своей столь краткой жизни не успел узнать, что стало с сыном. После смерти матери, царицы Амазонии, юноша занял престол, тем самым прекратил наследование власти женщин над мужчинами.

ГЛАВА 3. ЗЛО НЕОБХОДИМОЕ

Существует анекдот (с греч. короткая смешная история фольклорного жанра, обычно передаваемая из уст в уста), что однажды к философу Сократу обратился юноша, его ученик:

— Скажи, учитель, нужно ли мне жениться?

Сократ подумал немного и ответил:

— Знай, что брак — это зло, но зло необходимое. Так что тебе лучше жениться.

— Это почему?

— Если тебе достанется такая фурия, как моя Ксантиппа, ты можешь стать философом. А если тебе достанется хорошая жена, будешь счастлив. Выходит, в обоих случаях ты останешься в выигрыше.

— Значит, мне нужно жениться?

— Женись, но знай: женишься ты или не женишься — всё равно раскаешься.

Известный в Афинах чудаковатый мудрец мог позволить себе такие слова, поскольку имел одновременно... двух жён — **Мирто** и **Ксантиппу**. Первая родила двух сыновей, Сафроникса и Мексена, а Ксантиппа — Лампрокла. Если о Мирто сохранилось немного сведений, то Ксантиппа благодаря неуёмной скандальности часто упоминалась современниками Сократа — не зря он называл её рыжей бестией.

Сократ жил с двумя женщинами открыто, на законном основании, поскольку в результате Пелопоннесских войн,³⁵ длившихся почти тридцать лет, Афины лишились большей части взрослых мужчин. Вдовы настояли перед Народным собранием, чтобы граждане приняли закон «О возмещении убыли населения», по которому каждый оставшийся в живых полноценный мужчина обязывался взять в дом, помимо жены, «ещё женщину, и даже не одну», способную родить ребёнка.

И хотя у Сократа плохо получалось содержание даже одной женщины — он был плохим семьянином, — закон обязывал уделять внимание ещё и второй «жене». Судя по высказываниям друзей философа, с этого времени он, «попадая под перекрёстный скандал своих женщин», потерял покой и былую уверенность. Хорошо ещё, что Мирто и Ксантиппа жили в разных домах, отчего невольный двоеженец умело маневрировал семейными отношениями. Женщины часто не ладили меж собой, но если им выпадала удача видеть неуправляемого мужа, переключали вни-

³⁵ Длительный, почти 30 лет, военный конфликт в Древней Греции, в котором участвовали Делосский союз греческих городов во главе с Афинами и Спарта с союзниками.

мание на него: кричали, не стесняясь соседей, что он не уделяет им внимания, не заботится о собственных детях.

Сократ старался реже появляться дома, большей частью проводил время на улице среди людей или посещал дружеские пирушки. Возвращаясь после длительного отсутствия к одной из женщин, слышал справедливые оскорбления. Часто в его сторону летели кувшины разной вместимости, на радость соседям — большим охотникам до весёлых семейных «спектаклей».

Несмотря на вопиющую бедность, постоянную нужду в обоих домах семьи Сократа, он отказывался от денег и даров, которые предлагали друзья и ученики.

Алкивиад, из богатого аристократического рода, втайне от Сократа часто подбрасывал Ксантиппе и Мирто деньги на содержание детей. А однажды предложил философу переехать в одно из его загородных поместий, где имелись скотный двор, поля, виноградник и сад с цветником. Сократ отказался, объяснив это тем, что у него уже есть собственная крыша над головой — «ему достаточно». Узнав об этом, Ксантиппа рассердилась и долго ругала мужа, а он сказал, добродушно улыбаясь:

— Если бы я брал всё, что мне предлагали в дар, мне бы ничего не давали, даже если бы мы просили.

Судя по скудным сведениям о семейной жизни философа,

Ксантиппе и Мирто не удалось «приручить» своего мужчину, привязать его к быту. Сократ явно тяготился семейными и супружескими обязанностями, скучал, когда вынужденно находился в окружении своих детей (оказавшихся слабоумными) и женщин. Подлинную радость он испытывал, только общаясь с друзьями, единомышленниками, учениками. С ними он делился, что «обрёл свободу, остро и непривычно для окружающих воспринимая собственное счастье в постоянном стремлении к наслаждению знаниями, руководствуясь лишь умеренностью, справедливостью, силой и истиной».

Но никто из современников Сократа не осуждал его за отношение к семье. В Греции так поступали многие мужчины...

ЗА СТЕНАМИ ГИНЕКЕЯ

С открытием металлов — меди, бронзы, железа — мужчины успешно освоили военное ремесло, позволившее им обогащаться за счёт поверженных врагов — отбирать земли, имущество и ценности, домашний скот, из сильных пленников заполучать послушных рабов. Молодые красивые женщины становились наложницами победителей, рожали им детей. Первоначальное многомужие постепенно ушло, появилась семья, где главой становился мужчина. Женщине теперь отводилась одна основная роль — «воспроизводительницы» рода.

На божественном Олимпе произошла «смена власти»: царский трон занял Зевс, «передвинув» сестру Геру на место собственной супруги. С этого времени богиня **Гера** стала покровительницей семьи, брака. Казалось бы, мужчины должны были удовлетвориться изменениями в божественном окружении, но долгие годы мифы и легенды напоминали о смертельной силе страстей и коварства женщин...

Деянира, жена героя Геракла, мать его детей, узнав, что муж питает чувства к красавице Иоле, пропитала его хитон³⁶ трупным ядом... Геракл умер в страшных мучениях, после чего жена покончила с собой.

Елена, жена спартанского царя Менелая, уступив губительной страсти, сбежала с Парисом в Трою. В результате греки десять лет воевали с троянцами, требуя вернуть жену мужу. Троя погибла, унеся тысячи жизней с обеих воюющих сторон.

Клитемнестра, жена Агамемнона,³⁷ царя Микен, пока её муж сражался как предводитель греков у стен Трои, изменила ему с его двоюродным братом. Когда Агамемнон вернулся, она убила его, но сама была убита сыном Орестом, по наущению его сестры Электры, из мести.

Медия, дочь царя Колхиды, известная колдунья, была способна оживлять мёртвых, летать по воздуху на колеснице, запряжённой драконами. Медия помогла греческому царевичу Ясону добыть золотое руно, предав отца. Она бежала с Ясоном из Колхиды, убив своего брата. А уже будучи в Греции, посоветовала Ясону убить родного отца, чтобы занять престол. Узнав о неверности мужа, она умертвила совместных с ним детей. После стольких злодеяний Медия вышла замуж за царя Эгея, от которого родила сына Меда. По совету матери, сын убил отца ради того, чтобы занять царский престол.

Федра, дочь критского царя Миноса и Пасифаи, будучи второй женой Тесея, царя Афин, воспылала страстью к своему пасынку Ипполиту (сыну Тесея от первого брака). Ипполит её отверг, и за это она его оклеветала, что привело царевича к гибели. Затем Федра покончила с собой.

Цирцея (Кирка), могущественная колдунья, отравила мужа и поселилась на безлюдном острове. Если к острову подходил корабль и кто-нибудь высаживался на берег, Цирцея воздействовала на путешественников магической властью, удерживая в плену; непокорных превращала в свиней. По пути в Трою на острове оказался Одиссей с товарищами. Цирцея продержала всех в своих колдовских сетях год, пока Одиссей не сумел освободиться от её магии.

³⁶ Мужская и женская одежда (нижняя) у древних греков; подобие рубашки (льняной или шерстяной, реже хлопковой), чаще без рукавов.

³⁷ Царь Микен, со ссоры которого с Ахиллесом начинается поэма Гомера «Илиада».

Столь же коварной оказалась нимфа **Калипсо**, дочь титана Атланта. Семь лет она удерживала Одиссея на своём острове — вроде бы, с его согласия. На самом деле — колдовскими чарами, прельщая вечной безмятежной жизнью рядом с ней. В конце концов Одиссей отказался от предложения Калипсо, по сути, делавшего его «любовным пленником». Царь Итаки вспомнил о своей семье, супружеском долге и обратился к Зевсу с мольбами о помощи. Вняв просьбам героя Троянской войны, Зевс подсказал, как покинуть «остров любви» Калипсо.

Ограничения для женщин, установленные на время проведения всегреческих Игр в Олимпии, известны по древнейшим документальным записям. Но мужчины постарались законодательно ограничить права собственных матерей, сестёр, жён и дочерей ещё и в повседневной жизни.

После свадьбы жена оставляла родительский дом, чтобы стать хозяйкой в доме супруга. Но жила на «женской половине» — в *гинекее*, где помимо неё размещались слуги и домашние рабы. Приданое жены в виде имущества и денежных средств переходило

дило в управление мужа, сама она ничем уже не распоряжалась. Основной обязанностью замужней женщины было безоговорочное исполнение воли мужа.

С рождением детей матери доверялось воспитание сыновей до семилетнего возраста, после чего их переводили на «территорию отца» для получения начального образования. Как правило, глава семьи нанимал воспитателей и учителей или записывал мальчиков в ученики городской школы. Дочери до замужества оставались на «женской половине» под присмотром матери, которая готовила их к роли хозяйки дома и супруги, к рождению собственных детей.

Непременной целью брака являлось обзаведение детьми. Муж мог отречься от жены, если она его в чём-то не устраивала. Но делал это публично, при свидетелях. Достаточным поводом являлось бесплодие жены, хотя закон позволял мужу «воспользоваться помощью ближайшего родственника со своей стороны», причём родившийся ребёнок воспринимался как законный сын-наследник.

Жена имела право на развод, но только если были неоспоримые свидетельства о скандальных проступках мужа, жестокости или буйстве с его стороны. При этом жена участвовала в бракоразводном процессе через доверенное лицо. И даже если решение было в её пользу, дети всё равно оставались с отцом.

Женщина в Греции не могла занимать какую-либо гражданскую или общественную должность. Не могла выступать на суде свидетелем или поручителем, опекуном, попечителем. Она не имела возможности усыновлять детей (даже если это были дети родственников), от своего имени составлять завещание, подписывать заёмный договор, продавать собственное имущество. Не могла совершать денежные займы и управлять семейным имуществом. Все юридические акты осуществлял муж, а после его смерти — ближайший родственник, мужчина.

Известен такой факт: когда афинянин Солон ³⁸ занял высшую должность главного архонта,³⁹ он потребовал, чтобы «всё, совершённое мужчиной под влиянием женщины, не имело в суде юридической силы».

38 Один из «семи мудрецов» Древней Греции, законодатель и политик, глава совета правителей-архонтов Афин.

39 Высшее должностное лицо в древнегреческих полисах (городах-государствах).

Истинное положение женщины в греческом обществе прослеживается в высказываниях известных личностей в истории Древней Греции, таких как, например,...

Антисфен, циник, учитель Диогена:

«Брак — лекарство от любви! Красивая жена — всегда общее достояние, а некрасивая — наказание для мужа».

Аристотель, философ, воспитатель будущего македонского царя Александра:

«Семейный быт — это трата времени. Самая дорогая трата!»

Гесиод, поэт:

«Ничего не бывает ужасней жены нехорошей, жадной сластёны. Такая — и самого сильного мужа высушит пуще огня, и до времени в старость загонит».

Гиппократ, врач:

«Брак — это лихорадка навыворот: он начинается жаром и кончается холодом».

Диоген Синопский,⁴⁰ философ:

«Жёны должны быть общими: кто какую склонит, тот с тою и сожительствует; поэтому же и сыновья должны быть общими».

«Когда две женщины сплетничают, возможно — одна гадюка у другой берёт яд взаймы».

Еврипид, поэт:

«От укуса змеиного лекарства имеются, и пламени яда заглядятся следы — лишь женщина неисцелимо жалит».

40 Синоп — одна из главных греческих колоний на южном берегу Чёрного моря, ныне административный центр Синопского ила Турции.

Менандр, поэт-комедиограф:

«Если хочешь прожить без печали, не женись. Жениться, развести детей — мытарства в этом вижу непомерные».

Пифагор, философ, математик, теоретик музыки:

«Не полагайся на клятвы умнейших, как и на все обещания женщин».

Плутарх, греко-римский писатель:

«Жене следует своих чувств не иметь, но вместе с мужем и печалиться, и веселиться, и тревожиться, и смеяться».

Солон, правитель Афин:

«Муж должен строго следить за нарядами своей жены, не допуская излишеств, потому что жена — бремя, нести которое мужу нелегко».

Филодем, поэт и философ:

«Счастливая жизнь возможна и без жены».

Эзоп, баснописец:

«В супружеской жизни жена — твой противник, который всегда при оружии и всё время измышляет, как бы тебя подчинить».

Подобное отношение к женщине в Греции никого не удивляло; более того, нередко подтверждалось законодательными актами. В V веке до н. э. на выборах *архонта-эпонима*, по сути, правителя Афин, аристократ Клисфен предложил народу масштабные демократические реформы. Он действительно исполнил обещание — осуществил новое административное деление города на округа-*филы*, при нём заработало Народное собрание — *эक्клесия*, была учреждена коллегия стратегов⁴¹ — Совет Пятисот. По

⁴¹ Стратег — в древнегреческих городах-полисах главнокомандующий войском с полномочиями распоряжаться финансами и вершить суд во вверенном ему войске.

инициативе Клисфена афиняне приняли к исполнению *остракизм* — важный закон о недопущении тирании⁴² в политическую систему управления.

Но главной «заслугой» Клисфена можно назвать разработанный им принцип *исономии* — «равенства перед законом граждан, обладающих равными политическими правами и участвующих в управлении городом». Представители аристократической знати и богачи теперь не имели привилегий по сравнению с *демосом*. Свободнорождённые афиняне — только мужчины — становились «гражданами», в то время как их женщины были лишены права таковыми называться. Они были *гинейкес*, то есть просто «женщины»! Это означало, что при рождении девочек родители не записывали их имена в городском реестре граждан Афин. Следовательно, бабушки мужчин, их матери, сёстры и дочери до конца жизни не пользовались правами граждан ни в общественной, ни в политической жизни своего города.

⁴² Форма государственной власти (часто захваченной насильственным путём), основанная на деспотичном единоличном правлении.

ЕЛЕНА

Сожжение Трои

Греческая мифология непрекословно называет жену спартанского царя Менелая **Елену** главной виновницей войны ахейцев (греков) против Трои (Илион) в XII-XII (?) веке до н. э. Воспетые Гомером в поэме «Илиада» события явно подсказывают, будто молодая красавица-жена сбежала от старого мужа на корабле в Трою вместе с Парисом, сыном троянского царя. Напрашивается нехитрый вывод: вот, если бы не Елена-изменщица, стоял долго ещё город-крепость у входа в Дарданеллы в Малой Азии. А так — сгорела напрочь Троя...

Древние греки не сомневались в достоверности Троянской войны. Ряд историков называли «Илиаду» «придуманной поэтом аллегорией на исторические события». Другие объясняли, что такие события могли происходить, «но не у стен Трои, а в войне греков против финикийцев во время колонизации северо-запад-

ного побережья Малой Азии примерно в тот же исторический период». Остальные исследователи уверены, что истинную природу «Троянской войны» выяснить невозможно — наверное, как факт в истории, она имела место, но в той или иной форме...

Действие происходит в Миэзе,⁴³ в охотничьей усадьбе македонского царя Филиппа II, где уже три года Аристотель обучает всяким известным ему наукам Александра, царского сына-подростка. Филипп наведлся в Миэзу после недавнего похода, чтобы увидеть сына. Заодно, убедиться, что не зря пригласил в наставники Александру самого учёного из афинских философов.

Отдохнув после дороги, Филипп пригласил Аристотеля, вместе поужинать. Между ними состоялся занимательный разговор, о чём следует и нам знать...

— Аристо, я доволен, что ты написал и подарил Александру «Наставления наследнику царя» — для изучения и пользы. Поистине, не напрасно мы окружили тебя почётом, дали возможность учить сына и его друзей, как считаешь нужным. Ибо величайшей награды заслуживает человек, передающий наследнику такое учение о царских обязанностях и задачах.

— Благодарю, царь! Но помимо науки управления государством твоему сыну в жизни понадобятся ещё многие знания. Например, литература. Кстати, Александр восхищается «Илиадой», восторгается Ахиллом.

Неожиданно Филипп состроил недовольную гримасу:

— Это мать внушила, будто Ахилл — дальний предок царей Эпира.⁴⁴ Она оттуда родом. Александр стремится быть похожим на него.

Лицо Филиппа покрылось пятнами, голос обрёл жёсткость:

— Александр — наследник своего отца, царя Македонии! Он обязан почитать моего предка — божественного Геракла. Разве героические дела Геракла сравнимы с буйством Ахилла-мирмидонянина?⁴⁵

⁴³ Небольшой городок недалеко от столицы древней Македонии — Пеллы.

⁴⁴ Северо-западная область Древней Греции.

⁴⁵ Мирмидонянин — представитель ахейского племени в Фессалии, где, по Гомеру, властвовал Ахиллес.

Видимо, разногласия с женой Олимпиадой не позволили на этом закончить разговор. Но продолжил миролюбивым тоном:

— Аристо, ты на самом деле доверяешь всему, что написал Гомер?

— У меня не было повода сомневаться. Гомер — великий поэт, все греки это признают...

— И в том, что греки завоевали Трою, тоже не сомневаешься? Аристотель насторожился, но ответил:

— Но тысячу лет так думали греки и до меня.

— У меня другое мнение, — в голосе Филиппа проявилась настойчивость. — Тебе, афинянину, не понравится, как и остальным грекам. Гомер всего лишь слепой рапсо́д,⁴⁶ один из многих рассказчиков легенд, бродивших из города в город. Причём они заучивали песни бродячих певцов, *аэдов*, чтобы развлекать греков на пирах, куда их приглашали ради развлечения гостей. Возможно, Гомер был последним рапсо́дом, запомнившим предания древних греков, а затем кто-то записал их с его слов. С тех пор Гомера упоминают как автора поэм «Илиада» и «Одиссея».

— Я слышал, что это заслуга Писистрата⁴⁷ поручившего записать тексты поэм, затем сделать несколько копий. Но если в этом участвовал человек с именем Гомер, признаться, он был необыкновенно талантливым. Ведь в своей памяти он сохранил героический эпос с описаниями сражений, быта, особенностей поведения и образов героев. Хотя бы за это греки благодарны Гомеру.

Филипп воодушевился:

— Вот-вот! Мне, македонянину, смешны потуги нынешних греков, доказывающих всем, будто они похожи на тех самых героев! На самом деле, песни аэдов, рассказы рапсо́дов, как и поэмы Гомера, — выдумки греков.

Высказав, Филипп с торжеством победителя посмотрел на философа. Аристотель, проявив терпение, не стал переубеждать собеседника, но, как оказалось, зря...

⁴⁶ *Рапсо́ды* — («шиватели песен») — профессиональные исполнители эпических поэм; странствующие певцы, декламировавшие поэмы с жезлом в руке.

⁴⁷ Афинский правитель (VI в. до н. э.). Поручил записать все устные поэмы Гомера в том виде, в каком они сохранились для последующих поколений.

Царь снова удивил Аристотеля, когда после совместного завтрака предложил продолжить вчерашний разговор. Филипп по натуре был азартным человеком, и если он кого-то наметил в жертву, шёл до конца. На этот раз, видимо, в жертву он определил наставника сына:

— Друг Аристо, тебе ли не знать, что женщины во все времена представляли опасность для мужчин. От них — войны, разорения и заговоры! Не будь виновата Елена из Спарты, не случилась бы война греков с Троей. И Троя осталась бы не сожжённой! Разве я не прав?

Аристотель, не догадываясь, к какому результату может привести ответ, с осторожностью произнёс:

— Не смею согласиться или возразить, царь. Одного примера, тем более легендарного, будет недостаточно.

Царь был доволен, что смог втянуть Аристотеля в разговор.

— Хорошо, ещё пример. Феано, знатная замужняя женщина из Фив, влюбилась в жителя Фокиды и позволила себя похитить. Оскорблённая честь мужа сыграла на руку фивянам, и они обвинили жителей Фокиды в нарушении священного Дельфийского договора. Ни одна из сторон не признаётся, что война с тех пор идёт за обладание Дельфами!⁴⁸

Царь торжествующе посмотрел на философа.

— Могу напомнить о Криссейской войне⁴⁹, длившейся десять лет! Причина прежняя — женщины, которых, якобы, похитили криссейцы, когда они, как паломницы, возвращались из Дельф.

Аристотель не стал возражать, решив привести свой пример:

— Соглашусь, царь, из-за женщин случалось немало несчастий. Начиная с Пандоры, супруги Эпиметея, брата Прометея. Я слышал, что Египет покорился персидскому царю Камбису тоже по вине женщины.

48 Дельфы — древнегреческий город в юго-восточной Фокиде (Греция), общегреческий религиозный центр с храмом и оракулом Аполлона.

49 Первая Священная война (ок. 595 — 585 до н. э.) в Греции.

Филипп приготовился выслушать историю, и она оказалась удивительной:

...Камбис, большой ценитель красивых женщин, услышал от одного египтянина, гостившего у него во дворце, что египтянки — большие искусницы в любовных наслаждениях. Камбис послал в Египет главного евнуха с подарками царю Амасису и просьбой отдать в жёны его дочь. Амасис не мог отказать царю могущественной державы, но, опасаясь, что дочери уготована печальная судьба наложницы в гареме, схитрил. Под видом дочери передал посланцу персидского царя Нитетис, дочь убитого им царя Априя. Не подозревая подлога, Камбис женился на «дочери Амасиса», был в восторге от прелестей Нитетис. А она из желания отомстить Амасису за смерть отца открылась мужу. Камбис разгневался, собрал армию, которую привёл в Египет. Покорил и разграбил страну, обложил население поборами. Амасиса приказал утопить. И все несчастья — от болтливой Нитетис!

Филиппу понравилась история, он улыбнулся. Но уйти от темы уже был не в силах:

— Так что же, Аристо, ты до сих пор веришь, что причиной Троянской войны послужило похищение Парисом Елены?

Философ улыбнулся.

— Кто читал поэмы Гомера, тому приходится верить в эту историю. Как и в легенду о Парисе и золотом яблоке, которое он вручил Афродите. А она влюбила в него Елену, жену царя Менелая, и помогла выкрасть из супружеского дома.

Филипп снисходительно слушал Аристотеля, готовя следующий вопрос:

— Ладно, пусть так: Парис обольстил и похитил жену спартанского царя, и это обстоятельство явилось причиной для войны между объединёнными силами греков и могущественной Троей, — Филипп снисходительно улыбнулся. — Аристо, друг мой, но почему я обязан верить тому, как чужеземцу Парису удалось не только приблизиться к молодой царице, но ещё соблазнить и тайно вывезти её?

Филипп казался решительным в собственных утверждениях:

— Я не способен представить себе, чтобы Парису удалось незаметно похитить из дворца молодую царицу, пусть даже влюблённую в него! А как же охрана, грозный Менелай и её героические братья Кастор и Полидевк? И потом, у ней была маленькая дочь от Менелая! Как мать могла её оставить? Гомер не нашёлся, как это объяснить.

Не встретив сопротивления со стороны Аристотеля, царь вновь пошёл в наступление:

— Ещё вопрос: почему жители Трои, обнаружив у стен армию греков, не исполнили всего лишь одно требование — отдать мужу украденную жену? Неужели царь Приам не понимал, чем всё кончится? Тем более что он помнил пророчество: «Троя погибнет по вине сына!». Нет — царь предпочёл долгую и погубительную для троянцев войну. А народ не потребовал от царя отчёта. Вот на какие вопросы нужно отвечать грекам, прежде чем верить каждому слову Гомера!

Филипп почти орал в лицо философу:

— Ладно, пусть Гомер обвиняет Париса в том, что из-за него троянцы терпели осаду города. Но тогда почему они не выдали Елену бывшему мужу сразу после гибели Париса? Ведь греки, выставив это условие, обещали прекратить войну. Нет, Гомер говорит, что Елена стала женой Деифоба, брата Париса. Зачем? Чтобы обрекать жителей Трои на дальнейшие страдания и погубитель? И ты, Аристо, умнейший человек, мой друг, хочешь убедить меня в том, что троянцы предпочли умереть все вместе, погубить город и собственное будущее вместо того, чтобы передать законному супругу украденную жену?

Аристотель начал понимать, к чему клонит собеседник:

— Получается, что у греков не осталось бы причины находиться у Трои. Им пришлось бы возвращаться по домам.

— Наконец-то, Аристо, ты ненамного, но продвинулся вперёд к истине... Я уверен, что похищения Парисом Елены, замужней царицы Спарты, не было. Но была другая Елена, дочь Менелая, которую отец собирался выдать замуж. По этой причине в Спарту съехались женихи со всей Греции. Все молодые, мужественные, задиристые, и когда родители Елены предпочли Париса, сына царя Трои Приама, он увёз невесту домой, где и сыграли свадьбу.

Филипп торжествующе глянул на Аристотеля.

— Как тебе мой эпос? Не похоже на поэму Гомера?

— Но война всё равно случилась! У Гомера слишком много историй про войну греков с троянцами. В таких подробностях он не мог сочинить войну!

Филипп заметил в глазах Аристотеля некоторую растерянность, царя это воодушевило:

— Что непонятного! Женихи, съехавшиеся в Спарту со всех городов Греции, скорее всего были бедными царевичами или небольшими царьками. Но помимо этого — храбрыми воинами. Они оскорбились и договорились сообща наказать «счастливчика» Париса. Тем более что Троя — не Греция! Они погрузились на корабли и отправились вдогонку. Но разве такой ход событий устроит уважающего себя поэта? Гомер взялся за совершенно другой сюжет, предполагающий героические подвиги греков. Он сообщает, что к стенам Трои приплыло большое количество греческих кораблей с огромным войском. Но если бы дела обстояли именно так, грекам удалось бы быстро овладеть Троей, а осада города длилась десять лет! Почему?

Аристотель возмутился:

— Но греки всё это время действительно осаждали стены Трои, было много сражений, о чём и упоминает Гомер.

— Э, нет! — возмутился, на этот раз, Филипп. — На боевые действия, которые обычно происходят при осадах городов, мало похоже. Это говорю тебе я — стратег, знающий, как нужно воевать! А произошло примерно следующее: когда греки увидели перед собой неприступные стены Трои, они поняли, что им никогда не овладеть городом, поэтому опустили до разбойных нападений на прибрежные города, оставшиеся без защиты Трои, начали грабить и убивать жителей — обычное дело на войне. Вспомни, Аристо, как Ахиллес бахвалился: «Я кораблями двенадцать градусов разорил многолюдных. Пеший одиннадцать взял на троянской земле многоплодной...»

Царь перевёл дух. Аристотель воспользовался возможностью перехватить инициативу в споре:

— Греки, едва ступили на землю троянцев, потребовали от Приама выдачи Елены оскорблённому мужу. А троянцы отказали Менелаю! Это ли не повод для греков начать войну?

— Как иначе? Должно же быть у греков оправдание за своё появление на земле Троянского царства! Нельзя верить тому, что за обиду одного спартанского царя остальным грекам была большая охота воевать, рисковать жизнями. Да они пальцем не шевельнут, если не видят своего интереса! А здесь интерес один — захватить и ограбить богатейшую Трою. Жители, понимая, зачем греки пришли на их землю, уверенные в неприступности стен и помнящие о богах, которые на их стороне, отказались выдать Елену. На тот момент она являлась законной женой Париса, сына царя Приама. (А похищения женщин в то время часто случались в Греции.) И только после этого началась война.

Доводы становились всё убедительнее. Это заставило Аристотеля с интересом выслушать Филиппа.

— Разве можно неразумно восхищаться Ахиллесом, — возмутился царь, — если он убил мальчика, сына троянского царя? Подстерёг у ручья, куда тот безбоязненно вышел за водой.

Аристотель кивнул головой, соглашаясь.

— А, ещё! Помнишь, Аристо, как Гомер описал успешный для троянцев бой? Они оттеснили греков, и те в панике отошли к своим кораблям. Так, вероятно, и было, но это всё-таки полу-

правда! Правда состоит в том, что греческое войско после десяти лет лишений у Трои сильно роптало на собственных вождей, все устали безрезультатно воевать. Требовали, чтобы их отпустили домой. Я уверен, что как раз после этого боя греки погрузились на корабли и бесславно вернулись на родину.

— Но Гомер слишком натурально изобразил поединки Менелая с Парисом, Аякса с Гектором. Не мог же он их придумать!

— Возможно. Но схватку Патрокла, друга Ахиллеса, с Гектором, по-моему, он выдумал.

Аристотель не смог скрыть изумление. Царь уверенно излагал:

— Не удивляйся, Аристо, я докажу. Мы зря доверяемся Гомеру, когда он заявляет, что Патрокл в доспехах Ахиллеса храбро сражается, убивает нескольких троянцев, сходится с Гектором и погибает. Гектор снимает и уносит его доспехи как бесценный трофей. Теперь слушай меня внимательно, друг мой, я сообщу факты, а ты рассуди, какое толкование выглядит более убедительным.

Аристотель услышал от Филиппа, что Гектор сражался не с Патроком в доспехах друга, а с самим Ахиллесом! Гектор убил... Ахиллеса! Но такой невыгодный для героя конец грекам признавать не хотелось. И тогда Гомер придумал иной сюжет: на следующий день после гибели любимого друга Патрокла Ахиллес вызвал Гектора на бой и из мести убил его.

Филипп перевёл дух, после чего радостно продолжил:

— А вот другие факты! Ты знаешь, Аристо, что недалеко от Трои над могилами всех героев войны насыпаны курганы. Но кургана Патрокла нет, и никогда не было, потому что его никто не убивал в той войне. Он умер другой смертью, в другом месте!

Философ, возможно, как-то и возразил бы, но Филипп не дал ему этого сделать

— Ещё факт: Гомер сказал, будто Гефест ковал для Ахиллеса новые доспехи, и богиня Афина помогала любимцу убить Гектора. В тот момент вокруг сражающихся героев бились друг с другом боги — за греков и против них, за троянцев. Аристо, дорогой, ты можешь представить себе сражение богов и людей? Это невозможно!

Филипп удовлетворённо хмыкнул и умолк, считая себя победителем. Но Аристотель решил помешать ему:

— В таком случае, царь, какое объяснение ты можешь дать известному «дару» греков троянцам?

— Ты говоришь о деревянном коне, которого дурные троянцы затащили в город себе на погибель?

— Да, не зная, что нутро коня скрывало отряд греков с Одисеем.

— У меня и этому случаю имеется объяснение. Ахиллес погиб, сражённый Гектором. Без него у греков дела пошли совсем плохо, им пришлось просить у троянцев мира. Приам согласился, но обязал греков исполнить искупительную жертву в дар Афине, покровительнице Трои. Потребовал поставить на берегу моря деревянную статую коня — как знак несправедливой войны с их стороны. Таким, по моему представлению, оказался конец разорительной для обеих сторон десятилетней осады Трои. Греки с позором отплыли в Грецию, каждый — к своему дому. Одиссей, ты знаешь, ещё не скоро попал домой на Итаку.

— Но тогда, как понимать сюжет Гомера о героической ночной вылазке Одиссея с воинами в город?

— Такого сюжета на самом деле не было! — категорично заявил Филипп. — Гомер вставил этот героический эпизод «от себя», чтобы избавить потомков от стыда за отцов и дедов, которые вернулись домой ни с чем. Согласись, друг мой, Гомеру нужно было придумать хороший конец, чтобы греки долго превозносили предков перед другими народами.

Царь ушёл отдыхать перед охотой в отличном настроении. Он смог убедить философа в теории, противоположной общепринятой во всей Греции. Это позволило Филиппу быстро заснуть.

Аристотель не чувствовал себя побеждённым в споре, хотя светлый гений Гомера показался запятанным. Осознание того, что поэма — большей частью красивый художественный вымысел, который интереснее исторической правды, уже не оставляло философа.

Наверное, Филипп прав, когда говорил, что Троя не была завоёвана и разграблена. Хотя бы потому, что греки действительно спешно покидали берег Трои — осенью, в ненастную пору, когда обычно в плаванье не отправляется ни один мореход. Причём

корабли отплывали не все вместе, как прежде, а порознь. А так случается после большого поражения и крупных раздоров между вождями, бывшими единомышленниками...

Аристотель вспоминал детали разговора с Филиппом, что ещё больше тревожило сознание.

...Гомер описал союзное греческое войско численностью в сто тысяч. Чтобы перевезти такое количество воинов с вооружением, конями, запасами продовольствия и фуража, понадобились бы тысячи (!) большегрузных кораблей. Их не было у греческих городов! У Трои могли появиться корабли с воинами численностью не более десяти тысяч человек.

...И Троя не имела сто тысяч воинов в обороне стен. Десять лет их нужно было содержать, кормить, поить, мыть — без регулярного мытья людей начинаются эпидемии. А у греков, по Гомеру, продовольственный вопрос решался оригинальным способом: через неких дев, способных делать прямо из земли масло, зерно и вино.

Доводы царя Филиппа заронили в душу философа большие сомнения. Но поддаваться он не спешил, вновь пригласив самого себя к размышлениям.

...Что ждало греческих воинов на родине после бесславного возвращения? Кроме позора и смертей — ничего! Так и случилось: царь Агамемнон погиб от руки собственной супруги, и те, кто вернулся с ним из Трои, тоже были убиты на пире в Микенах. Менелай на обратном пути надолго задержался в Египте, а у Одиссея женихи его супруги Пенелопы разграбили имущество. Разве греки так встречают героев-победителей, разорителей могущественной Трои?

И наконец, какова судьба Трои, по словам Гомера, «павшей перед греками, ими сожжённой»? Известно, что город, а вместе с ним и Троянское царство надолго исчезли из истории. Но сохранилось несколько имён.

Например, троянец Эней, который бежал с товарищами из охваченного пожарами города на корабле; попал на юг Италии, позже полностью завоёванной его потомками. Римляне станут считать Энея своим предком. Рим будет основан выходцами из «побеждённой греками» Трои!

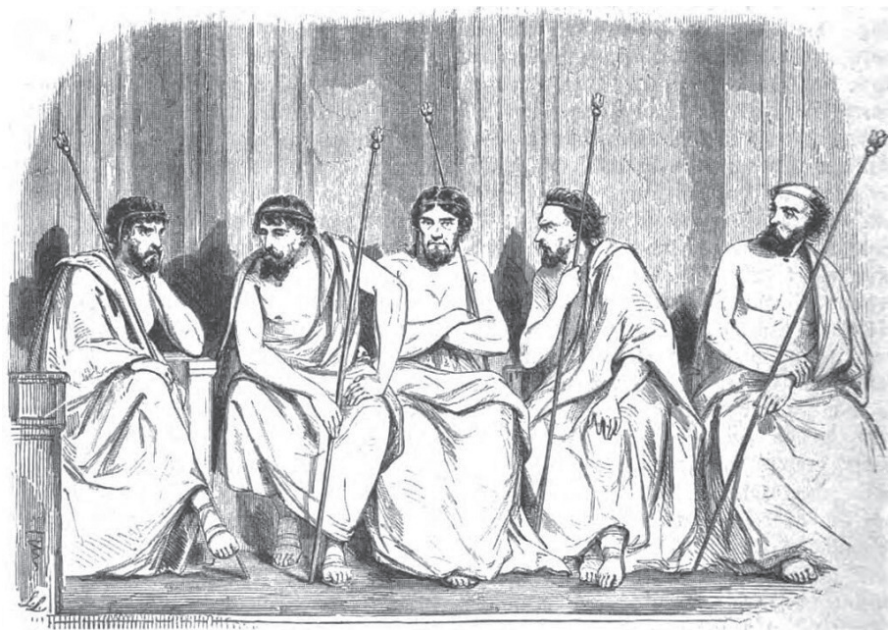
...Ещё один житель Трои, Гелен, захватил Эпир, а другой, Антенор, — Венецию в Южной Италии. Судя по достоверным исто-

рическим фактам, подтверждающим, что в Италии появились города, основанные выходцами из Трои, троянцы не очень-то были похожи на людей, побеждённых греками.

...Красавица Елена, предавшая мужа и малышку дочь, надо понимать, обессмертила память о себе...

ДОБРАЯ АГАТА

Интересная история произошла в VI веке до н.э. с царём Спарты Анаксандридом. Долгие годы он был счастливо женат на **Агате («Добрая»)**, дочери родного брата, но боги не спешили одарить пару рождением наследника. Законы о семье в те времена принимались понятные и жёсткие: ради продолжения рода муж имел право пренебречь супружескими узами и отпустить или временно отстранить от себя бесплодную жену обязав уступить своё место другой женщине. Для царей исключения не было.

За исполнением законов могущественной Спарты, и за правителями, наблюдал особый Совет — *Эфорат*, состоящий из пяти эфоров, избираемых ежегодно из числа особо уважаемых и достойных людей. Это они однажды посоветовали царю, чтобы он развёлся с бесплодной Агатой и поискал новую жену.

Анаксандрид не был готов к разрыву с любимой женой, а эфоры были неумолимы. Напоминали, день за днём:

— Отпусти Агату и возьми в жёны другую.

Но царь заупрямился. И тогда эфоры предупредили:

— Семья царей — не личное дело только супругов! Мы не допустим, чтобы угас древний царский род Еврисфена! Если ты сам не думаешь о наследнике, подумай о Спарте. Анаксандрид, ты — воин, подумай, кто примет власть после тебя? Как бы ты ни любил Агату, отпусти её, присмотри другую девушку и женись. Не сделаешь так, потеряешь любовь спартанцев. А это посильнее твоей любви к жене!

Анаксандрид не зря находился на престоле более сорока лет, оказался непреклонен, требовал другого решения проблемы. Наконец, эфоры предложили:

— Мы соглашаемся, чтобы ты не разводился с Агатой и не отпускал от себя. А для того, чтобы у тебя появилась возможность занять наследника, возьми вторую жену, которая родит тебе наследника. Сделай так в угоду нам и в интересах Спарты.

Это решение устроило всех. Анаксандрид не оставил супружеским вниманием и заботой любимую Агату. И она не зря называлась «Добрая», согласилась делить супруга со второй женой, молодой женщиной.

В этом же году от второго брака родился сын Клеомен. Спарта ликовала, со всей Греции, кроме врагов, приходили поздравления счастливому отцу, заимевшему, наконец, наследника престола. Но затем произошли вовсе неожиданные события — прежде бездетная Агата забеременела, чем переполошила родню второй жены.

Они пустили слух, будто первая жена намерена выдать чужого ребёнка за сына Анаксандрида! Пришлось эфорам экстренно заседать, после чего вынесли решение: «Пусть первая жена царя рождает при нас!»

Агата родила сына Дориея, невероятно похожего на Анаксандрида. Эфоры вновь заседали и вынесли ещё решение: «В соответствии с законом Спарты, наследником престола будет первенец царя — Клеомен».

Затем Анаксандрид расстался со второй женой, объявив законной Агату. И она ещё родила двоих сыновей-близнецов: Клеомброта и Леонида, героя сражения с персами у Фермопильского ущелья. На всё — воля богов и взаимная любовь!

ЖЕНА В ПОДАРОК

Царь Спарты Аристон был женат дважды, а потомства у него не было — ни сына, ни дочери. Не считая себя тому причиной, он присматривал третью супругу. Но выбор пока не сделал ни на одной девушке или женщине. Жители Спарты любили царя, желали ему семейного счастья и детей, но между собой говорили, что без сына-наследника на Аристоне закончится славный царский род Эврипontiдов. Эфоры на совете тоже вздыхали по этому поводу, настаивали, чтобы Аристон женился в третий раз.

Однажды царь побывал в доме близкого друга Агета, где увидел его жену. Молодая, красивая лицом, ладная телом, она ему настолько приглянулась, что скоро он понял — влюбился всерьёз! Ему бы выбросить чужую жену из мыслей, а им овладела большая страсть: день и ночь царь только о том и думал, как заполучить предмет вожаделенной мечты. И придумал...

Вспомнил, как Агет, от души сочувствуя Аристону, не раз говорил:

— Я твой друг! Готов тебе помочь, правда, не знаю, чем.

На что Аристон отвечал:

— Лучше иметь одного такого многоценного друга, чем многих малоценных.

Аристон организовал у себя небольшое застолье с близкими ему людьми, среди которых был Агет. В разгаре веселья, когда хмельное вино многим подавило рассудок, Аристон спросил друга, так, чтобы остальные услышали:

— Агет, друг мой, не хочешь ли ты в знак нашей дружбы получить от меня подарок?

— А какой? — живо откликнулся Агет.

— Для друга мне ничего не жалко! Возьми что хочешь! Например, самое дорогое, что есть у меня.

— Если не шутишь, хочу! — ответил нетрезвым голосом Агет.

— Тогда иди в сокровищницу и выбирай из всех драгоценностей любую. Хотя бы и самую дорогую. Мне не будет жалко, бери! Но при одном условии...

— Я слушаю, царь.

— При условии, что я тоже заберу у тебя в доме то, что ты считаешь самым дорогим для себя.

Агет широко улыбнулся — у него в доме особо ценные вещи не водились. А самым дорогим человеком была жена — но кто может покуситься на замужнюю женщину? Тем более Аристон уже женат... Агет был уверен, что речь может идти только о каком-нибудь пустяке!

— Согласен! Что тебе понравится в моём доме, то и заберишь! — добродушно ответил он.

При всех ударили по рукам, хотя сотрапезники расценили «сделку» дружеской шуткой.

К удивлению сотрапезников, Аристон продолжил, на первый взгляд, несерьёзную «кампанию»: призвал нотариуса, который оформил письменное соглашение царя с Агетом, скрепил своей подписью и печатью. Под обязательствами «сторон» поставили подписи несколько свидетелей, как требовал закон. После этого Агет отправился в царскую сокровищницу, откуда вынес несколько красивых и ценных вещей.

— В подарок любимой жене, — радостно сказал он, восхищаясь драгоценностями.

— Я рад, Агет, что ты взял у меня самое ценное, — загадочно улыбаясь, произнёс царь. — Теперь, друзья мои, пойдём в дом Агета. Я хочу получить ответный подарок.

Участники пирушки дружно оставили столы, чтобы сопроводить царя к дому Агета.

Жена Агета, стройная белолицая красавица, скромно улыбаясь, встречала на пороге нежданных гостей. Склонив голову с волной чёрных волос, она поприветствовала их тихим голосом. В ответ царь совершил неожиданное действие: положил правую руку на её плечо! Все знали этот символический жест, известный грекам как «знак руки», означавший право хозяина на владение вещью. Тем самым Аристон показывал, что он законным образом получил право собственности на вещь, даже если эта «вещь» — чужая жена!

Такой знак применялся во время войны при захвате добычи у неприятеля — кто первым клал на завоёванную вещь руку, тот и становился её новым владельцем. В соответствии с обычаями предков, жених применял такой знак владения собственностью на невесте во время свадьбы. При этом непременно произносил определённую словесную «формулу», без которой не мог стать главой семьи, иначе — «собственником жены».

Ко всеобщему удивлению, особенно обоих супругов, Аристон сказал следующее:

— Вот, Агет, то, чем я желаю владеть сейчас как самым дорогим твоим подарком. Отдай мне свою жену.

— Но позволь! — вскричал вмиг протрезвевший друг царя, не понимая до конца, что происходит в его собственном доме. — Это моя жена, самое дорогое, что у меня есть! Я не могу ни отдать любимую жену, ни, тем более, поделиться ею с тобой!

— Но у меня договор, подписанный нами при свидетелях и нотариусе, — невозмутимо продолжил царь. — А как же клятва в верности дружбе?

Агет понял, что попал в ловушку, устроенную самым, как он думал, близким другом. Договор действительно существует. Настоящий договор, составленный по всем правилам! Никто не осмелится нарушить договор, иначе навлечёт гнев Зевса Геркейского, хранителя священных клятв! К тому же кто пойдёт против воли царя Аристона? Все знают — обид он не спускает!

Пришлось Агету с болью в любящем сердце уступить жену уже бывшему другу.

Так Аристон, несмотря на осуждение спартанцев, в третий раз женился на разведённой жене Агета. Как следует из истории, царь любил её, и она ответила его чувствам — а что оставалось делать женщине?..

Спустя десять лун новая жена Аристона родила сына. Весть принёс ему слуга, когда он беседовал с эфорами. Не отвлекаясь от разговора, царь, прикинув на пальцах число прошедших месяцев, воскликнул вдруг: «Это не мой сын!» Эфоры услышали эти слова, но не обратили тогда на них никакого внимания. Казалось, все забыли об этом случае...

Младенца назвали Демарат, в Спарте его восприняли как наследника царя. Когда Аристон умер, юноша занял место отца на престоле. Однако неосторожно брошенные однажды слова Аристона повлияли на судьбу Демарата настолько, что он стал изгнанником.

В это самое время рядом с Демаратом находился его соправитель Клеомен, сын Анаксимандра. Желая свергнуть Демарата, Клеомен сумел напомнить спартанцам о словах Аристона, сказанных в день рождения Демарата: «Это не мой ребёнок!» Эфорам пришлось разбираться с престолонаследием, и они отправили Клеомена в священные Дельфы запросить оракул Аполлона.

Клеомен, естественно, зря времени не терял, подкупил дельфийскую жрицу, которая «подтвердила» — «Демарат — не сын Аристона». Пришлось Демарату оставить сначала царский престол, Спарту, а затем — Грецию, и, не найдя лучшего выхода, отправиться ко двору персидского царя Дария, который, к слову, принял беглеца с почётом и дал ему в управление ряд городов.

Через несколько лет сын Дария Ксеркс вторгнется в Грецию; рядом с ним будет находиться ценный «советник по греческим вопросам» — Демарат, со знанием дела излагающий планы покорения греческих городов.

Как и когда умер изменник Демарат, неизвестно.

СТРАТОНИКА

Исцеление любовью

Селевк был одним из успешных военачальников Александра Македонского. Он заручился ещё большим доверием царя, когда спас его от разъярённого быка, которого готовились принести в жертву богам. Неожиданно животное вырвалось на свободу и напало на царя. Селевк встал на пути, изловчившись, ухватил руками за рога и усмирил. Этот случай дал Селевку повод использовать изображение бычьих рогов на монетах, которые в дальнейшем он самостоятельно чеканил.

После смерти царя его военачальники, в подчинении которых находились целые армии, начали раскалывать огромную Империю на части. В результате кровопролитных междоусобных войн Селевк закрепил за собой Малую Азию, Сирию, Месопотамию и Иранское нагорье. На всей этой территории он основал империю, которую назвал Селевкийей, и стал родоначальником царской ди-

настии Селевкидов. С этого времени его называют Селевк I Никатор («Непобедимый»).

Во время известного в истории Эллады Восточного похода царь Александр организовал в персидском городе Сузы⁵⁰ массовое бракосочетание (с участием девяноста пар) представителей македонской военной знати с девушками из благородных персидских семейств. Грандиозное мероприятие, длившееся пять дней подряд, предполагало примирение и слияние двух народов ради господства в новой Империи.

Сам Александр уже был женат на Роксане, дочери бактрийского⁵¹ правителя, а в Сузах женился одновременно на двух девушках — Статире, дочери персидского царя Дария III, и Парисатиде, дочери царя Артаксеркса III. На тот момент Александр являлся победителем царя Персии, что, по восточному обычаю, позволяло ему иметь несколько жён.

В числе «счастливых македонских женихов» был Селевк, которого судьба свела с Апамой, дочерью убитого вождя Согдианы⁵² Спитамена. В дальнейшем она сопровождала мужа в походе. Родила ему сына Антиоха.

Когда Антиоху исполнилось восемнадцать лет, Апама заболела и умерла, и Селевк, ещё не старый человек, подыскивал мачеху для сына. В этом вопросе политика была важнее любви.

В какой-то момент царя Селевкии одолели неудачи на полях сражений за новые территории. Понадобилась поддержка союзника, которого Селевк рассмотрел в Деметрии, правителе Македонии. Цари договорились «о дружбе и помощи» и скрепили договор свадьбой — дочь Деметрия **Стратоника** вышла замуж за Селевка. Так молодая супруга, юная красавица, оказалась в роскошном дворце престарелого супруга, в необычной для себя роли мачехи.

50 Один из древнейших городов мира на территории современной провинции Хузестан в Иране.

51 Бактрия – историческая область на сопредельных территориях современных Таджикистана, Узбекистана и Афганистана, между горной цепью Гиндукуш на юге и Ферганской долиной.

52 Древняя историческая область в Центральной Азии, в современном Узбекистане и Таджикистане.

Стратоника и Антиох виделись редко — либо случайно, либо когда Селевк приглашал наследника к себе. С некоторых пор отец стал замечать, что любимый сын, прежде бойкий юноша, сильно изменился и даже похудел. Воспитатель Антиоха с тревогой сообщал царю, что мальчик беспричинно впадает в грусть, теряет интерес к жизни.

Поначалу отец воспринял душевное состояние сына как тоску по умершей матери, но затем встревожился. Призвал лучших лекарей, чтобы они осмотрели сына и определили, какой недуг его терзает. Лекари один за другим заявили, что у Антиоха неизвестная им болезнь, а если так — она неизлечима. Приговор верг царя в большое горе, поскольку вместе с ухудшением здоровья сына исчезала надежда, что Антиох станет преемником на троне Селевкии. Царь не хотел с этим мириться и приказал лечить больного всеми доступными средствами. Но Антиох, словно заговорённый, отказывался от лекарств, а потом и от пищи и однажды попытался покончить с собой.

У Селевка оставалась одна надежда — пригласить известного в Греции учёного и врача Эрасистрата, давнего друга царя. Он долгое время работал в Египте, в Александрийской библиотеке, где изучал различные теории врачевания. Многие из них он отвергал, доказывая практическим путём, что на самом деле в медицине та или иная методика не действует. Когда он узнал о беде с сыном Селевка, отложил все дела и появился во дворце царя.

Первым делом Эрасистрат познакомился с записями осмотров больного всеми лекарями до него и только потом явился к постели юноши. Обследовал царского наследника и убедился, что исцеление нужно искать не в лекарствах и снадобьях, а в обстановке, причём не обязательно в обстановке лечебницы. Будучи знатоком человеческой природы, врач предложил всем женщинам, жившим во дворце, пройти мимо ложа больного. И всё это время Эрасистрат едва прощупывал его вялый пульс, но как только появилась Стратоника, сердечный ритм у Антиоха резко ускорился. Мельком глянув на лицо юноши, врач заметил, как блеснули его

глаза, порозовели щёки. Не сказав ни слова Антиоху, Эрасистрат отправился к царю.

Проявив мудрость и терпение, врач начал издали:

— Селевк, ты до сих пор считаешь меня другом?

— Откуда сомнения, дорогой Эрасистрат? Ближе тебя нет у меня друга!

— Тогда слушай. Я понял причину болезни твоего сына.

— Так говори скорее, не мучай меня! Прошу, излечи любимого наследника!

— О царь! У него очень серьёзная болезнь, порой действительно неизлечимая, и она называется любовью.

Селевк расхохотался, настолько странными показались ему слова врача.

— Нашёл причину! Какая же это болезнь — любовь? Любовь — это бред, она — пустяк!

— Нет, царь, ты ошибаешься: если любовь Антиоха останется без ответа, болезнь не вылечить, — бесстрастно возразил Эрасистрат. — А она именно такова, потому что твой сын любит замужнюю женщину!

— Он признался, кого любит? Отцу можно поинтересоваться, кто эта женщина?

Эрасистрат изобразил грустное лицо и произнёс с волнением:

— Твой сын любит... мою молодую жену, и, оказывается, давно.

Врач озабоченно посмотрел на царя, а тот радостно воскликнул:

— Эрасистрат, ты врач! Ты обязан вылечить моего сына! Обязан исполнить врачебный долг! Неужели не дашь развод своей жене ради здоровья моего сына?

— Но, царь, я недавно женился на ней. Я люблю её! И потом, боги не одобряют подобную жертву с моей стороны. Да и ни один муж не пошёл бы на подобный шаг, даже ты, отец Антиоха! — продолжил свою игру Эрасистрат.

Селевк в волнении оборвал его:

— Как ты можешь так говорить? Я полюбил его, когда он ещё

не родился, а потом — даже сильнее! При родах я сам искал повитух, звал кормилиц и нянек, нанимал воспитателей и учителей гимнастики, к обучению сына привлекал лучших риторов⁵³ и грамматиков⁵⁴ — и, как думаешь, для чего? Чтобы по смерти моей сын ни в чём не имел нужды! И вот когда у моего наследника проявился непонятный недуг, у меня болит не только всё тело, но и душа! Я бы так себя чувствовал, даже если бы он просто захворал — заболела голова, или глаз, или рука! Но то, что происходит с ним сейчас, просто вопит, что я не уберёг сына, когда он нуждался в моей заботе. Жизни своей не пожалею ради его выздоровления!

Эрасистрат понял, что пора рассказать царю всё как есть. Что юноша страстно влюблён в мачеху, но она об этом не догадывается. Тем более что недавно Стратоника родила дочь, и молодой матери было не до скрываемых чувств пасынка.

Селевк остался верен царскому слову: в тот же день призвал старейшин, которым объявил о расторжении брака со Стратоникой. Закон здесь был ни при чём, достаточно было просто произнести: «Стратоника больше мне не жена...»

Потом была свадьба... Антиоха и бывшей мачехи. Всё устроил отец и бывший муж, после чего занялся царскими делами. Но, возможно, открывшиеся обстоятельства подтолкнули Селевка к ссоре с Деметрием, бывшим тестем. Союз между ними разорвался, как только Селевк завоевал Киликию,⁵⁵ которую ранее Деметрий считал своей добычей. В ответ «союзник» вторгся в регионы рядом с Сирией. Но царь Селевкии перехитрил его, призвав вражеское войско перейти к нему, за большие деньги. В результате Деметрий умер пленником Селевка.

Поскольку обширные территории Селевкии требовали огромного внимания в управлении, отец назначил сына соправителем и наместником восточных провинций. С этого времени Антиоха стали называть царём, а Стратонику — царицей.

53 Ритор — в Древней Греции оратор, а также учитель красноречия

54 Грамматика — раздел языкознания (лингвистики), который изучает грамматический строй языка.

55 Историко-географическая область на юго-востоке Малой Азии.

Селевку показались недостаточными размеры собственной империи, хотя ему уже принадлежали все завоевания Александра, за исключением Египта, Македонии и Фракии⁵⁶. Он намеренно оставил Азию в управление Антиоху, решив довольствоваться до конца своих дней Македонией. Однако едва он перешёл границу, как был убит в сражении.

Антиох занял престол Селевкии и основал божественный культ своего отца, которому поклонялись как сыну Зевса Никатора.

У него со Стратоникой родилось двое сыновей — Селевк и Антиох. Однажды отец узнал о заговоре старшего сына с целью отобрать власть. Не задумываясь, он приказал убить Селевка, объявив Антиоха своим наследником. Правда, позже он узнал, что заговора не было: при дворе некоторым людям более подходила кандидатура младшего сына. Они-то и направили месть отца в нужную им сторону.

Такова разница в цене отцовской любви — между царём Селевком I и его наследником — Антиохом I.

⁵⁶ Историческая и географическая область на востоке Балкан.

ГЛАВА 4. СТРАННЫЕ ЖЕНЩИНЫ

ОТВАЖНАЯ ДЕВУШКА ГИДНА

Павсаний, в своём путешествии посетивший греческие города и области Греции, оставил замечательные записки в виде книги «Описание Греции». В ней отметил необычный случай, когда девушка по имени Гидна, жительница Сикиона,⁵⁷ «заставила персов Ксеркса отказаться от нападения на её родной город». Наверное, так и было, поскольку благодарные сограждане собрали средства на бронзовую статую Гидны, чтобы установить на территории святилища в Дельфах рядом со статуями богов и олимпийских героев. Произошло это событие в 480 году до н. э. во время «Второй греко-персидской войне», когда царь персов Ксеркс привёл почти миллионную армию на многострадальную землю Греции.

Сикион расположился на северо-востоке Пелопоннеса, в глубине Коринфского залива, и до некоторых пор греки мало что слышали о нём. Гомер в «Илиаде» упомянул царя Микен Агамемнона как хозяина Сикиона. Во время нашествия персов на Грецию управление городом осуществлялось демократическими органами, иначе — большинством голосов при любой сложности обсуждения вопросов. А в целом жители Сикиона подрабатывали торговлей, благо, имели удобную гавань, ремесленничеством, сбором морских губок и рыбной ловлей.

...Старик Скиллиад с детства помогал своему отцу, учился нелёгкому и опасному ремеслу ловца морских губок. Он давно усвоил: главное — с лодки через толщу воды обнаружить колонию губок, как бы глубоко они ни затаились, потом нырнуть и задержать дыхание на столько, чтобы успеть заполнить корзину доверху. Затем дёрнуть за верёвку, подав сигнал помощнику в лодке, что можно поднимать добычу. А самому без проблем добраться до поверхности и глотнуть спасительного воздуха...

Губки, добытые нелёгким трудом ловцов, порой гибелью, пользовались хорошим спросом — в каждой семье эти «дары моря» использовались для чистки и мытья, личной гигиены и фильтро-

⁵⁷ Древнегреческий полис на северо-востоке Пелопоннеса, в глубине Коринфского залива.

вания воды. Воины полировали губками бронзовые шлемы, после чего они ослепительно блестели на солнце, заранее устрашая врагов. Скиллиаду приходилось часто брать помощника и отправляться в море на лодке. Лишь в дни сезонной непогоды была возможность немного отдохнуть на берегу.

В последние годы Скиллиаду всё труднее было выходить в море — одолевали разные недуги. К тому же боги не дали ему сына-помощника — только дочь Гидну. Некому было передать секреты семейного ремесла. Совсем недавно помощницей была супруга, но она умерла и теперь Скиллиад реже уходил в море, рискуя, без помощника. Трудно и опасно управляться с парусом и вёслами, в поисках губок просматривать через специальный ящик дно моря. Обнаружив их, опускаться с тяжёлым камнем в руках — раз за разом, пока не иссякнут силы... А что поделаешь?!

Однажды дочь, вошедшая в возраст невесты, напросилась с отцом в море, просто из любопытства, да так и осталась помогать ему постоянно. Скиллиад с удивлением замечал, как ловко у неё всё получалось: она запросто укрощала парус и вёсла, угадывала поселения губок и, набрав воздух в лёгкие, бесстрашно опускалась на такую глубину, на какую старик уже не мечтал попасть.

У Скиллиада давно уже стали проявляться «профессиональные» болезни: он страдал от ожогов щупальцами красных актиний (разоряющих колонии губок), оставляющих незаживающие язвы на коже, чувствовал боль в ушах, не позволявшую нырять так глубоко, как прежде. А у дочери всё спорилось и, казалось, безумно ей нравилось. И всё равно, старик с облегчением, радовался, встречая Гидну на поверхности с сеткой, вдвое превышающей его добычу. Одна беда — она была щуплой телом, и чтобы скорее достичь дна, ей приходилось привязывать к талии большой камень...

Отец помнил, что ловцы губок рискуют жизнью. По этой причине не хотел долго держать дочь при себе. Говорил уверенно:

— Выдам тебя замуж за молодого ловца губок. Будет тебе муж, а мне — помощник.

Гидна отшучивалась:

— Вот скоплю денег на приданое, тогда и оставлю тебя, отец! Иначе кому нужна бедная невеста?!

Скиллиаду приходилось считаться, что на губки есть спрос.

Это означало одно — нужно их ловить даже при беспокойном море. Найти место, где тебя ждут «дары Посейдона», с риском для жизни забрать их и благополучно добраться до берега. А там — удачно продать улов, купить еду и прочие нужные для жизни вещи.

Отец не признавался дочери, что каждый раз перед выходом в море просил Посейдона не сгубить их вместе с «престарелой» лодкой. И в его дальних планах была покупка новой — надёжной — лодки. Ради этого они сейчас и рисковали жизнью...

В Сикионе на агоре⁵⁸ бурно обсуждали ужасную новость: сто-тысячная армия персов при поддержке флота преодолела Геллеспонт,⁵⁹ завоевала Фракию и вторглась в Элладу. Во второй раз, через десять лет после неудачи Дария⁶⁰ в первом походе!

С каждым днём слухи о продвижении персов, приходившие в Сикион, были всё тревожнее. Афины со Спартой, отбросив прежние распри, вроде бы договорились о военном союзе; остальные греческие полисы не спешили к ним присоединиться — в надежде на то, что беда пройдет мимо. Вот и сикионцы надеялись... Чтобы себя успокоить, растерянно говорили: «Ксеркс будет мстить Афинам за поражение отца при Марафоне⁶¹. Персам нужны только Афины».

...В памятное для жителей Сикиона утро, когда лучи солнца едва коснулись верхушки ближайших гор, Скиллиад с дочерью направили лодку к дальнему мысу, где в прошлом году им удалось собрать немало губок. Может, и на этот раз повезёт — думали они.

С каждым мгновением наступающего дня ветер набирал крепость, срывая колючие брызги с верхушек волн, напрягая парус. Лодка привычно подпрыгивала, покряхтывая ветхими досками

58 Городская площадь для народных собраний.

59 Узкий пролив между Европой и Азией (современная Турция).

60 Дарий I Великий — царь Ахеменидской державы, правил в 522—486 годах до н. э. При Дарии I владычество Персии простиралось от Египта до Индии и охватывало более 80 народов.).

61 Город в Греции, рядом с которым состоялось сражение между армиями персов и греков.

обшивки и, видимо, напоминая хозяину о своём возрасте. Но Скиллиад, стараясь не обращать на это внимание, вёл лодку, уверенно отдаляясь от давно знакомого берега с гаванью, жилыми застройками, крохотными садами и виноградниками на ближайших холмах. Через какое-то время они скрылись из виду, что означало скорое прибытие на место.

Едва лодка достигла конечности мыса и завернула к берегу, Гидна удивлённо вскрикнула:

— Там какие-то корабли!

Отец, в тот момент занятый парусом, обернулся и тоже их увидел. С десятков кораблей со спущенными парусами и поднятыми вёслами находились в бухте неподалёку от берега; судя по размерам и оснастке, они были военными и принадлежали персам.

Скиллиад понял, что им следует затаиться. Повернул лодку к ближайшей скале, из-за которой можно было скрытно наблюдать за происходящим в бухте...

Скиллиад слышал от сограждан на агоре, будто Ксеркс так говорил военачальникам: «С вашей помощью я пройду через всю Европу и все эти страны обращу в единую державу — свою... Не остаётся больше ни одного города, ни одного народа на свете, который осмелился бы восстать против нас». И вот персы уже здесь!

Скиллиад не ошибался, определив вид и назначение кораблей. Они стояли в ряд вдоль берега поодаль друг от друга. В бухте чувствовалось волнение моря, но, благодаря каменным якорям, канаты удерживали массивные тела кораблей, не давая им разбежаться. На палубах суетились команды, слышались возгласы командиров. На берегу находились вооружённые люди. Можно было догадаться, что это только часть персидского флота, направлявшегося в Афины; с ними пехота. Остальные суда, видимо, на подходе.

Медлить было нельзя. Скиллиад вывел лодку из укрытия и поспешил обратно в город.

Сообщение старого ловца губок нарушило хотя и напряжённое, но спокойствие граждан Сикиона. Старейшины спешно со-

брались на совет, за стенами толпился народ в ожидании разумных решений. Обсуждали, как поступить в случае нападения персов на город, если крепостные стены частично разрушились от времени, а в защитниках лишь небольшой отряд наёмников да горстка ветеранов. Получалось, что сопротивление бесполезно: нужно было слать к персам переговорщиков, просить мира, обещая «отступные». Сбор средств начинать немедленно.

Скиллиад вернулся домой с тяжёлыми чувствами. Услышав, на что готовы пойти сикионцы, дочь возмутилась:

— Если в Сикионе нет мужчин, чтобы попытаться отстоять город, это сделаю я!

Отец не узнавал дочь. Она и раньше не слыла тихоней, умела за себя постоять, но сейчас он услышал просто невыносимые слова:

— Нужно не допустить корабли к Сикиону!

— Как ты это сделаешь? — от удивления отец даже запнулся. — Дочь, ты пугаешь меня!

— Я придумала: мы вернёмся в ту бухту и ночью, когда все спят, перережем канаты, удерживающие корабли. Там сильное течение, их обязательно унесёт в море. Поднимется паника, и тогда персам будет уже не до нападения на Сикион! А потом боги нам помогут... или соседи.

Отцу показалось, что он ослышался. Скиллиад переспросил дочь, а она, едва справляясь с волнением, повторила свои слова. Тогда он поверил, но соглашаться не спешил:

— Скоро ночь, на море большие волны! Как мы доберёмся до той бухты?

— Вот и хорошо, что ночь и волны. Лодка здесь ни при чём — отправимся туда по берегу. Только нужно поторопиться.

Отец не стал возражать. Наскоро собрались, прихватили с собой ножи и скорым шагом направились в бухту.

Ночь была в разгаре, когда отец с дочерью добрались до бухты. В свете бледной луны длинная цепочка кораблей едва угадывалась; они, сопротивляясь порывам ветра от берега, до предела туго натягивали канаты. Пехотинцы, вероятно, спали на берегу, не тревожась.

Скиллиад с дочерью вплавь добрались до ближайшего корабля. Остальное было привычным делом: поднырнули, перерезали ножами канат, а когда корабль освободился от якоря, вынырнули и прислушались. С палубы не донеслось ни звука...

К соседнему кораблю подплыли вдвоём, но отец заметно устал, и Гидна нырнула сама. Перерезала канат и тут же глазами нашла следующий корабль. Вскоре и он оказался без якоря, затем — другой, а потом ещё и ещё... Корабли, как застоявшиеся в стойле кони, почувствовав свободу, начали неумолимое движение в сторону от берега. Отец плыл рядом с дочерью, нырял, сколько было сил, поддерживал её, как мог. И когда последний корабль оказался без якоря, Скиллиад и Гидна с трудом выбрались на берег. Неимоверная усталость давала о себе знать, но они, укрывшись поодаль, ещё понаблюдали за результатами своей ночной вылазки...

Корабли, оказавшись в беспомощном состоянии, раскачивались на волнах, отчего моряки, спавшие на палубах, начали просыпаться. Послышались крики ужаса, суматошные приказы командиров. Невозможно было понять, что произошло, тем более сразу со всеми кораблями в бухте, до того казавшейся такой мирной!

Несколько кораблей унесло далеко в море, и пока было неизвестно, что там делалось. Три корабля, стоявшие рядом друг с другом, произвольно разворачивались, сталкивались бортами,

разрушая обшивки корпусов. Ещё два повлекло на камни: один сразу утонул, другой оказался на мели. Персы, ночевавшие на берегу, проснулись от криков и подумали, что напали греки. Они хватались за оружие, бросались в темноту, не зная, куда бежать и что делать...

Наутро для персов всё прояснилось. Стало понятно, что потрудились греческие боевые пловцы. Оценив потери, персидский военачальник приказал увести корабли, способные двигаться, в безопасное место, чтобы ждать подхода основного флота. Подалее от Сикиона.

Происшествие с персами у Сикиона позволило другим греческим городам подготовиться к встрече врага. Сначала армию Ксеркса встретили в Фермопильском ущелье легендарные триста спартанцев царя Леонида, которые стояли насмерть. Затем произошло морское сражение при Саламине,⁶² после этого обе армии встретились у Платей.⁶³

Везде персы со своими превосходящими в численности силами потерпели унижительное поражение. Правда, Ксерксу удалось разграбить Афины, после чего он поспешно вернулся в Азию, так и не став победителем греков. И на этот раз с притязаниями персов на власть над Грецией было покончено.

62 Остров рядом с Афинами.

63 Город в Беотии, союзник Греции.

НЕУКРОТИМАЯ КИНАНА

Многим биографам македонского царя Филиппа II малоизвестна судьба **Кинаны** — одной из четырёх его дочерей. Она необычная, но из-за недостатка достоверных источников её история таит немало загадок. Но вначале о матери Кинаны...

Филипп был женат пять раз; впервые, в восемнадцатилетнем возрасте. Брак не по любви, а с целью доказать старшему брату Пердикке, царю Македонии, что он сам вправе принять «взрослое» решение. Филипп исполнял обязанности наместника царя в Элимиотии⁶⁴, где присмотрел дочь влиятельного князя. Недолго длилось семейное счастье — через год молодая жена простудилась и умерла. Пердикка, недовольный намерениями брата обрести во что бы то ни стало независимость, поспешил исправить ситуацию, подобрав невесту по своим соображениям. Намеченная свадьба не состоялась, поскольку царь погиб в походе.

У Пердикки остался сын Аминта, шести лет, наследник отца и македонского престола. Опекуном несовершеннолетнего наследника общевойсковое собрание избрало Филиппа, дядю Аминты.

⁶⁴ Местность по верхнему и среднему течению реки Галиакмона (ныне Быстрица в Македонии), заселённая эпиротским племенем элимеев.

Филипп понимал, если в ближайшее время он не проявит себя в роли правителя Македонии, хотя и временного, на власть претенденты найдутся. Начинать нужно немедленно!

На собственные средства собрал небольшой отряд из сверстников, желавших с оружием в руках показать лихую удачу. Вторгся в земли соседней Иллирии,⁶⁵ с жителями которой у македонян имелись вечные приграничные споры. На первых порах иллирийцы дали отпор, но в сражении погиб их царь Бардил, что позволило отряду Филиппа безнаказанно разграбить всё, что можно было, в округе.

Победители везли домой ценности, много дорогого имущества, гнали табуны верховых лошадей, большое стадо домашнего скота и несколько сотен пленных, будущих рабов. Но самой большой ценностью для Филиппа в этом богатом обозе была шестнадцатилетняя дочь Бардила — **Аудата**. Ему удалось защитить девушку от насилия его лихих воинов во время разграбления дворца поверженного царя. Красота девушки была безупречной: нежные черты лица, глаза изумрудного цвета, длинные волосы, похожие на жидкое золото. Филипп влюбился с первого взгляда и вскоре женился на Аудате. После трехдневной, шумной и многолюдной свадьбы, по македонскому обычаю, жена взяла себе эллинское имя — **Эвридика**.

У Филиппа имелся ещё один, веский повод, взять в жёны дочь иллирийского правителя. Теперь он, опекун наследника македонского престола Аминты, получил право называться царём Иллирии.

В день свадьбы Аудата поклялась любить супруга, обещала подарить ему сына-наследника. Филипп воспринял её слова настолько серьёзно, что, когда родилась дочь, сразу потерял интерес к Аудате и, заодно, к ребёнку. Стал вести себя так, словно и не был женат.

По иллирийскому закону имя девочке выбирала мать. Аудата назвала дочь Кинаной, что означало «Крепкая», и после недолгих размышлений, ощутив охлаждение к ней супруга, добилась его разрешения вернуться с малышкой в Иллирию, в родовое имение. Расставание с Аудатой и дочерью для Филиппа прошло безболезненно, поскольку в тот момент ему приходилось решать более важные проблемы — добиваться единоличной власти над Македонией.

65 Древнее название западной части Балканского полуострова, которую населяли иллирийцы. Их мифическим прародителем считался Иллирий.

Аудата занялась воспитанием дочери с учётом того, что в Иллирии женщины традиционно владели боевым оружием и всегда оказывали достойный отпор врагам, когда мужчины отправлялись на войну.

Кинана подрастала и, несмотря на своё высокое происхождение, вела неприхотливый образ жизни. В отличие от македонских и греческих девушек, не жила затворницей в гинекее, участвовала в празднествах и религиозных шествиях, состязалась с подругами в играх и гимнастических упражнениях. Для удобства движений надевала короткий хитон с глубоким боковым вырезом. Могла, не задумываясь, остаться вовсе без одежды, в одной набедренной повязке, если это требовалось для бега или какого-либо силового занятия.

С двухлетнего возраста дочь слышала от матери, что «каждая иллирийка обязана походить на быструю лань, а не на ленивую свинью». По этой причине под руководством учителей охотно занималась физическими упражнениями. С семи лет она участвовала в играх и состязаниях наравне с мальчишками своего возраста. Осознанно добивалась крепости своего тела, в тренировках не допускала для себя никаких поблажек. Как и мальчишки, бросала камни различной тяжести, палки и дротики, упражнялась с мечами, училась борцовским приёмам. Без страха выходила на поединки с мальчиками, радовалась своим победам и сильно огорчалась, если оказывалась побеждённой.

С годами тело Кинаны крепло, черты лица от усердия и силовых нагрузок грубели. Девушка радовалась «возмужанию» и, наверное, именно поэтому не любила женские украшения, не пользовалась благовониями и косметическими маслами.

В Иллирии часто устраивали скачки на неосёдланных лошадях, бег с препятствиями или бег по воде различной глубины. Для Кинаны это были сложные проверки её физического состояния. Но она каждый раз преодолевала страх и была счастлива, когда ей покорялись вершины испытаний для тела и духа. В десятилетнем возрасте девочка уверенно сидела на крупе неосёдланного коня, брала препятствия — каменные ограды и рвы, любила скалолазание. Мать нанимала для дочери ветеранов, которые обучали её искусству владения оружием, приёмам рукопашного боя и умению выходить из схватки победительницей. Когда учитель

видел, что девушка боязливо уклоняется от ударов его меча, он с укором наставлял:

— Ты прячешь голову и не видишь лицо врага. Если будешь бояться его ударов, не сможешь его убить и позволишь ему убить себя.

Старый воин заставлял Кинану брать на плечи мешок с землёй или песком и шагать с ним по несколько миль. Она шла, преодолевая изнеможение и желание упасть на землю, чтобы отлежаться, набраться сил. Наставник подбодрял:

— Всё, что в обучении трудно, тебе покажется лёгким в сражении.

В двенадцать лет, когда некоторые подружки уже стали замужними женщинами, Кинана удивила мать:

— Я выйду замуж только тогда, когда встречу мужчину, похожего на моего отца, такого же красивого и сильного.

В подтверждение слов Кинана, не предупредив мать, явилась к рыночному брадобрею и попросила... состричь её великолепные длинные, цвета воронова крыла волосы. И не просто состричь — обрить наголо! Когда Аудата увидела дочь в таком виде, она едва не упала без чувств. Дочь же спокойно сказала:

— Буду стричь волосы до тех пор, пока не решусь выйти замуж за того, кто храбростью сравняется с богом войны Аресом.

И добавила:

— Волосы мне могут помешать в поединке с врагами!

Возможно, в целях самоутверждения, Кинана пробовала неразбавленное вино, как делали иллирийские воины перед сражением. Подготавливая себя к ранениям и боли, приглашала особого «учителя», чтобы он хлестал её по пяткам мокрыми ивовыми прутьями — как в Спарте, где таким образом испытывали на боль совершеннолетних мальчиков. Помимо всего намеренно истязала себя физическими тренировками, желая, чтобы тело было упругим и выносливым.

К девятнадцати годам Кинана добилась того, что её организм был способен переносить любые трудности (а это было доступно не каждому мужчине). Она уже свободно владела всеми видами оружия, особенно пехотным копьём и спартанским мечом, пригодным в рукопашном бою.

Как многим иллирийским женщинам, дочери Аудаты был близок культ девственной богини Артемиды, покровительницы дикой

охоты. Но властительницей её помыслов всё же оказалась Аталанта — героиня мифа об аргонавтах, которая отважилась отправиться в Колхиду за золотым руном, убила свирепого калидонского вепря, сразила из лука кентавров, попытавшихся насильно ею овладеть. Наиболее известный подвиг Аталанты — победа в борцовском поединке над Пелеем, другом Геракла. Кинана тоже стремилась быстро бегать, метко стрелять из лука, побеждать мужчин в состязаниях борцов. Она подражала Аталанте во всём, где можно было воплощать неженскую силу и выносливость в сочетании с женственностью...

Филипп не интересовался жизнью супруги и дочери, проживающих в Иллирии, не проявлял намерений чем-либо помочь. Он занимался важным делом — устранение малолетнего племянника Аминты от официальной царской власти. Но, не преступая закон!

Одарив ценностями и рабами влиятельных в Македонии военачальников, опекун Аминты убедил их, чтобы на Войсковом собрании они высказались в его пользу. Затем обласкал вниманием жрецов, от которых зависело истолкование «божественных знаков» в тот момент, когда народ запросит мнение богов по этому поводу.

Всё случилось, как задумано: общевойсковое собрание признало Аминту недееспособным наследником престола и провозгласило Филиппа царём Македонии. В благодарность молодой

царь обещал военным возродить былое могущество Македонии, утерянное прежними правителями.

Филипп не тянул с реализацией собственных обещаний, объявил войну Фессалии,⁶⁶ виновной в том, что она имела самые плодородные земли во всей Греции.

Как отметил Афиней,⁶⁷ «из каждой войны Филипп всегда брал новую жену». На этот раз он привёз в Пеллу черноволосую красавицу **Никесиполиду**. Поселил во дворце и, не скрывая увлечения, сделал её «и не женой, и не наложницей». У них родилась дочь **Фессалоника** («Фессалия-Ника, богиня победы»). Но до присоединения Фессалии к Македонии пока дело не дошло — слишком прочны были стены фессалийских городов, чтобы легко брать их приступом. Филипп выжидал...

Ожидания не были напрасными, поскольку среди фессалийцев всегда наблюдались разногласия на этот счёт — одни не возражали оказаться под властью успешного македонского царя, другие желали оставаться суверенными. Филипп дождался, когда представители нескольких городов обратились к нему за военной помощью; быстро откликнулся и с экспедиционным войском вошёл в Фессалию. Жители города Лариса выразили ему особенную признательность: с помощью македонян они изгнали ненавистного им правителя Сима и, в благодарность, согласились оставить у себя усиленный македонский гарнизон. «Взаимопонимание сторон» оказалось настолько эффективным, что вскоре вся Фессалия очутилась под Македонией. В труднодоступных горах остались лишь владения несговорчивых князьков.

В Ларисе царь познакомился с гетерой **Филинной**, женщиной необыкновенного обаяния и нежности, и, неожиданно для себя, крепко влюбился. Когда пришло время покинуть покорённую Фессалию, Филипп убедил красавицу последовать за ним в Пеллу. И там, вопреки пересудам, влекомый юношеской страстью, забыв о прежних браках, объявил о свадьбе с ней. Как позже рассудил Афиней, «сделал так с намерением одновременно жениться и на Фессалии».

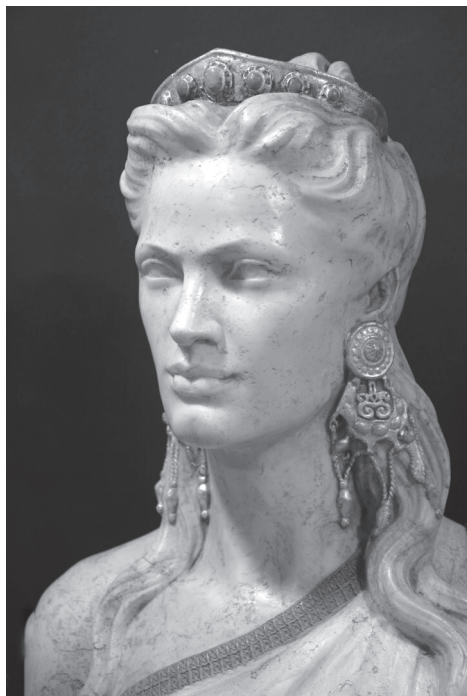
Филинна умерла в послеродовой горячке, оставив Филиппу

⁶⁶ Исторический регион на северо-востоке Греции на побережье Эгейского моря.

⁶⁷ Афиней из Навкратиса (III в.) — греческий писатель, автор огромного по объёму числа книг.

сына **Арридея**. Царь горевал целых два месяца, безудержно пил, забываясь в разгулах, не отказываясь от связей с доступными жрицами любви, *трибадами*. Наконец, устав от пирушек и грубых мужских забав, отправился на очередную войну, поручив советникам подыскивать невесту — на этот раз непременно из царской семьи с древнейшей родословной, способной родить македонскому царю наследника.

Спустя два года после *неофициального* расставания с Аудатой Филипп женился в четвёртый раз, на **Миртале**, дочери эпирского царя Неоптолема, и с новой женой присоединил к собственной власти Молосское⁶⁸ царство со столицей в Эпире. После свадьбы молодая жена взяла греческое имя **Олимпиада** — в честь Игр в священной Олимпии. Она родила сына **Александра** и дочь **Клеопатру**.

Через десять лет в дворцовом «гареме» Филиппа появилась совсем ещё юная **Меда**, дочь Кофелая, правителя Фракии. Она досталась царю «в качестве подарка» как знак покорности фракийцев правителю Македонии. Если быть точнее — из по-

⁶⁸ *Молоссы* — группа древнегреческих племён, населявших регион Эпир в классической древности (область Македонии).

литических соображений, ради особого отношения Македонии к союзу с фракийскими царями. Но главным в этой истории являлся тот факт, что Филипп женился на Mede при действительном браке с законной супругой Олимпиадой несмотря на то, что она родила ему наследника престола. Окружение царя, да и население Македонии, не осмелились осуждать его, так как древние законы позволяли правителям совершать подобные браки — но исключительно «в интересах государства и македонского народа».

Олимпиада нервничала; единственное, что её успокаивало, — детей от Филиппа у Mede не было.

При дворе шептались, что у царя есть ещё сын Каран, родившийся от темнокожей рабыни. Но спросить мужа, так ли это, Олимпиада не решалась. Правда, однажды всё-таки, задала вопрос, на который ему пришлось ответить:

— Супруг мой, ты можешь сказать, зачем у нашего с тобой сына Александра столько братьев и сестёр от других матерей?

Филипп был в хорошем настроении, поэтому отшутился:

— Сам не понимаю до сих пор, откуда у меня взялось столько детей, и зачем! Ведь сколько детей у отца — столько проблем у его наследников. Но ничего поделаться с собой не могу! Я люблю воевать, люблю женщин, а они за мою любовь плодят мне детей.

Филипп улыбнулся и сразу посерьёзней:

— Мой отец Аминта, будучи царём, имел шестерых сыновей от двух браков. И не переживал за наследников по одной причине — понимал, что в таком случае царский престол не покинет пределы семьи. Я поступаю, как мой отец!

И, давая понять Олимпиаде, что разговор на эту тему закончен, царь добавил:

— Передай своему сыну мои слова. Пусть всегда помнит, что помимо него есть другие соискатели престола. Если хочет стать царём, он должен рассчитывать только на себя, а не на закон о наследовании власти. В своё время я это понял и сделал, как мне было нужно.

Олимпиада немного успокоилась, но впредь бдительно следила за жизнью всех побочных детей мужа. Делая вид, что они ей небезразличны, как и их матери, она прилюдно проявляла заботу о них и обо всех прежних жёнах, наложницах и сожительницах Филиппа. Однажды пожалела больного Арридея, с лица

которого не сходила добрейшая улыбка ребёнка, — дала ему собственноручно приготовленное снадобье. После этого пасынок окончательно стал *маргитом* — дурачком.

Завершала список женщин, которых (каждую по-своему) любил Филипп, **Клеопатра** — юная племянница ближайшего военачальника Аттала. Пятая по счёту, жена стареющего македонского царя, и ради этого брака он решился на развод с Олимпиадой, законной супругой, родившей ему наследника! Поскольку Клеопатра имела знатное македонское происхождение, её появление в царском дворце и возможное появление ребёнка от Филиппа создавало угрозу положению Александра как престолонаследника. Придя на свадьбу Филиппа с Клеопатрой, он не справился с негодованием и при всех гостях отказался от своего отца.

На следующий год Клеопатра родила дочь **Еврую**.

В Иллирии внимательно следили за тем, что происходило в македонской столице Пелла. Когда македоняне проявляли недовольство своим царём, иллирийские князьки объявляли себя противниками Филиппа. Так случилось и на этот раз — мятежники, уверенные в недостижимости своих владений, отказались подчиняться Пелле. Македонскому царю пришлось отвечать: он собрал надёжное войско и отправился усмирять непокорных гордецов-горцев.

Волей судьбы Филипп оказался рядом с именем бывшей супруги, Аудаты. Они встретились, царь познакомился с повзрослевшей Кинаной. Поразила её сила и ловкости, заметно выделявших её на фоне других девушек. Дочь была рада увидеть отца и неожиданно заявила, что всегда мечтала стать его воином. Филиппу было приятно это слышать, но всерьёз её слова он поначалу не воспринял и попытался отшутиться. Однако Кинана настаивала до тех пор, пока он не уступил. Филипп разрешил ей находиться в дозорном отряде, но, несмотря на её возражения, приставил к ней двух телохранителей.

Вскоре начались боевые действия, и Кинана оказалась в гуще событий. Телохранители похвалили её при царе, рассказали, какую смелость она продемонстрировала в схватке. После этого

отец позволил дочери командовать отрядом пехотинцев, где она прославилась храбрыми деяниями.

Царь предложил Аудате вернуться вместе с дочерью в Пеллу; она отказалась под тем предлогом, что не хочет мешать семейному счастью Олимпиады. А Кинана покинула Иллирию, поселилась во дворце, где впервые познакомилась со сводным братом Александром. С этого момента отец, отправляясь в поход, брал дочь с собой, но она всегда была у него на виду.

В армии говорили о царской дочери всякое — непривычно было суровым воинам видеть бесстрашную женщину рядом с собой в сражении. Однако в одном мнения не расходились — в том, что она — настоящий воин, только в женской тунике. Враги при виде Кинаны в блестящих боевых доспехах, на коне, в первом ряду всадников, несущихся прямо на них, долго не упорствовали — сдавались в плен или оказывались убитыми.

Филипп души не чаял в Кинане. Но слышать об обете дочери оставаться девственной, как Артемида, не желал и в какой-то момент задумал выдать её замуж. На это имелась веская причина — опытный в политике царь зря ничего не задумывал. Его расчёт имел очень долгую перспективу. Филипп не забыл, что когда-то отнял у племянника Аминты царскую власть. Он понимал, что поступил нечестно (хотя по закону к его действиям нельзя было придраться) и что рядом с ним наверняка затаились недруги, которые в нужный для них момент заявят об узурпации им престола. Захотят вернуть Аминте царскую власть. Чтобы не допустить этого, Филипп, вопреки возражениям дочери, устроил её брак с Аминтой, «больным на голову» сыном старшего брата Филиппа.

Как всегда, царь предпринял удачный политический шаг: многие македоняне восприняли брак его дочери с Аминтой как осознанное действие, направленное на восстановление справедливости по отношению к племяннику. У молодожёнов ведь были все шансы родить собственного сына — наследника во всех отношениях. Кинане пришлось подчиниться отцу, и Аминта, юноша с кротким характером, стал её мужем.

У Кинаны родилась дочь (которая так и останется единственным ребёнком). Назвали иллирийским именем **Адея** («Благородная»). Но материнство существенно не изменило Кинану. Через полгода она оставила мужа дома ради того, чтобы отправиться с отцом в очередной поход против мятежников в Иллирии. Однако, как настоящая мать, забрала Адею с собой и возила её по военным лагерям.

В Иллирии Филипп доверил отважной дочери командование отрядом опытных воинов-разведчиков.

Большое селение, где по сведениям могли укрыться мятежники, на первый взгляд казалось безлюдным. Из-за сплошных каменных оград не доносилось никаких звуков, которые свидетельствовали бы о присутствии там человека. Ни мычания быков, ни блеяния овец, ни остервенелого лая собак, которые обычно за версту чувят приближение чужаков. Кинана с несколькими воинами продвинулась вперёд, крадучись пробиралась от одного дома к другому.

Прислушивалась к каждому шороху с той стороны. Сложность досмотра горного селения заключалась в том, что односкатные кровли домов первого ряда (внизу склона), как правило, служили основанием для следующего ряда — и так до самого верха. Причём не было никаких гарантий, что мятежники не воспользуются тайными проходами между домами.

Кинана вела воинов тропой вдоль оград, которые иногда настолько сближались с обеих сторон, что приходилось протискиваться сквозь тесный проход, из которого хотелось поскорее выбраться.

Обход селения продолжался уже достаточно долго, и Кинана стала привыкать к мысли, что жители из страха бросили дома и укрылись где-нибудь в горах. Вместе со стариками, детьми и домашней живностью. От сознания, что здесь нет мужчин, способных оказать сопротивление, напряжённость ушла...

И вдруг при осмотре одного из домов, Кинана услышала подозрительный шорох сверху. Подняла голову, и в тот же миг оттуда донеслись яростные крики. Она успела прикрыть голову щитом

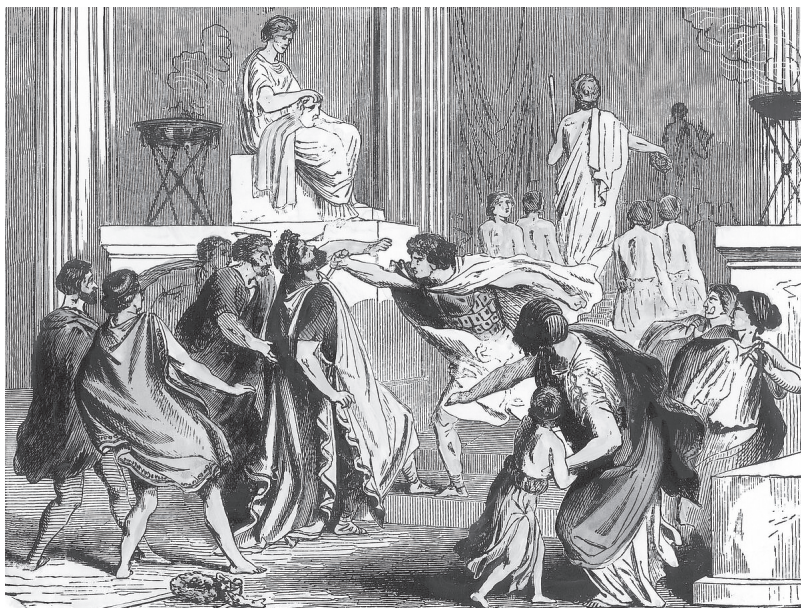
и ощутила, как об него ударилось что-то тяжёлое. Камень! На стене показались две женщины с лицами разъярённых мегер, в руках у них были куски черепицы. Целясь в лицо Кинаны, они с силой бросили их, но она увернулась. Оторопелые телохранители девушки наконец пришли в себя и кинулись её прикрывать. А сверху, с другой стороны, в них полетели камни и обломки черепицы. Женщин было несколько. Когда они попадали в воинов, громко визжали от радости.

Пока Кинана с телохранителями отражала нападения «мегер», из-за угла ближайшего дома выскочил вооружённый копьём мужчина, бросился с ним наперевес, пытаясь проткнуть воительницу, как дикого вепря на охоте. Но она, защищая голову щитом от «камнепада», смогла отбить копьё мечом, затем, подпустив врага близко, подставила ему ногу. Иллириец упал, и Кинана с ожесточением воткнула меч ему в шею, невольно отстраняясь от хлынувшего наружу потока крови.

Следом появились ещё два вооружённых мятежника. Один оказался великаном, настолько он был огромен и грозен видом. С другим, который напал с копьём, телохранители справились, а «великан», вооружённый двумя мечами, стал ими вертеть, делая выпады в направлении Кинаны. Она отработанным приёмом отбила один меч, от второго увернулась. Но воин оказался опытным, не отступил, повторил нападение.

В груди Кинаны вскипела злость: «Он хочет убить меня! Нет — я убью его!» Она слышала вблизи напряжённое дыхание врага... Ловкий приём — с перебросом меча из одной руки в другую, — и пронзённый в грудь иллириец медленно подался вбок и упал... Не теряя времени, девушка выдернула меч и, не глядя на поверженного врага, приготовилась отражать следующее нападение. Но после этих стычек нападавших мужчин больше не было, а женщины исчезли. Их потом, сколько ни осматривали селение, так и не нашли.

Запах крови врагов и звуки сражения — гулкие удары схлестнувшихся мечей, треск щитов, крики и стоны умирающих — показались Кинане настолько возбуждающими, что она до конца пребывания отряда в Иллирии продолжала искать подобные ощущения, бесстрашно сокрушая любые препятствия. «Разве это не вершина счастья, — думала она, — лишать жизни своих врагов?!» А всё потому, что она дочь героического отца.

В 336 году до н. э. Македонию потрясла ужасающая весть — на свадьбе дочери Филиппа Клеопатры царя убил его телохранитель...

В канун свадьбы Филипп посетил храм Аполлона в Дельфах, где встречался с пророчицей. Его интересовал исход задуманного им похода македонян на Персию. Но вместо внятного ответа царь услышал: «Колесница рядом... Увенчанный бык заколот будет...» Пришлось обратиться к жрецу-толкователю, который разъяснил:

— Пусть царь остерегается колесницы.

— Что может случиться? — удивился Филипп. — Как царям обходиться без колесницы?

В ответ снова загадочные слова:

— Увенчанный бык заколот будет.

Всю обратную дорогу в Пеллу Филипп думал о пророчестве, пока не «понял»: впредь ему не следует управлять боевой колесницей. Ведь даже с опытными возницами случаются падения со смертельным исходом. Слова же «об увенчанном быке» Филипп тоже понял по-своему: бык — священное для персов животное; жертвенного быка украшают гирляндами из цветов. «Увенчанный бык» — царь персов Дарий. В Персии цари носят на голове золотой венец — символ власти. Это означает, что Дарий, как бык, подведённый к алтарю на заклание, будет заколот Филиппом!

По возвращении из Дельф воодушевлённый пророчеством Филипп объявил о подготовке к войне с персами, после чего поспешил со свадьбой дочери Клеопатры с эпирским царём Александром, братом бывшей жены Олимпиады. Свадьбу устроили в Эгах, древнейшей столице Македонии. По замыслу Филиппа, великолепием и размахом торжество должно было затмить любое подобное событие, когда-либо проводимое в Греции.

Гостями на свадьбе были посланцы из каждой области Македонии, а также из греческих полисов, за исключением Спарты. Прибыли даже делегации от «дружественных» фракийских и иллирийских племён. Свадебный пир прошёл в торжественной обстановке, с возвышенными речами и льстивыми тостами в честь Филиппа и молодожёнов. На следующее утро народ с радостным возбуждением ринулся в театр, где предстояли развлекательные мероприятия. И тогда во время шествия, на глазах ликующей публики, произошло нечто сверхнеожиданное и страшное...

Царь, одетый в ткани ослепительно белого цвета, с торжествующей улыбкой шагал немного впереди свиты, в которой находились два Александра — сын и зять. Филипп выглядел совершенно счастливым, отчего народ воспринимал его живым божеством...

...К алтарю, находившемуся рядом с театром, подвели быка с белой шерстью; рога украсили гирляндой из луговых цветов... У Филиппа неприятно кольнуло в груди от неожиданной догадки: «Увенчанный бык с белой шерстью, как моя одежда...» Но он отогнал мрачные мысли, и их место тут же заняли другие: «У меня нет врагов в Македонии! И для Греции я самый могущественный человек! Кого мне бояться?»

Чтобы попасть в театр к отведённому царю месту, нужно было пройти колоннаду перед главным входом. Судьба распорядилась Филиппом так, что он на несколько шагов оказался впереди собственной свиты. На мгновение он скрылся из виду гвардейцев из личной охраны, и в этот момент из-за колонны к нему метнулся человек. Филипп сразу узнал Павсания... Это был его телохранитель, которому он всегда доверял...

Всё произошло настолько стремительно, что никто из окружения царя не успел среагировать: Филипп почувствовал в боку резкую боль...

Павсаний попытался бежать; его догнали и тут же закололи, «забыв» допросить... Поэтому сохранилась главная версия слу-

чившегося — месть «раба» за незаслуженное оскорбление «господина», что действительно могло иметь место... После гибели царя Филиппа военная элита назначила на македонский престол двадцатилетнего Александра, сына Филиппа и Олимпиады. Несмотря на молодые годы, он успел показать себя храбрецом и умелым военачальником.

Первым делом Александр расправился, с теми, на кого пало подозрение как на пособников убийства отца. Заодно под карающий меч молодого царя попали все претенденты на престол, способные когда-либо составить ему конкуренцию. Не пожалел он даже слабоумного Аминту, двоюродного брата, но сводную сестру Кинану и её мать Аудату почему-то не тронул. Возможно, потому, что задумал выдать её замуж за старого военачальника Лангара. К свадьбе начали готовиться, но Лангар погиб в дальнем походе.

Заступив на македонский престол, Александр начал подготовку к войне с персами, извечными врагами эллинов, которую вёл последующие десять лет. За это время Македония обрела территории гигантских размеров, преобразовавшись в новую греко-македонскую империю восточного типа. После покорения Египта, Вавилона, Средней Азии, Индии тридцатилетний Александр замыслил пойти в Европу, начав с римской Италии, затем пройти «от Скифии до Ледяного моря». Неожиданная смерть в Вавилоне разрушила его великие и далеко не мирные планы.

Адее, дочери Кинаны и Аминты, исполнилось пятнадцать лет, когда на просторах Империи Александра разгорелась война между его военачальниками за раздел территорий и власти. Кинана поняла, что юная Адея представляет большую ценность для возможного победителя в смертельной схватке (в девочке ведь текла царская кровь отца и деда Филиппа). В сложной ситуации выбора жениха Кинана задумала выдать Адею замуж за Арридея, сводного брата умершего царя Александра, которого военные недавно провозгласили царём Македонии. Мать не остановило то, что Арридея с детства считали слабоумным.

Но в то же время Кинана понимала, что генеалогическое древо Адеи не только служит гарантией неприкосновенности, но и

подвергает её большой опасности — в схватке за престол конкуренты непременно постараются убить их обоих. Поэтому Кинана действовала крайне осторожно.

Она наняла воинов, несогласных с тем, чтобы Олимпиада, мать Александра, заняла македонский престол. Направилась с отрядом к Босфору, проливу между Европой и Азией, перебравшись через который, надеялась найти поддержку в войсках своих сторонников, стоявших в лагерях. На пути случались вооружённые стычки с противниками, но Кинана всегда находилась впереди отряда, на коне и с оружием в руках; она отражала все нападения. Когда отряд попадал в окружение, она отважно вела за собой воинов на прорыв.

Перебравшись через пролив на наёмных кораблях, Кинана с дочерью оказалась в расположении войска, командиры которого не решились поддержать её претензии на власть. Прошёл только год после смерти Александра, сына Филиппа и Олимпиады, которая, узнав о намерениях Кинаны, направила навстречу отряд верных людей во главе с Алкетом. Будучи «честным» воином, Алкет вызвал Кинану на поединок и, проявив умение, убил её.

После гибели матери Адея оказалась в полной зависимости от прихоти Антипатра, регента Греции и сторонника Олимпиады. Жизнь её оказалась под угрозой, но, на её счастье, армия, помня заслуги Кинаны, возмутилась. Антипатр решил исправить ситуацию, устроив свадьбу Адеи с Арридеем. С этого времени Адея поменяла имя на греческое — **Эвридика**.

После замужества Эвридика оказалась в заложниках событий, стремительно разворачивавшихся вокруг македонского престола. Воспитанная Кинаной в непокорности дурным обстоятельствам, она включилась в борьбу против Олимпиады, собрав вокруг себя достаточное число верных сторонников. Мать Александра времени зря не теряла: воспользовалась близкими родственными связями с царём Эпира Эакидом, своим племянником, — убедилась направить армию в Македонию. Эвридика вывела навстречу войско, но сражения не состоялось — подкупленные командиры отказались воевать за царя Арридея.

В результате Арридей был свергнут с престола в Пелле. Эвридика успела скрыться, но попала в плен. Олимпиада приказала поместить супругов в закрытое помещение, куда один раз в день им передавали еду через щель. Позже по приказу Олимпиады Арридея закололи кинжалами, а Эвридике сообщили приказ покончить с собой, передали склянку с ядом, верёвку и кинжал — на выбор. Эвридика прокляла Олимпиаду и повесилась на собственном поясе.

Некоторое время Империей Александра управлял Пердикка. Остальные полководцы не возражали, поскольку были свидетелями того, что ему достался царский перстень. Позже между ними начались распри, каждый желал заполучить лакомый кусок от завоёванного с их участием земного пространства. В результате Македония и Греция достались Антипатру и Кратеру; Египет и Ливия — Птолемию; Памфилия, Ликия и Фригия⁶⁹ — Антигону; Фракия и Вифиния — Лисимаху. В последовавших за разделом Империи междоусобицах почти никто из диадохов, наследников Александра Великого, от старости не умер...

Царица-мать Олимпиада и Роксана, супруга Александра, вместе с сыном Александром, законным наследником македонского престола, были убиты Кассандром, старшим сыном полководца Пармениона. Так он отомстил за смерть своего отца, в недавнем прошлом умерщвлённого по тайному приказу Александра.

Действия соперничающих цариц Эвридики и Олимпиады имели последствия. Главным из них стало падение спустя несколько лет династии Аргеадов и провозглашение Кассандра царём Македонии. Убийство Эвридики и её мужа позволили Кассандру представить себя как мстителя. Захватив Македонию, полководец торжественно перезахоронил останки Кинаны, Эвридики и Арридея в родовой усыпальнице Аргеадов в Эгах.

А что касается смерти самого Александра в Вавилоне, можно предположить её причину исходя из того факта, что младший брат Кассандра Иолай перед внезапной кончиной царя был у него главным виночерпием...

⁶⁹ *Внутренняя историческая область на западе Малой Азии и могущественное царство, являвшееся первой из известных грекам «паназиатских» держав.*

АГНОДИКА

Дарившая жизнь

Античная цивилизация оставила значительный след в науке и технике, в архитектуре и изобразительном искусстве, во многих других сферах деятельности человека. Сложно переоценить и её вклад в медицину. Жизненный опыт, философские суждения, догадки древних лекарей, переданные потомкам, позволяют современным медикам совершенствоваться в лечебно-диагностической практике, добиваться результатов во врачевании тела и души, постоянно совершать открытия.

Как и у всего значимого в античном мире, у медицины были свои покровители среди олимпийских богов. Именно к ним при лёгком недомогании или при тяжёлой болезни обращали свои взоры греки. Они возжигали алтари, совершали жертвоприношения в надежде получить совет небожителей и обрести исцеление. Первым и главным из божественных врачевателей от простуды и

чахотки эллины считали «бога солнечного тепла и света» Аполлона. Но если бог гневался, то на землю обрушивался «солнечный ветер», вызывавший страшный мор (например, эпидемию чумы, о которой упоминал в своей «Илиаде» Гомер).

Помогали людям другие боги. Артемида, например, «облегчала женщинам роды, оберегала здоровье новорождённых». Афродита олицетворяла собой «рождение всего живого, и только благодаря её могуществу жили и размножались рыбы и всё живущее в безбрежных морях и других водах». Гестия «охраняла дом от всего дурного и заботилась о согласии, любви, счастье и здоровье всех его обитателей». Гипнос был воплощением «лечебного сна». Зевс «от скуки баловался оживлением мёртвых», что было не под силу другим богам, и только Асклепий «превзошёл его во врачевании».

Считается, что именно с Асклепия началась история традиционной медицины, но для этого нужно принять версию его рождения.

Согласно мифам Древней Греции, Асклепий был сыном Аполлона и смертной женщины по имени Коронис, дочери царя Фессалии. Коронис не была верна Аполлону, она изменила ему со смертным по имени Ишис. Бог узнал об этом и убил Ишиса.

Убить Коронис он не решился, это сделала его сестра Артемида. Когда Коронис положили на погребальный костёр и языки пламени охватили её тело, Аполлон вдруг понял, что в чреве умершей возлюбленной — новая жизнь. Мигом рассёк он живот Коронис и достал оттуда младенца, которого позже греки нарекли Асклепием («Тот, кто оживляет мёртвых»).

Легенда гласит, Асклепий женился на Эпионе, дочери правителя острова Кос и научил её искусству врачевания... Греки почитали Эпиону как «Болеутолительницу». У Асклепия и Эпионы родилось семеро детей; впоследствии все посвятили себя избавлению людей от недугов.

Асклепий настолько преуспел в деле исцеления больных, что однажды критский царь Минос призвал его к себе, умоляя вернуть к жизни рано умершего сына. По дороге во дворец посох, на который он опирался вдруг обвила змея. Предупредив смертельный укус, Асклепий убил змею посохом. Неожиданно появилась ещё одна змея с какой-то неизвестной травой во рту. С помощью этой травы она воскресила свою «соплеменницу». К великой радости, Асклепий нашел чудодейственное растение, чем воскресил сына Миноса. О воскрешении из мертвых узнал Зевс и обеспокоился, что врач изменит порядок мироздания, устроенный богами, и забрал его на Олимп, назначив богом-исцелителем...

На небосводе зажглось новое созвездие — Змееносца, а змея с тех стала священным атрибутом Асклепия, символом постоянно возрождающейся жизненной силы.

Благодаря успехам потомков Асклепия в лечении больных на Косе образовались медицинские школы, из которых вышли поколения врачей-асклепиадов. Представитель одного из них — Гиппократ.

С древних времён люди прибегали к различным лекарственным средствам для избавления от недугов. Изыскать эти средства помогали наблюдательность и жизненный опыт народных целителей, а нередко — случайность.

Первыми лекарями, положившими начало врачеванию, называ-

ют пастухов и земледельцев, поскольку они по роду деятельности были ближе к природе, богатой растительными «лекарствами». Накопленные ими знания передавались из семьи в семью, от поколения к поколению. Им приходилось оказывать соседям помощь при травмах, отравлениях, ранениях, женщинам — во время родов. В результате хранители медицинских знаний невольно становились «знахарями», затем — лекарями, врачами и, в дальнейшем, учёными.

Античность сохранила достаточно имён знаменитых «врачевателей». Это мудрец Пифагор и «отец греческой медицины» Алкмеон; «диетолог» Акрон и Антифонт, «создавший искусство лечения скорбей»; философ Эмпедокл, «врачевавший словом» и Демокрит, обративший внимание на «душевное настроение» больного; учёный Эрасистрат, впервые заявивший, что «сердце является насосом, сравнимым с кузнечными мехами». Добавим в этот ряд Иккоса, автора учения о «разумной еде», и Геродика, «составителя гигиены питания атлетов».

На небосводе врачебных светил Греции мелькнуло имя **Агнодик**. Впервые о нём сообщил римский писатель Гай Юлий Гигин (I в.), работавший в Александрийской библиотеке в Египте. Выяснилось, что это не Агнодик, а **Агнодика** — женщина; она занималась врачеванием, но больше как «*майя*» — акушерка. Успеха и известности в Афинах она добилась только благодаря тому, что переделалась в мужское и присвоила себе мужское имя! Это был единственный способ получить образование и заниматься медициной. Женщинам (как и рабам) это было запрещено. И вот ее история...

Агнодика родилась в семье состоятельного афинянина, в которой, случалось, умирали младенцы и роженицы. Девочка слышала, как взрослые говорили, что «всё происходит по воле богов», и задумывалась над тем, есть ли другие причины. В восемь лет она прекратила играть с куклами и попросила отца нанять учителя, «умеющего лечить людей».

В восемнадцать лет, уже получив неплохое домашнее образование, Агнодика загорелась мечтой овладеть профессией врача,

непрерывно «для женщин». В Афинах таковых не было, как и учителей для женщин, жаждущих получить знания, необходимые для врачебной практики. Родные не одобряли увлечения Агнодики медициной, поскольку помимо прочего это было ещё и опасно. Врачи-мужчины, видя в майя конкуренток, подавали на них жалобы в суд, обвиняя в том, что они «позволяют себе вмешиваться в естественный процесс божественного зачатия ребёнка, прерывания его жизни ради удовольствия и забот женщины о сохранении своего тела». В результате появился закон о невозможности женщинам и рабам становиться врачами, иметь пациентов. В случае появления информации о тайной практике женщин проводилось судебное расследование. Если обвинение подтверждалось, «преступнице» выносился смертный приговор.

Агнодика не отступила, уверенная, что её призвание — медицина. Знала, на что идёт, чем рискует и продолжала самообразование. Вера в собственное предназначение придавала ей силы и терпение — самостоятельно читала все, что касалось медицины, скрупулёзно изучала труды известных врачей и анатомию человека.

Более всего девушка интересовалась особенностями женского организма. Но об этом врачи писали крайне мало! По крупицам получала необходимые знания. В рукописи Гиппона «О здоровье» открыла тайну эмбриона человека — от зародыша до рождения. У Гиппократов Агнодика училась «служить больному всеми своими знаниями и умениями и по всей совести». С удовлетворением отмечала его стремление лечить больного только после того, как поставлен точный диагноз, была согласна с Гиппократом в том, что «нужно лечить больного, а не болезнь».

Самостоятельно проделав анализ многих медицинских трактатов, Агнодика пришла к неутешительному выводу — врач-мужчина не знает особенностей женского организма, следовательно, не имеет права лечить специфические заболевания. А если всё-таки лечит, то чаще наносит вред здоровью женщины, помогает выздоровлению.

Действительно, малообразованные в отношении женских недугов врачи часто брались за лечение. Особенная некомпетентность проявлялась при посещении женщин с целью определения беременности, на которую, по мнению горе-«врачей», указывали «впавшие глаза или более бледный, чем нужно, белок». Ещё бо-

лее курьёзными были их попытки узнать пол будущего ребёнка. Они советовали «взять у женщины молоко, развести в этом молоке муку, сделать хлебец и испечь его на слабом огне. Если выпечется целым, она беременна мальчиком, если растрескается — девочкой».

Врачи не имели физической возможности осматривать пациентов, поскольку родные не допускали прямого контакта с ними посторонних мужчин. Определение болезни происходило посредством опроса больной и родственников, поэтому диагноз и лекарственное назначение были необъективными, поверхностными. Понятно, что с недугами деликатной сферы и сами женщины неохотно обращались к врачам. Мешали стыдливость и застенчивость. Врач появлялся у рожениц лишь в трудных случаях — обычно роды принимали повитухи. Не было такой практики, чтобы конкретный врач следил за беременностью пациентки и, тем более, принимал роды. В основном этим занимались проходящие акушерки, заполнившие свободную нишу «услуг для женского населения».

Агнодика была хорошо обо всём этом осведомлена, но продолжала самостоятельно осваивать врачебную науку. Большую часть времени она уделяла поиску причин заболевания женских органов и бесплодия. Нашла также у Гиппократов намёк на то, что проблема, препятствующая зачатию ребёнка, может быть связана с мужчиной, «даже если он не перенёс операции, которая по несчастной случайности сделала его бесплодным». Гиппократ говорил, что «мужское семя целесообразно подвергать испытанию водой, чтобы узнать, без сил оно или нет; слабое бесплодное — оно пустое, холодное, быстро распределяется по поверхности, тогда как плодотворное — тяжёлое, опускается на дно».

Агнодика искала собственный путь в поиске причин бесплодия. Она знала, что основное предназначение женщины — продолжение рода. Муж имел право разойтись с женой, если она не могла подарить ему наследников. Агнодика пришла к выводу, что лечить женщину от бесплодия нужно особыми методами. Для этого ей непременно нужно было выучиться на «женского врача».

Со временем чтение медицинских трактатов превратилось в увлекательное занятие. Но чем больше она изучала медицинскую науку, тем больше возникало вопросов. Это её здорово беспокоило, пока она не услышала поучительную историю об Анаксимене,⁷⁰ открывшем «парадокс познания». Ученик спросил Анаксимена, существуют ли границы философского познания мира. Мудрец начертил на песке два круга — маленький и большой.

— Смотри, вот маленький круг, — показал Анаксимен, — это твои знания. А большой круг — мои знания. Всё, что находится за пределами обоих кругов, — бесконечная неизвестность. Но у маленького круга — твоего — точек соприкосновения с неизвестностью меньше, чем у большого. Тогда получается, что чем шире круг познаний, тем больше точек, соприкасающихся с неизвестностью. Так что... удивительно, но факт — чем больше мы узнаём, тем больше не знаем. Но ты не расстраивайся — познаешь любую науку, только проявляй терпение.

Рядом с Агнодикой учителей не было, мудрых наставников — тоже. А вопросы без ответов накапливались. Например, какова природа человеческого семени? Из какой части тела оно происходит и кому принадлежит — мужчине или женщине? Как объясняется зарождение мальчика и девочки, сходство ребёнка с родителями? Как развивается эмбрион в чреве женщины? Каков порядок образования частей тела плода? Чем объяснить рождение близнецов или образование второго зародыша?..

Девушка растерялась и некоторое время пребывала в таком состоянии. Родные подумали, что дочь образумилась, удовлетворилась науками и теперь обретёт себя в семейной жизни. Но Агнодика не могла себя представить в роли жены; ей претила даже мысль о том, чтобы покоряться воле мужа.

Выход нашёлся, сам собой... Отец Агнодики давно страдал болезнью глаз; советы и снадобья лекарей не помогали. Однажды он объявил семье, что отправляется в Эпидавр, чтобы посетить храм Асклепия, куда со всех концов Греции приходили тысячи больных паломников, чтобы вымолить у бога исцеление. Отец пожелал избавиться от недуга с божественной помощью. Пользуясь добрым отношением к себе отца, дочь напросилась его сопровождать, но не призналась, что в Эпидавре у неё имелся свой интерес.

⁷⁰ *Философ, представитель милетской школы натурфилософии.*

Отправились на повозке. На дорогу ушло три дня и три ночи. Отдыхали в поселениях. Последний день ехали в тесном окружении паломников, спешащих к Асклепию, «Успокоителю злых страданий». По пути отец с увлечением пересказывал услышанные от людей истории о чудесах, связанных с храмом в Эпидавре.

Историю Амбросии слышали многие греки. Женщина, слепая на один глаз, уступила настоянию родных и явилась в Эпидавр, сразу заявив жрецам, что не верит в исцеление. Её уложили спать в инкубационный портик храма вместе с другими больными, где во сне она увидела бога. Он отругал Амбросию за неверие, сказал, что поможет, но за свою глупость она должна теперь принести в дар храму свинью, причём не обычную, а из серебра. Затем бог нагнулся к ней и надрезал слепой глаз, влил в него лекарство. Когда Амбросия проснулась, она с радостью обнаружила, что видит на оба глаза.

Был случай: Имфоника из Пеллены пришла в Эпидавр, чтобы просить Асклепия даровать ей беременность. Во сне она увидела бога, который обещал помочь и спросил, есть ли у женщины еще просьбы? «Нет, нет, я хочу только забеременеть!» — ответила Имфоника. После этого она вернулась домой, а через некоторое время почувствовала, что беременна. Их с мужем радости не было предела, но роды в срок не состоялись. Обеспокоенная долгим ожиданием, она вновь пришла в храм. Как в прошлый раз, заснула и увидела Асклепия; стала жаловаться. Бог сказал:

— Ты хотела забеременеть — ты получила ровно то, что просила. Чего хочешь сейчас от меня, женщина?

— Хочу родить!

После сна Имфоника родила при жрецах долгожданного ребёнка и с ним появилась перед мужем...

Пока отец Агнодики общался со старшим жрецом в «приёмной» храма, Агнодика невольно знакомясь со святилищем Асклепия. Ограды вокруг территории не было, но имелась каменная арка с надписью: «В этот благоухающий храм может зайти только человек с чистым разумом». За аркой в направлении храма была проложена широкая аллея из плит разного размера и формы.

По краям аллеи возвышались мраморные стелы с начертанными именами паломников — мужчин и женщин, когда-то вылеченных Асклепием.

Помимо указывались недуги, от которых больные избавились.

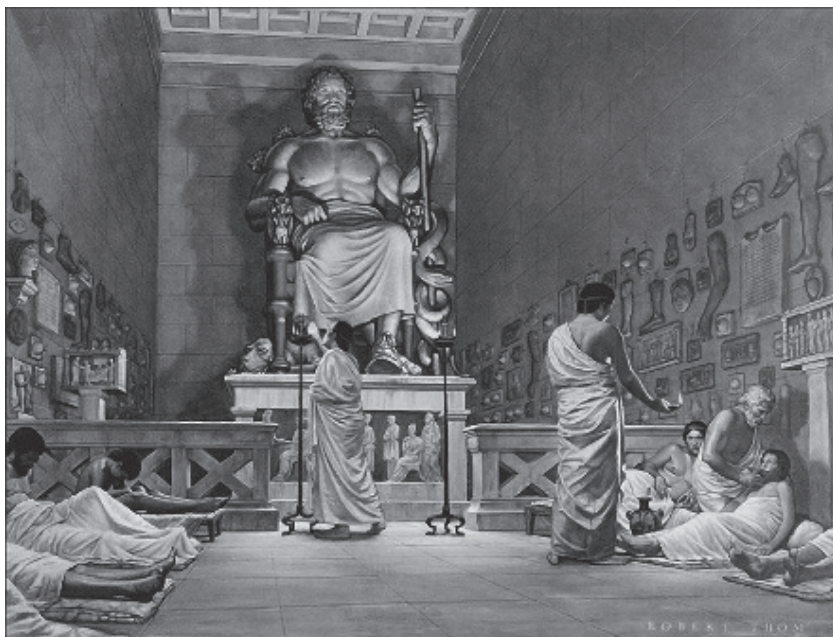
Прогуливаясь по аллее, Агнодика читала «истории болезни» паломников. Часть из них стёрлась от времени, но другие были отчётливыми. Так, одна надпись гласила: «Асклепий вылечил Гермона из Тасоса, который на радости забыл о благодарности и ушёл. Дома Гермон сделался слепым. Он снова явился в храм и заснул, и бог окончательно его вылечил...» Какое пожертвование Асклепий попросил на этот раз, осталось тайной.

Многие надписи сохранили память об исцелении больных глаз и слепоты. Одна была такой: «Собака лизала глаз слепого ребёнка, и ребёнок прозрел». Почти в каждом случае одной ночи в святилище оказывалось достаточно, чтобы страждущие обретали зрение. Разве не чудо?! Здесь всё было чудесным. И целительным. Кому-то из паломников змея, жившая в храме, излечила язвы на ногах, кого-то гусь избавил от подагры, «пощипав поражённые конечности». Мужчины и женщины, взрослые и дети являлись в Эпидавр с самыми разными недугами, и никому бог не отказывал: слепые прозревали, хромые начинали ходить нормально, немые — говорить, а бесплодные женщины благополучно рожали...

Дышалось легко и спокойно. Стойкий аромат хвои и смолы, исходивший от девственной сосновой рощи, вмиг избавлял от усталости и дарил умиротворение. Гиппократ говорил, что «воздух у моря или в горах всегда чистый; такой необходим для сохранения здоровья, а слишком плотный и густой приводит к затруднению дыхания. Качество воздуха влияет на эмоции, вызывает различные чувства и настроения...»

Храм Асклепия находился в центре святилища. Вместе с паломниками Агнодика зашла вовнутрь. Сразу увидела на мраморном троне ослепительно яркую статуя бога. Девушка таким и представляла Асклепия — отрешённый взгляд, в руке — посох, обвитый змеей...

Выйдя наружу, Агнодика заметила отца, с которым беседовали жрецы — расспрашивали, как и любого паломника, о подробностях болезни, объясняли, как вести себя дальше.

Перед тем как попасть в инкубационный портик храма, больному следовало выпить воды из священного родника, омыть ноги и совершить жертвоприношение богу, лучше — петухом. Старший жрец пояснил, что петух — символ богини зари Эос; для жертвователя смерть петуха на алтаре бога врачевания означает возрождение к жизни, излечение.

После того, как паломники заканчивали рассказ о своих болезнях, жрецы назначали им «исцеляющий сон» — инкубацию. Для этих целей служил абатон — просторное помещение, на стенах которого были развешаны муляжи частей тела излеченных паломников: рук, ног, глаз, носов, ушей и прочих. Больным предлагались успокоительные травяные настои, после чего они впадали в сонное состояние под непрерывное пение гимнов жрецами и шуршание ползающих по полу «божественно исцеляющих» змей. Инкубация проводилась в течение дня и ночи, но пробуждение могло состояться и через несколько суток — если проблемы со здоровьем были серьёзными. Всё это время служители культа Асклепия следили за физическим состоянием каждого больного.

После инкубации жрецы подробно расспрашивали паломников о том, что им приснилось, являлся ли Асклепий и что говорил. Затем сны толковались асклепиадами — избранными жрецами,

способными понять значение видений и заключить, выздоровел человек или ему требуется последующее лечение, в качестве которого рекомендовались специальные магические ритуалы, диета, физические упражнения, использование настоев лекарственных трав и многое другое. Когда больной освобождался от тяжёлого недуга полностью, его история записывалась на каменных табличках, а в особых случаях — на стелах. Если посещение святилища не давало ожидаемых результатов, записей не оставляли.

Агнодика проводила отца в абатон, после чего поняла, что очень устала. Ей предложили отдохнуть в «гостинице» для паломников. Девушку не смутило, что помимо неё в помещении уже было достаточно большое количество женщин, расположившихся на травяных подстилках, и лепёшка с чашей воды «на ужин» тоже не вызвали подозрений.

Агнодика прилегла на подстилку, глаза сомкнулись, и перед ней появилось туманное пятно, в котором, когда немного прояснилось, она узнала... Асклепия. Он наклонился к ней и прошептал: «Начнёшь с Египта, где поменяешь сознание...» И уже в следующий миг видение испарилось, как будто его и не было....

Девушка открыла глаза и попыталась понять, приснилось ей это или случилось на самом деле. За пределами «гостиницы» ночь продолжалась, но загадочные слова бога больше не давали ей уснуть. С первыми лучами солнца пришла догадка: Асклепий указывает ей путь к знаниями, который следует начать с Египта. Агнодика слышала о знаменитой александрийской медицинской школе. Она будет там учиться и непременно станет врачом.

О желании дочери учиться в Александрии родные узнали уже в Афинах. Отец отнёсся к этому спокойно — после Эпидавра болезнь заметно отступала, отчего настроение поднималось день ото дня. К тому же, по словам дочери, «так велел Асклепий!» Правда, отец всё же надеялся что, удовлетворившись образованием, Агнодика успокоится и выйдет замуж, как другие афинянки. С этими мыслями он расстался с ней, поручив знакомому александрийскому торговцу, очень кстати прибывшему в Афины, опеку в морском путешествии и во время учёбы в школе.

Любой грек, прибывший в Александрию — по делам или на постоянное жительство, — оказывался не в чужом для себя городе. Во-первых, основал эту египетскую столицу македонский царь Александр. Во-вторых, несмотря на то, что за время существования города население превратилось в сообщество многих национальностей, потомки переселенцев из Греции и Македонии составляли его большую часть. Поэтому неудивительно, что по прибытии в порт Агнодика отправилась на наёмной коляске в квартал, где жили греки. Там её ожидал небольшой домик, арендованный торговцем, заботам которого отец поручил свою дочь.

Дело было не в дружеских отношениях афинянина и александрийского грека, а в древнем законе предков — гостеприимстве. Традиции гостеприимства у греков были сильны потому, что каждый иноземец считался гостем Зевса Ксенноса («Гостеприимного»). А «иноземцами» в каждом полисе называли не только иностранцев, но и жителей других греческих городов-полисов. «Все странники и нищие — от Зевса», — сказывал Гомер в «Странствиях Одиссея». Редко кто в Греции отказывал в ночлеге страннику или беспричинно осмеливался обидеть «гостя». В греческих домах служанки подавали гостям воду для омовения рук, вели их в баню, натирали маслом тело, надевали чистые одежды — это был «первый дар гостеприимства».

У отца Агнодики и александрийца было по распиленной половинке игральной кости — *проксении*: традиционно одну из них вручали гостю при расставании, а другую хозяин дома оставлял у себя — на долгую память о госте. По древнему обычаю эллинов, даже потомки людей, однажды разделивших проксению, при встрече имели право на гостеприимство.

Александрийская медицинская школа размещалась в Библионе,⁷¹ возведённом при первом эллинском царе Птолемею. Весь комплекс зданий и рощ с прогулочными аллеями предназначался для совместного обучения царских детей с сыновьями из знатных македонских семей, готовящихся служить в дворцовой администрации. С некоторых пор учебные классы для прослушивания лекций выдающихся ученых, писателей и философов, стали посещать местные греки и выходцы из разных городов Греции.

Богатство и стабильность жизни в Египте издавна позволяли процветать наукам и образованию. Наиболее заметными были успехи в медицине, востребованной в Египте.

По этой причине недавно при Библионе открылась медицинская школа, где помимо изучения трудов греческих медиков и учёных анализировали практики египетских врачей. Иногородние ученики снимали жильё в городе, кто-то поселялся в «общежитии» при Библионе. Обучение было платным, но желающие получить медицинское образование всё равно переполняли клас-

71 Александрийская библиотека в Египте.

сы — настолько привлекательной представлялась эта профессия. Преподаватели получали из городской казны достойное жалование; проживание в отдельной комнате «общежития» и питание в общей столовой для них были бесплатными.

Но девушек среди слушателей школы не было! Агнодика узнала об этом уже в Александрии. В Библооне для женщин действовал такой же запрет на обучение и профессию, какой существовал во всех городах Греции. Сначала Агнодика растерялась, но потом вспомнила сон, где Асклепий посоветовал «поменять сознание» и поняла, что ей нужно преобразиться в мужчину — в буквальном смысле этого слова...

Агнодика приступила к изменению внешности. Прежде всего — причёска, волосы. В родительском доме каждое утро ей приходилось прибегать к помощи служанки, которая тщательно расчёсывала длинные волосы на прямой пробор, часть спускала на лоб, сбоку делала так, чтобы они спускались волнами. Сзади волосы приподнимались, скручивались на затылке в узел, который скреплялся золочёными шпильками и узкими цветными ленточками. Сейчас такая красота — ни к чему, с девичьей причёской придётся расстаться!

Сначала Агнодика понаблюдала на улице, как ходят молодые александрийские греки, и заметила, что большинство из них следуют нехитрой моде: волосы — до плеч, сзади собраны над шеей и стянуты повязкой либо металлическим обручем. Взглянув на своё отражение на диске бронзового зеркала, девушка взяла в руки ножницы и, глубоко вдохнув, начала отрезать волосы.

Когда с этим было покончено, пришёл черёд расстаться с украшениями. На Агнодике были недорогие, но обязательные для незамужней гречанки аксессуары: ожерелье из золотых шариков, серьги в виде тонких золотых дисков, серебряные подвески. Она также очень любила ножные браслеты из витой серебряной проволоки, которые подарила мать к совершеннолетию. Теперь всё это нужно было снять и спрятать подальше, до времени... С этого момента Агнодика станет носить только золотой перстень-печатку, как все здешние мужчины. И это будет указывать на состоятельность владельца...

Агнодика без раздумий, как с прошлым, рассталась с девичьей одеждой — полотняным хитоном и пеплосом, — переоблачившись в купленный на улице хитон с поясом, по-мужски укорото-

ченный. Поверх надела хламиду⁷² с золотой пряжкой на груди. Хорошо, что грудь у девушки была невыдающихся размеров — можно было её скрыть, перетянув повязкой. Сделав это, она почувствовала себя слегка стеснённой, но, глянув в зеркало, осталась довольной.

Вместо нарядных женских сандалий теперь ей придётся носить *крепиды* — ботинки с кожаными ремнями до щиколоток. Прикрывать голову не платком, а войлочной шляпой — *петас*.

Но переодеться в мужчину — дело не самое сложное. Куда сложнее говорить как мужчина, голосом гораздо ниже женского. Ещё — вести себя как мужчина, ходить и даже думать! Нужно было время, чтобы научиться всему этому и не попасть в неприятность.

Агнодика вживалась в роль осторожно. Вспоминала повадки старшего брата, присматривалась к поведению незнакомых мужчин на улицах. Пыталась им подражать. Ежедневные «тренировки» приносили свои плоды, и вскоре девушка почувствовала себя настолько уверенно в новом образе, что решила: пора пройти главное испытание!

Собрав волю в кулак, Агнодика появилась перед начальником медицинской школы — пожилого возраста греком с залысинами на голове. Он чем-то был озабочен, поэтому мельком глянул на безбородого юношу с миловидным лицом и спросил только:

— Что привело к нам?

Услышав, что афинянин страстно желает стать врачом, кивнул головой и вызвал помощника, чтобы тот оформил нового ученика в начальный класс и получил оплату — первый взнос. Агнодика переживала, что вызовет подозрения её голос, который она ещё до конца не «поставила», и поэтому слегка запинаясь. Но всё прошло легко и гладко. Она оказалась среди слушателей школы, где стала отзываться на имя Агнодик. На занятиях «молодой афинянин» не привлекал к себе излишнего внимания, не заводил знакомств и в друзья не напрашивался.

⁷² У древних греков короткий прямоугольный отрезок плотной ткани, скрепляемый на плече, одежда путешественника и воина.

...Обучение в школе шло своей чередой: посещение лекций, семинары, диспуты... Поначалу учёба не очень давалась Агнодике. Выяснилось, что знаний, полученных дома, крайне недостаточно. О чём рассказывал учитель, до понимания не доходило. Но она не опускала руки, брала учёные труды из запасников Библоона, читала, навёрстывала упущенное. И наконец свершилось! Наступил момент, когда она стала уходить с лекций с пониманием того, о чём говорил учитель.

Программа обучения в школе была составлена таким образом, чтобы за время пребывания здесь слушатель получил тот запас медицинских знаний, который по окончании позволил бы ему заявить, что он врач. За теоретическим курсом следовала обязательная практическая часть — будущие врачи осуществляли полноценный бесплатный приём больных, которых приводили на лечение родственники.

Агнодику интересовало и то, и другое, но более всего она стремилась попасть на лекции выдающихся учёных, которые могли ответить на вопросы, связанные с анатомией и физиологией женщины. Однако и этого для неё было недостаточно. Прочитанные дома от корки до корки сочинения Гиппократ и Аристотеля, в Александрии дополнились трудами Герофила, первого врача, обратившего внимание на различие жизненных функций у мужчин и женщин. Углублённое изучение малоизвестной темы подтолкнуло Агнодику к открытию совершенно новой области в медицине — гинекологии.⁷³

Агнодика удивилась, когда поняла, что среди учителей школы нет врачей-египтян. Находиться в Египте и не иметь знакомства с местными врачами было недопустимо для неё. Она пожелала восполнить этот пробел и нашла авторитетного врача, Гараманта, который за определённую плату согласился посвятить «афинского юношу» во всё, что он знал о женских болезнях и методах их лечения в Египте. Благодаря обману девушке удалось выяснить немало полезных для себя сведений.

...Начав разговор о бесплодии, Агнодика привела высказывание Аристотеля о том, что «мужчин приводит к бесплодию обильное винопитие». Гарамант не отрицал, но добавил:

— Больные органы женщины чаще могут быть причиной бездетности. По этой причине она в большей степени, чем мужчина,

73 *Гинекология — от «гине» — «женщина» + «логос» — «знать».*

ответственна за деторождение. Прежде ей нужно убедиться в собственном здоровье.

— Бесплодие излечивается?

— Наши врачи заметили, что неожиданные эмоции, чувства помогают женщине забеременеть. Лучше всего — испуг. Надо её сильно напугать.

— Не бьёте же вы несчастную женщину?

— Нет, конечно! Всё гораздо проще. Женщину привязывают к доске и помещают над водоёмом с крокодилами. При этом она должна призывать священного бога-крокодила Себека, чтобы он помог ей. Доску медленно опускают к воде, ниже и ниже. Женщина дрожит от страха, и в тот момент, когда она почти умирает, её поднимают и отправляют домой. После сильнейшего испуга она попадает в объятия к мужу. Что на самом деле происходит в организме у этой женщины, я не знаю. Но после такого испытания женщина, как правило, потом рождает.

— А есть другие способы избавления от бесплодия женщины? Не везде же есть крокодилы!

— Для египтянина крокодил — не просто животное, а подобие бога. Священный крокодил Себек отпугивает тьму, поэтому одного упоминания его имени бывает достаточно, чтобы добиться ожидаемого воздействия. Пусть муж в молитвах призовёт Себека в помощь.

Врач улыбнулся.

— Но к помощи священных крокодилов обращаются не часто. Наши женщины в таких случаях пьют напитки, изготавливаемые жрецами Себека: из полыни, канифоли, порошка высушенных жуков-скарабеев... Есть и другие снадобья.

— А когда супруги не желают иметь ребёнка, что им делать?

— Детей дают боги, и нет нужды вмешиваться в их дела. Но бывает так, что женщина не может дальше рожать. По болезни. Тогда находят средства, пагубные для мужского семени.

— Можно ли определить беременность на ранних сроках?

— Да, для этого нужно полить мочой женщины зёрна пшеницы или ячменя. Если они быстро прорастут — женщина беременна.

Видимо, устав от неудобных для него вопросов, Гарамант с неловкой улыбкой сказал:

— Ты слишком любопытный, афинянин. Зачем тебе это? Мужчинам не дано знать всё о женщинах. Это доступно лишь богам!

Но Агнодику было не остановить. В завершение встреч с Гарамантом ей даже удалось посетить вместе с ним роженицу. Она слышала, что египтянки рожают сидя, в чём сама и убедилась.

...Для родов из иловых кирпичей, замешанных с рубленой соломой, сложили «стул», таким образом, что между бёдрами женщины и полом осталось достаточное пространство для выхода ребёнка. Ложе, на которое укладывали новорождённого, также было из кирпичей, без какой-либо подстилки. Как только появился младенец, повитуха обмыла его, отрезала пуповину и положила на ложе. Приглашённый врач — Гарамант — всё это время наблюдал и не вмешивался. Оказывается, присутствие мужчины-врача было лишь условной необходимостью. Со всем заботами о ребёнке и роженице справились повитуха и служанка. Мать чувствовала себя неплохо и вскоре попросила положить ребёнка рядом с собой.

За год, проведённый в александрийской школе, Агнодика изучила многие разделы медицинской науки и в то же время поняла, что знаний в гинекологии у неё недостаточно. Она хотела от школы большего и приняла решение возвращаться в Афины, но вспомнила, что Гарамант говорил об акушерской школе в Саисе. Город известный в Египте тем, что здесь располагался древнейший храм богини Нейт. Агнодика решила, что на прощание нужно посетить Саис. Деньги у неё имелись, поскольку отец передавал их через своего проксена⁷⁴ в Александрии.

Она с радостью и облегчением вернулась к своему женскому образу и в сопровождении помощника и служанки отправилась с попутным караваном торговца.

⁷⁴ Проксен — человек, заключивший союз проксении, основанный на древнем ритуальном обычае побратимства, с гражданином другого полиса. Этот союз обязывал проксенов к гостеприимству, ходатайству о доступе к народному собранию, празднествам, местам в театрах и прочих привилегиях в своём городе. Услуги проксена были добровольными и вместе с тем почётными. Гражданин мог по своему желанию разорвать союз проксении, унаследованный им от предков, или вновь восстановить разорванный союз. Проксения осуществлялась как между отдельными лицами, так и между целыми государствами, во многом обеспечивая единство греческого мира.

В городе Агнодика через помощника обзавелась временным жильём и познакомилась с местной акушеркой, гречанкой Зофией. Заручилась её поддержкой в желании познакомиться с настоятельницей храма и, если можно, продолжить обучение.

На удивление, попасть в акушерскую школу получилось достаточно просто. Она находилась при храме богини Нейт, жрицы которого часто помогали при родах местным женщинам.

...Нейт — одно из самых древних божеств в Египте, воплощение одновременно мужского и женского начала, которому понадобилось произнести семь слов, чтобы образовался весь Мир. С тех пор Нейт создаёт и постоянно поддерживает творение Мира своей любовью.

Египтяне называли храм в Саисе Домом госпожи бальзамирования, поскольку его жрицы изготавливали бинты для мумифицирования умерших — знатных и простых людей. Бинты «от Нейт» пользовались спросом, так как благодаря им покойник получал божественную защиту в потустороннем мире.

В день, когда настоятельница храма Нейт согласилась встретиться «с врачом из Афин», Зофия предложила помощь в качестве переводчика.

Агнодика увидела немолодую женщину в парике из овечьей шерсти, какой носили только жрецы. Она сидела в кресле, опираясь на высокую резную спинку, и с любопытством смотрела на посетительницу обведёнными малахитовой краской глазами. В Египте так красились и мужчины, и женщины, и в этом крылся определённый смысл: липкая тёмная краска предохраняла глаза от пыли и, частично, от слишком яркого солнца. На жрице было одеяние из белой ткани — знак чистоты и святости — в складках, поверх — передник из шкуры леопарда — *схенти*. На руках выше локтя и на запястьях виднелись массивные золотые браслеты, как и на ногах вокруг щиколоток.

Зофия заранее предупредила, что первой заговорит жрица, как имеющая высший титул — *Хемер-Нечер*. Если спросит о чём-то, следует отвечать и ни на чём не настаивать.

Приглушённый голос жрицы нарушил молчание:

— Зачем я понадобилась тебе, афинянка?

Зофия повернулась к Агнодике, перевела, выслушала ответ и обратилась к жрице:

— Она говорит, что в Афинах ей удалось прочитать труды учёных медиков, затем она год обучалась у врачей в Александрии. Но этого мало, чтобы браться за лечение женщин. Ей сказали, что богиня Нейт покровительствует беременным женщинам, помогает в родах. Афинянка хочет попасть в школу Нейт, стать акушеркой, хочет знать о женщинах всё, что знают жрицы храма.

Агнодика, не дождавшись, пока Зофия переведёт жрице её слова, не сдержалась и с горячностью добавила:

— Да, да! Хочу лечить женщин, как это делают жрицы Нейт! Я хочу научиться у вас дарить женщинам здоровье!

Какое-то время настоятельница осмысливала сказанное иноземкой. И вдруг её бесстрастное лицо оживилось; она кивнула, наверное, соглашаясь с Агнодикой:

— Ты правильно поступила, что пришла к богине Нейт. Она помогает каждой женщине, кто обращается за помощью.

Видимо, жрице понравилась Агнодика, так как она не поспешила прекратить беседу и даже доверительно сообщила, что две тысячи лет назад при дворе фараона служил главный врач Мерит-Птах («Возлюбленный бога Птаха»). Он брался за лечение больных, казалось, в самых безнадежных случаях, немало людей спас от смертельного исхода.

На пике известности, когда его боготворили не меньше, чем Асклепия, он вдруг заявил, что он не мужчина, а... женщина! Фараон не отстранил его от высокой должности, позволил продолжать врачебную практику. Но теперь врача называли Возлюбленная Птаха. Мерит-Птах в новом образе стала проявлять больший интерес к изучению женских заболеваний, заботилась об их лечении. Главным успехом она считала разрешение фараона на открытие в Саисе специальной школы для египтянок, которые после учёбы помогали роженицам. Начальницей необычного для Египта медицинского учреждения фараон назначил Мерит-Птах. С тех пор вместе с врачами-мужчинами работают женщины, прошедшие обучение в школе Нейт.

— Мерит-Птах — не единственная женщина, руководившая школой акушеров в Саисе, — добавила жрица, довольная произведённым на афинянку впечатлением. — Была ещё Песехет,

служившая при дворе фараона в должности главного врача. Она имела высокий титул «Госпожа — надзирательница за женщинами-врачами» и руководила акушерской школой. Теперь — я.

Агнодика не удержалась от восхищения:

— Какая замечательная страна Египет! Мужчины позволяют женщинам учиться и заниматься своим делом! В Греции совсем не так!

Жрица покачала головой.

— Не заблуждайся, афинянка! Наши мужчины позволяют женщинам заниматься делами, если сами не справляются или если им неохота возиться. И в Египте женщины-врачи — редкость. Но те из них, кто доказал полезность, пользуются уважением наравне с мужчинами. Всё потому, что им покровительствует Нейт — не только богиня, но ещё и целительница.

Для Агнодики начался новый этап в жизни, наполненный открытиями и новыми знаниями. Поначалу было трудно из-за языка, но Зофия помогала на акушерских занятиях. Бытовые вопросы среди женщин разрешались с участием наёмного грека-помощника. Афинянка старалась сама, чтобы не быть никому обузой, училась новому для себя языку благодаря мнемонике, искусству запоминания, о котором узнала, изучая труды Пифагора. Всё, что нужно было запомнить, она представляла в виде какой-нибудь вещи, предмета, чтобы мысленно расставить их в придуманном ею помещении. При необходимости она «входила» в помещение, видела предметы и тут же вспоминала, что они означают...

Афинянка появлялась на занятиях будущих акушерок, слушала жриц-наставниц, наблюдала за их действиями при родах, всё запоминала. Школу Нейт в округе хорошо знали, поэтому сюда часто привозили и приводили беременных женщин, чтобы не обращаться к платным врачам.

Прошедшие в Саисе полгода придали Агнодике ещё больше уверенности в том, что в своё время она сделала правильный выбор. Ей стало под силу правильно определять срок беременности и положение плода, следить за его развитием и состоянием здоровья роженицы. Помимо сведений, касающихся гинекологии, она узнала много нового о других болезнях, присущих египтянам, и опыте их лечения. Оказывается, большинство населения страны страдало от ревматизма. Травмы египетские врачи лечили перевязками и вправлением костей.

В целом смертность здесь была довольно высокой — умирали от диареи, кашля и даже случайных порезов в поле. Но что больше всего поразило Агнодику, так это то, что любую болезнь египтяне воспринимали как наказание богов, поэтому прежде всего молили их о прощении и лишь потом надеялись на врачей.

В особо тяжёлых случаях винили демонов зла. А чтобы бороться со злом, египетский врач должен был владеть магией суну со всеми её обрядами и заклинаниями. Но постигнуть её мог только тот, кто изучал древние медицинские папирусы.

В Александрии, куда Агнодика вернулась из Саиса, время словно ускорило бег. Прошли годы с тех пор, как она оставила Афины, но для неё они пролетели, словно несколько дней. Только изменившееся отражение в зеркале говорило о том, что она в Египте уже очень долго... Отец продолжал передавать дочери деньги на содержание вместе со скудными весточками, в некоторых настаивал на возвращении дочери. Потом стал просить об этом, а затем умолк. Наверное, заболел или даже умер — Агнодика могла только догадываться.

О возвращении в Афины она даже думать не хотела, поскольку ещё не добилась поставленной цели — признания в медицинском сообществе. Сначала ей нужно было пойти ассистентом к известному врачу, чтобы по истечении нескольких лет получить

обстоятельный отзыв о своих способностях. Он позволил бы ей заняться самостоятельной врачебной практикой. И только после признания в кругу авторитетных врачей у неё могли появиться собственные постоянные клиентки, что давало бы гарантии для последующей работы в Афинах.

Агнодике удалось убедить Алипия, именитого врача из среды александрийских греков, что она со своими навыками в родовспоможении будет ему полезна. Алипий скоро понял, что не прогадал, поскольку сам неохотно откликался на приглашения в дома рожениц. А трудолюбивая грамотная помощница умело общалась с женщинами, требовавшими врачебного участия, в результате их самочувствие и здоровье зримо улучшались. Клиентки были довольны, не скупилась на гонорары Алипию, а он уже делился с Агнодикой, как считал нужным. Однажды он позволил себе спросить скромную помощницу, каким образом она добивается доверия клиенток.

— Я следую советам Гиппократов. Разве не так поступают все врачи? — удивилась она.

— Что ты имеешь в виду?

— Прежде всего я проявляю уважение к больному человеку, начиная с одежды, в которой к нему прихожу. Оказываю ему внимание, не забываю о милосердии. Помню главное правило Гиппократов — не причинять своими действиями и рекомендациями вреда больному. Когда меня спрашивают, сколько стоит лечение, не прошу лишнего. Не разглашаю врачебную тайну — никому не рассказываю о болезнях моих пациентов и об их лечении, а также не делюсь с посторонними тем, что видела или слышала в доме больного касательно жизни его семьи. Как призывал Гиппократ, я никогда не дам больному смертельного средства, даже если он попросит меня. Точно так же я не стану потворствовать прекращению жизни младенца в утробе беременной женщины.

Больше всего Алипий поразился ответу Агнодике на вопрос, нужно ли сообщать больному результаты врачебного обследования:

— Врачу следует спокойно и умело скрывать от пациента многое о течении его болезни. Не сообщать того, что наступит или наступило, ведь часто больные именно по этой причине бывают доведены до крайнего состояния и просят заменить жизнь смертью.

В своём откровении Агнодика коснулась и профессиональных взаимоотношений:

— Врачи, одновременно приглашённые к больному, чтобы установить причину тяжёлого заболевания, часто ссорятся между собой. Высмеивают друг друга, обвиняют в незнании, стараются унижить.

— Ничего не поделаешь — это конкуренция!

— Гиппократ говорил, что такие врачи забыли моральные предписания. Нет ничего постыдного, если врач, затруднённый в каком-либо случае, просит больного пригласить других врачей. Но тогда суждение одного врача не должно возбуждать зависти другого. А если врач выявил ошибку другого врача, он обязан помнить, что врачи — тоже люди, каждый может ошибиться.

Алипий давно понял, что его помощница знакома с медициной не понаслышке. А последняя беседа его настолько впечатлила, что он поделился ею с коллегами. Вскоре в Александрии заговорили о женщине из Афин с большими врачебными знаниями, умеющей общаться с роженицами.

Уже популярную во врачебных кругах афинянку пригласили в богатый дом к беременной женщине. Хорошие манеры, обходительность и рассудительные расспросы Агнодики хозяйке понравились, и акушерка стала её частым гостем. Они едва ли не сдружились. Но однажды женщина из любопытства спросила акушерку, где та училась профессии. Агнодика, вроде как, отшутилась:

— Пришлось обмануть мужчин! Разве иначе женщина добьётся своего?

Хозяйка посмеялась, попыталась уточнить, как это произошло, но Агнодика больше не откровенничала. В последующие дни женщина возвращалась к этой теме, но, так и не получив откровенный ответ, разболтала обо всём родне и подругам.

Подобные слухи в конфликтном обществе александрийских врачей не оставались незамеченными. Особенно при том авторитете, который Агнодика сумела завоевать среди женской части жителей. К тому же не было секретом, что в некоторых случаях она зарабатывала больше мужчин-врачей, к примеру, того же Алипия. Он-то и нашёл продажного человечка из числа параситос*, обычно крутившихся рядом с судами и готовых за деньги сотворить любую подлость любому гражданину. Доносчик подал

жалобу в суд с обвинением в том, что методы врачевания Агнодики вредят здоровью пациенток. Женщине, якобы, в принципе неподвластна специфика медицинской науки, а раз так, в этой профессии она может причинить вред пациенту...

Получив сообщение суда о дате заседания по уголовному делу, Агнодика поняла, что пришло время возвращаться в Афины. Из Александрии она попросту сбежала...

Суд над Агнодикой состоялся без её участия. В процессе судьи пришли к единому мнению, что «женщина не может лечить мужчину, потому что она не способна это делать. Мужчина может лечить женщину, потому что он этому обучен. Занятие женщиной врачебной практикой противоестественно, потому что она отказывается от дома, мужа и детей, что подрывает основу государства»

Неожиданное появление Агнодики в Афинах вызвало ожидаемые упреки родственников. Старший брат принял сестру не приветливо, с осуждением. Она узнала, что отец умер от лихорадки три года назад, перед этим отправил знакомому торговцу письмо в Александрию — просил найти дочь, вернуть домой. Этого не случилось, отец сильно огорчился. Вслед за ним скончалась их мать. Большая доля семейного имущества перешла к первому наследнику, остальное досталось другим братьям Агнодики — среднему и младшему. Им говорили, что сестра умерла в Египте.

— Отец любил тебя, деньги передавал, а ты даже на письма не отвечала, — возмутились родственники.

Старший брат начал уговаривать сестру выйти замуж:

— Я найду надёжного человека, который обеспечит тебя на всю жизнь.

Сестра загадочно улыбнулась и сказала:

— Пока не время!

Это ещё больше рассердило брата:

— Ты всегда шла наперекор советам родных, покинула дом ради того, чтобы делать не так, как поступают другие женщины. Тебя одолела безответственная идея, ради которой ты употре-

била деньги отца не на благо семьи, а на удовлетворение своей пагубной страсти. Ты истратила семейные сбережения на чужестранцев; ровно настолько мы в Афинах стали беднее, насколько богаче стали чужеземцы. Только безумица вроде тебя, Агнодика, могла так поступить! Поэтому не удивляйся моему решению: свою долю в наследстве отца ты уже истратила.

Чтобы ещё больше убедить сестру в своей правоте, он с вызовом спросил:

— Ну, с чем ты вернулась из своей Александрии?

Агнодика выслушала брата с подобающим для младшего члена семьи, и сестры, молчанием. Затем, понимая, что, возможно, это их последняя встреча, с достоинством произнесла:

— Ты обвиняешь меня в том, что я дурно поступила, когда уехала в Александрию. Но я уехала туда за знаниями. Я не отрицаю, что истратила деньги семьи по своему разумению. Однако на этом заканчивается моя вина, потому что знания избавляют человека от страха перед случайностями и чудесами, а его душу — от мук незнания истинных причин и сущности всего происходящего и зримого. Овладев знаниями в медицине, я обрела великое наследие тысячи мудрецов, по ценности превышающее затраченные на меня деньги отца. И это знание всегда будет при мне, но я готова поделиться им с гражданами Афин, чтобы с моей помощью они оберегали своё здоровье, учились противостоять болезням и недугам!

Брат не знал, что ответить сестре, но поскольку за ним было право завершить разговор, сказал с обидой:

— Живи как хочешь! Но оставь мой дом и запомни: дальше содержать тебя, как отец, я не намерен! Прощай!

В Афинах заговорили о появлении нового врача по имени Агнодик, безбородого мужчины, ученика самого Герофила, который недавно прибыл из Александрии, где лечил в основном женщин. Некоторые афинянки уже познакомились с ним, отметили его усердие и учтивость, между собой говорили: «Агнодик знает о женщинах абсолютно всё». Передавая друг другу приятные впечатления о нём, они неизбежно расширяли круг его кли-

ентов, причём настолько, что вскоре у этого врача появились две помощницы-акушерки и конная повозка с возничим.

В один из дней Агнодик, направлявшийся по своим делам, услышал встревоженные возгласы и громкие стоны, доносившиеся из жилого дома. Врач понял, что так могла кричать рожаящая женщина, и воспринял это как призыв о помощи — толкнул незапертую дверь и вбежал внутрь. Не встретив никого из прислуги, поторопился пройти дальше на шум и оказался в гинекее.

На постели лежала роженица с искажённым от боли лицом. Вокруг неё суетились две растерянные женщины — судя по виду и возрасту, акушерка и молодая служанка. Увидев внезапно возникшего перед ними мужчину, они громко закричали — от страха и возмущения, — набросились на него с кулаками и начали выталкивать из спальни.

Он увернулся, наклонился к роженице и тихо сказал:

— Не бойтесь меня, я помогу. Но пусть они пока выйдут.

Обессиленная хозяйка дома жестом руки велела служанке и акушерке выйти, после чего услышала от мужчины удивительные слова:

— Я — врач, и я — женщина.

По лицу роженицы было понятно, что она не поверила. Мужчина, к её изумлению, скинул плащ-гиматий, затем нижний хитон и, сняв повязку, оголился, показав... женскую грудь! Затем быстро оделся и произнёс уверенным голосом:

— А теперь, милая, успокойся и верни своих женщин. Они будут помогать. Доверься, у нас с тобой всё получится!

Женщина благополучно справилась с родами: на свет появился мальчик. Врач покинул дом, продолжив прерванный неожиданным образом путь. Роженица горячо поблагодарила богиню родов Илифию за то, что в нужный момент рядом оказался такой опытный врач, как Агнодик.

В городе бурно обсуждали этот случай, но он получил непредвиденное продолжение...

В Афинах шла подготовка к ежегодным выборам «общественных врачей», привычное событие для граждан, желавших использовать демократию в личных интересах, — лечиться у «бесплатных» медиков, содержащихся на средства из городской казны. Должности «общественных врачей» после выборов получали люди, называвшие себя целителями человеческих недугов, способные делать лекарственные снадобья — *фармаки*, имевшие право открывать городскую лечебницу у себя дома или в наёмном помещении на рынке.

Процедура «всенародного избрания» малоизвестного человека, величавшего себя «любимцем Асклепия», вызывала недовольство опытных врачей. Они справедливо тревожились, что невежды и шарлатаны скоро опорочат медицинскую науку. Опасно было ещё то обстоятельство, что в Греции за врачебные ошибки никто не подвергался никакому наказанию, кроме потери репутации. При том, что по египетским законам за ошибки в лечении врачи подлежали уголовной ответственности, вплоть до смертной казни.

Малоимущему афинянину, если он заболел, некогда было разбираться в конкуренции между врачами, тем более в городе их числилось немало. Больному приходилось верить жизнь «общественному врачу», работа которого должна контролироваться представителями власти. Поэтому к избирательному процессу народ относился внимательно, но выбор делался не профессиональными врачами, а обычными гражданами. Перечень кандидатур утверждался предварительным голосованием.

В определённый день народ собирался на площади, где каждый кандидат произносил речь, рассказывал о собственных достоинствах, называл учителей и наставников, сообщал о случаях выздоровления больных с его участием. Если кто-то хотел пленить толпу и окончательно победить соперника, он должен был непременно владеть ораторским искусством. Такие «врачи» больше всего нравились избирателям.

Афинские женщины были счастливы, когда узнали, что их любимый врач подал заявку на выборы. Для Агнодика, вернее Агнодики, решиться на это было нелегко, поскольку у сопер-

ников могли появиться вопросы по поводу пребывания врача в Александрии.

Так и получилось! Обсуждение его кандидатуры прошло бурно, поскольку скептиков, жаждущих приструнить «выскочку», нашлось немало. «Женский врач» отвечал с достоинством, а потом ещё обвинил в невежестве некоторых коллег, указав на их некомпетентность, раскритиковав методы лечения, не приносившие положительного результата. Агнодик также осудил врачей, отказывавшихся принимать бедных, бравшихся за лечение только богатых клиентов в расчёте на большие гонорары.

— Тогда кто будет лечить бедняков, их семьи? — взывал к народу Агнодик. — Нет разницы, на деревянной кровати лежит больной или же на золотой: куда его ни перенеси, он заберёт с собой болезнь. Я призываю врачей оказывать внимание любому больному, если нужно — бесплатно, удовлетворяясь или воспоминанием о добром деле, или заботой о своей репутации.

Народ воспринял речь Агнодика с восторгом. Кто-то спросил, собирается ли он сам лечить всех, кто к нему обратится?

— Врачебное искусство заключается не в том, чтобы делать всякого человека здоровым, — отвечал кандидат, — но в том, чтобы, насколько возможно, приблизиться к этой цели, потому что вполне возможно хорошо лечить и таких людей, которые уже не могут выздороветь. Я убеждён — пока у больного есть дыхание, у врача остаётся надежда на его выздоровление.

Во время обсуждения кандидатуры Агнодика из толпы на площади послышался возглас:

— Он не тот, за кого себя выдаёт!

У Агнодики, как ей показалось, остановилось сердце, и дальше она услышала:

— Есть граждане, которые не доверяют его речам, поскольку не знают, чем он занимался до появления в Афинах. Мы слышали, что он прибыл из Александрии, но никто не может это подтвердить, как и то, что там он врачевал людские недуги. Агнодик для нас тёмный человек, а если так, он не может быть «общественным врачом».

Как выяснилось, скандальное заявление сделал один из конкурентов по врачебной практике. Процедуру голосования пришлось остановить. Граждане топали ногами, возмущаясь, требовали от власти расследования по столь громкому обвинению.

Суд состоялся на пятый день после подачи доноса истца, выступившего от группы нескольких врачей, конкурентов Агнодика. Присяжные заседатели выслушали свидетелей истца, заявивших, что «этот человек втёрся в доверие женщин, чтобы получать выгоду. Он виноват в том, что соблазнял их, а они, попав под его влияние, вызывали его домой по надуманным предлогам, чтобы получить возможность увидеть».

Когда обвиняемому позволили говорить, участники заседания услышали:

— Меня обвиняют в несуществующих преступлениях не честные афиняне, а клеветники, конкуренты по врачебной практике. Клевета ужасна тем, что её жертвой является один, а творят её многие: тот, кто распространяет клевету, и те, кто ей верит. Мои конкуренты — скрытые завистники, и как ржавчина съедает железо, так их зависть точит мою правду.

Процесс длился достаточно долго. Заседатели больше склонялись верить истцу, и когда стало уже очевидным, что приговор будет вынесен не в пользу обвиняемого, что ему грозит огромный штраф или даже смерть «за прелюбодеяние», Агнодика поняла: ей терять нечего... Она вышла в центр судилища и решительно сорвала с себя одежду...

— Смотрите! — сказала она громким звенящим голосом. — Вы видите, что я — женщина?! Не это ли доказывает вам, что я неспособна использовать своих клиенток, чтобы зачинать внебрачных детей! Вы убедились, что всё, о чём здесь утверждалось истцом и свидетелями, это клевета?!

Удивление судей было настолько велико, что они долго не могли принять разумное решение. Сначала сняли с Агнодики обвинение «в прелюбодеянии», но тут же открыли новое уголовное дело о нарушении действующего закона, по которому «женщина не вправе заниматься медициной. А если она тем занимается, преступницу сбрасывают со скалы». С этим решением заседание суда перенесли на следующий день, а Агнодику препроводили в тюрьму — ожидать приговора.

Заседанию не суждено было состояться по той причине, что в

зал суда ворвалась толпа разъярённых афинянок. Бывшие пациентки Агнодики — от простолюдинок до жён знатных граждан и политиков — были готовы разорвать на куски судей и свидетелей обвинения. Слышались гневные выкрики:

— Мужчины, вы больше нам не мужа, а враги, поскольку вы осуждаете женщину, которая подарила нам и нашим детям жизнь и здоровье!

Против спонтанного женского натиска судьи не смогли устоять. Они отпустили Агнодику на свободу, а позже вообще оправдали. Но афинянкам этого показалось мало: они потребовали от мужчин, чтобы на очередном Народном собрании приняли закон, позволяющий свободнорождённым женщинам изучать медицину и вести врачебную деятельность.

Вот такая история...

АГЛАОНИКА

Похитительница луны

Благодаря греко-римскому писателю Плутарху, трактату «Наставление супругам», мир узнал о первой и, наверное, единственной в истории Древней Греции женщине-астрономе. Имя — **Аглаоника**, жила во II веке до н. э. Он писал:

«...учась геометрии, жена постыдится плясать и не даст обмануть себя заклинаньям чародеев, коль зачарована творениями Платона и Ксенофонта. А если кто и пообещает похитить с неба луну, она лишь посмеётся невежеству и глупости женщин, которые этому верят. Ибо не чуждая астрономии слыхала про Аглаонику, дочь фессалийца Гегетора, которая была сведуща в лунных затмениях и, заранее расчисляя время, когда это светило скроется в тени, обманывала женщин, уверяя их, будто луну с неба свела она».

По некоторым сведениям, Аглаоника была дочерью фессалийского царя Гегеториса, и в таком случае можно верить тому, что о ней говорили в Греции.

Дом, где родилась и провела годы взросления, располагался вблизи горы Олимп, священной для эллинов. Там в уединённости местности и тишине девочка обращала взоры к небу, что способствовало недетским размышлениям. В непогоду безмолвие прерывалось громами и молниями Зевса Олимпийского, и в такие моменты она задумывалась о природе небесных явлений, закономерности их циклов. Взрослея, Аглаоника научилась предугадывать неземные события, но когда делилась догадками с родными и знакомыми, её предвидение воспринимались как проявление недоброй магии, особенно когда слова сбывались...

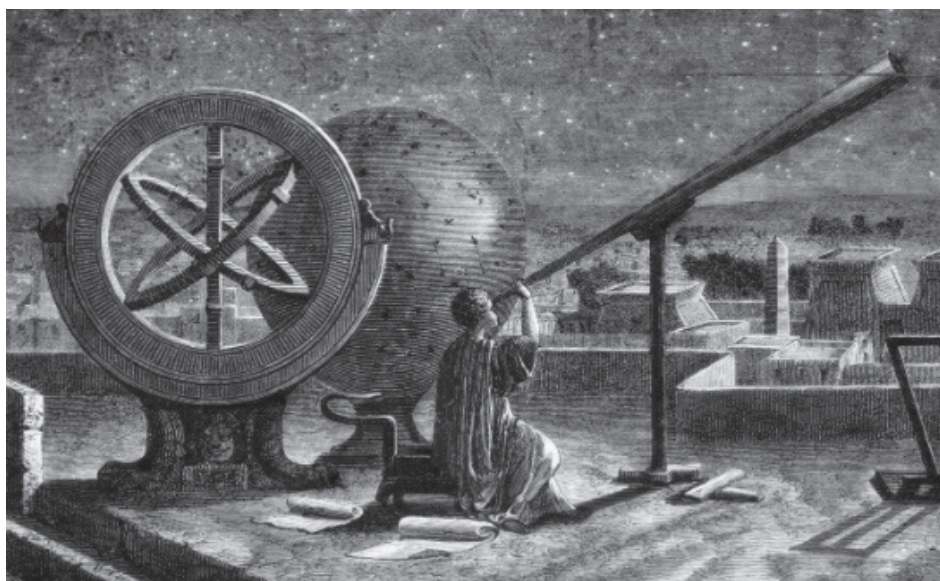
Знания о Небе Аглаоника обрела самостоятельно, интересуясь сочинениями мудрецов. Ей помогало изучение вычислений греческих учёных с наблюдениями за движением планет Солнечной системы египетских и вавилонских жрецов, любые упоминания о затмениях Луны и Солнца. Она обрела опыт в определении периодов полнолуния, и когда Луна готовилась к затмению, Аглаоника как бы в шутку убеждала людей в том, что это её рук дело. Подобные проделки приводили в ужас сограждан, и только отсутствие законов о преследовании «кудесников» спасало её от судебных расследований и строгого наказания.

Аглаоника всерьёз увлеклась познанием Космоса, манили его загадки. Ответы искала в сочинениях философов, после чего «она взбиралась на Небо, чтобы охватить изобилие Вселенной и красоту тел небесных; созерцать и потом с восторгом кому-то рассказывать обо всём увиденном». Представляла себя сидящей на краю Вселенной, протягивала руку дальше видимого края, и поступала так бесконечное множество раз, чтобы убедиться, что Вселенная — беспредельна» ...

У неё появились инструменты, которыми пользовались астрологи, научилась просчитывать движения небесных светил. И когда уставала от мигания звёзд на небе, закрывала глаза и... оказывалась в ином мире:

...В безграничном воздушном пространстве узрела скопления звёзд, подобные беспорядочно рассыпанному сору, и говорила себе: «Он прекрасен!» Смотрела на Землю и восклицала: «Да она всего лишь точка!»

Однажды Аглаонике задали вопрос:

— Как ты представляешь себе Космос?

Она ответила:

— Он для меня — живое разумное существо. Только существо шарообразное, включающее в себя Небо, Землю и остальное, что в них находится.

— Тогда кто же Бог? — спрашивали люди.

Она давала странные пояснения:

— Бог, как разумная сущность, пронизывает весь Космос целиком и полностью; в конце мирового цикла Космос обновится в Мировом Пожаре.

На вопрос, есть ли жизнь ещё где-нибудь, кроме Земли, Аглаоника приводила рассуждение Эпикура:⁷⁵ «Мир возникает из атомов, а так как атомы бесчисленны, они разносятся очень и очень далеко. Они не расходятся полностью ни на один мир, ни на ограниченное число их. Стало быть, ничто не препятствует бесчисленности миров. Такой мир может возникнуть как внутри другого мира, так и в промежутке между мирами, в месте, где пустоты много».

Когда за Аглаоникой утвердилась спорная слава «предсказателя небесных явлений, фессалийцы обращались к ней с просьбами подсказать решение земных проблем через расположение звёзд на Небе. Она не отказывалась и охотно «устанавливала магическую связь людских судеб с движением звёзд». Если предсказания исполнялись, люди со страхом приписывали Аглаонике магические способности. Во время затмений просили, «чтобы она не забирала в следующий раз луну с неба или не окрашивала звёзды в кровавый цвет».

Аглаонике нравилось дурачить людей, поскольку не гнушалась использовать любой случай для поддержания своей репутации в образе «небесной кудесницы». В целях самоутверждения пользовалась собственными знаниями карты небесных светил, чтобы в очередной раз устроить показательное «похищения Солнца с небосвода». Не боясь наказаний сограждан, вероятно, находила в этом удовольствие, чтобы дома посмеяться над простыми людьми.

⁷⁵ Древнегреческий философ и мудрец, основатель эпикурейства — весьма влиятельной философской школы. Он восстал против платонизма своего времени и основал в Афинах собственную школу, известную как Сад.

ХИТРОСТЬ ПОЛИКРИТЫ

У Плутарха есть сочинение «*О доблести женской*», название которого ввергло в изумление читателей, его современников, — мужчин, разумеется! Но ничего удивительного — в античном обществе женщина почти во всём занимала подчиненное положение. Как полагал Аристотель, «в мужчине должно присутствовать мужество властвования, а в женщине — мужество подчинения». А известный греко-римский писатель Плутарх удосужился изложить почти тридцать сюжетов с определением «нетрадиционных женских достоинств» — отнюдь, не скромность и стыдливость!

Пересказ всех сюжетов сочинения Плутарха показался бы утомительным, а вот история с **Поликритой**, молодой женщины из Наксоса,⁷⁶ показалась довольно занимательной...

Читая труды любого древнегреческого историка — Геродота, Фукидида, Полибия, Диодора, включая Страбона и Плутарха, — встречаем описания жестоких войн между греческими городами по любому поводу. Хотя основной причиной являлась нехватка удобной земли для сельского хозяйства и, в связи с этим, достаточного продовольствия для населения. В результате военных

⁷⁶ Самый большой остров в Эгейском море, принадлежит Греции.

действий победитель не только прирастал территориями, но ещё и грабил имущество побеждённых, приобретал рабов.

Вот история о том, как женская хитрость покончила с одной из таких войн...

Города Наксос и Милет не конфликтовали по земельным спорам, поскольку один разместился на острове Наксос, а другой — в Карию, на западном побережье Малой Азии. Но причиной военного конфликта оказалась... измена жены милетянина, «добропорядочного гражданина», сбежавшей с жителем Наксоса, своим любовником.

Милетяне, узнав, какая неприятность вышла в этой семье, возмутились и, собравшись на *агоре*^{*}, постановили, что житель Наксоса, соблазнивший милетянку, принёс страдания её мужу, за что полагается мстить. Наскоро собрали боевой отряд добровольцев во главе с командиром Диогнетом, посадили храброе воинство на корабли, отправив «наказать Наксос».

Корабли доставили войско к побережью острова, откуда Диогнет повёл его к городу Наксос. По пути воины опустошали селения, а когда подошли к городским стенам, командир приказал идти на приступ без промедления. Милетянам удалось взломать ворота, после чего вошли в город и рассредоточились по жилым кварталам.

Вооружённые защитники Наксоса и часть населения отошли в крепость, дав милетянам возможность грабить брошенные дома и убивать любого, кто оказывал сопротивление.

Вскоре походные мешки воинов вздулись от ценной добычи. Из города в расположение лагеря милетян толпами гнали пленных горожан. Диогнет не останавливал насилия своих воинов, позволяя насытиться грабежами и убийствами. Но насытить разнузданную алчность победителей оказалось невозможным. К концу дня его воины в споре за ценные вещи с остервенением дрались уже друг с другом, что дало Диогнету повод вывести войско в лагерь для отдыха.

Помимо ценных вещей и драгоценностей милетяне захватили в плен немало молодых красивых женщин. Их растаскивали по палаткам воины. Диогнет разглядел черноволосую красавицу с нежным мелодичным голосом. Узнал, как зовут — **Поликрита**, — приказал, чтобы не смели обидеть и привели к нему.

Едва красавица появилась в походном шатре, сердце бывшего военачальника затрепетало от волнения и близости. К ночи Диогнет окончательно понял, что влюбился

В лагере шло разгульное веселье — милетяне шумно праздновали победу. Диогнет наслаждался общением с Поликритой, не огорчал обычной грубостью военных. Она заметила его влюблённость и, прильнув к нему, прошептала с нежностью:

— Господин, у меня в городе остались родные братья. Они не знают, где я, и что со мной случилось. Позволь отослать им пирог, которым ты угощаешь меня. Пусть они порадуются за меня.

Диогнет, пребывая в отличном настроении, велел слуге исполнить её желание. Поликрита указала этому человеку место в городе, где можно будет найти братьев, и отдала пирог.

Диогнет не догадывался, что в пироге была спрятана тонкая свинцовая пластинка с нацарапанным посланием Поликриты. Она сообщала, что в лагере воины скоро окончательно перепьются, окажутся неспособными сопротивляться, если наксосцы нападут этой ночью.

Братья, обнаружив сообщение сестры, передали военачальнику Наксоса. Под утро отряд храбрецов напал на лагерь милетян. Перебили многих, но часть спаслись позорным бегством вместе со своим командиром, который догадывался, что в Милете его ожидает строгий суд сограждан. Поликрита вместе с живыми пленницами вернулась в город. У ворот спасительницу встречала огромная толпа восторженных жителей Наксоса, которые забрасывали её охапками цветов и ценными дарами.

МЕЧ ТЕЛЕСИЛЛЫ

На небосклоне древнегреческой поэзии блистали не только мужчины. Коринна из Беотии в мусических⁷⁷ состязаниях одерживала победы над самим Пиндаром!⁷⁸ Девушки из благополучных семей зачитывались любовными стихами Сапфо⁷⁹ с Lesbоса,⁸⁰ увлекались лирикой Праксиллы из Сициона, Миртиды из Анфедона и Аните из Тегеи, которую даже сравнивали с Гомером.

77 Мусический — связанный с музыкой. Мусические состязания в Древней Греции включали в себя состязания флейтистов и кифаредов — мастеров игры на популярном в эпоху Античности музыкальном инструменте — кифаре. Наряду с музыкантами выступали и поэты, причём оценивалось не только качество самих стихов, но и артистический талант их исполнителя.

78 Греческий поэт; был тесно связан с Дельфами, идейным центром греческой аристократии, певцом которой Пиндар и являлся.

79 Лирическая поэтесса. Её поэтический дар обожествлялся, а судьба настолько интриговала, что обросла мифами, которые дошли и до наших дней. Самая сильная стихия в её поэтическом мире — это любовь.

80 Lesbос — греческий остров в северо-восточной части Эгейского моря, третий по величине остров Греции.

В этот же ряду находилась **Телесилла** из Аргоса, в V веке до н. э. улаждавшая слух богов сочинёнными ею гимнами и лирическими стихами, заставлявшими трепетать женские сердца. Скромная девушка, занятая ожиданием счастливого замужества, на вопросы, как ей удаётся поэзия, говорила:

— Я чувствую вдруг, что в какой-то момент Аполлон отнимает у меня рассудок, после чего появляются навеянные богом мысли. Затем возникает безудержное желание обдумать мысли, превратить их в напев слов, создать живописные образы. Потом я ощущаю, как душа сливается с боговдохновенными словами, и это приносит радость и печаль отводит. Вот тогда мне остаётся только записать строки будущего стихотворения.

С детства Телесилла была слишком болезненной, что давало повод родителям беспокоиться о её здоровье. Им посоветовали отвезти дочь в Дельфы и там через оракула бога-целителя и покровителя искусств Аполлона просить о помощи. И девочке было послание: «Исцеляйся Музами», что послужило причиной её внутреннего преобразования. Она поддалась лечебному воздействию божественных гимнов, музыки и пения и к совершеннолетию избавилась от недугов. Как отмечал Павсаний* в «Путешествии по Греции», «Телесилла была прославлена за многие свои достоинства, но особенно её почитали за поэтический дар». Поэтому некоторые в Аргосе даже не подозревали, что молодая поэтесса обладает какими-либо ещё талантами и способностями.

К Аргосу подступилось спартанское войско под предводительством царя Клеомена. Большая беда для аргосцев, не имевших возможности дать отпор сильному врагу. Перед походом Клеомен побывал в Дельфах, запросил оракул, чтобы узнать, чем закончится война Спарты с Аргосом, и вдохновился прорицанием: «Аргос покорится Клеомену». Поэтому, надеясь на лёгкий для Спарты исход войны, предложил аргосцам открыть ворота и сдать город, что означало его разграбление без сопротивления со стороны жителей. Уверенные в надёжности и неприступности высоких крепостных стен, аргосцы отказались это сделать, заставив Клеомена предпринять решительные меры.

В ближайшее время аргосцы не предполагали ни с кем воевать, поэтому постоянного войска не имели. Малочисленный гарнизон в основном стоял из пожилых, хотя и храбрых, ветеранов. Срочно собрали ополчение из молодых граждан, не успевших пройти достаточное обучение военному делу, которые всё же сумели на первых порах дать врагу отпор.

Силы неравные! Боевому настрою и энтузиазму молодых аргосцев противостоял безупречный профессионализм спартанцев, дисциплинированных бесстрашных воинов. В итоге, после десяти дней осады и ожесточённого штурма городских стен, вера в успех у защитников начала исчезать. О поражении не говорили, но многие предполагали ужасный исход осады. Наступил момент, когда поредевшие ряды защитников дрогнули. Воины Клеомена, почуяв близость желанной победы, удвоили усилия, но на последний рывок не решились.

К ночи часть ополченцев покинула позиции на стенах; в городе началась паника. Во многих домах наспех собирали ценные вещи, тайными тропами уходили в священную оливковую рощу. При этом аргосцы, прежде чем попасть на территорию святилища, освобождались от оружия, поскольку там его применение запрещалось законом. В надежде отсидеться в безопасности под покровительством богов, в роще укрылась почти тысяча аргосцев.

По той же причине предводитель спартанцев запретил им преследовать беглецов. Но отослал к ним переговорщика с обещанием, что ни один человек не пострадает, если надумает выйти за пределы святилища. Царскому слову поверили, с переговорщиком вышли до пятисот воинов. Всех отвели поодаль и убили. Это увидел аргосец, который влез высоко на дерево. После такого коварства желающих верить Клеомену не нашлось. Тогда он приказал поджечь рощу с трёх сторон. Тех, кто избежал участи задохнуться в дыму, сгореть в пламени священных олив, — тоже убили.

Клеомен не спешил полностью овладеть городом. Перебежчик донес, что аргосцы начали обсуждать вопрос: как сдать город и при этом здорово не пострадать?

К вечеру горожане собрались на агоре, чтобы обсудить условия сдачи. Другого разговора не намечалось, поскольку в Аргосе почти не осталось защитников. Граждане предлагали разное, но в настроениях чувствовалось уныние, ожидание грядущего зла.

Наступил момент, когда народ, так ничего не решив, уже потихоньку начал расходиться. И тут неожиданно для всех вперёд вышла Телесилла и громким голосом нарушила унылую тишину.

— Жители Аргоса! Прошлой ночью я увидела Афродиту.

Аргосцы остановились и с удивлением посмотрели на молодую женщину, в которой многие узнали свою поэтессу. Они начали прислушиваться к тому, что она говорила, с небывалым вдохновением:

— Верьте мне, аргосцы, богиня явилась мне во сне. Но я узнала Афродиту, услышала божественное повеление: «Аргосу не быть под Спартой!» Она так и сказала! И ещё — что не оставит Аргос без своей защиты.

Толпа оживилась, раздалась гневные возгласы:

— Зачем верить женщине? Она ещё и поэтесса — безответственное создание!

— Если у нас нет войска, даже боги не спасут Аргос! Ни воинов, ни командующего! Не тебя ли, женщина, богиня назначила на его место?

Послышались язвительные выкрики, смешки. Голос поэтессы, громкий, возбуждённый от волнения, перекрыл людской гомон:

— Да, богиня поручила мне возглавить защиту Аргоса! Я — ваш командующий!

Над площадью повисла тишина. Люди остерегались высказывать недоверие по поводу божественной миссии Телесиллы и в то же время отказывались верить, что сочинительница строк о нежных чувствах способна повести мужчин в сражение. Все зашумели, начали переспрашивать друг друга, не ослышались ли? Телесилла воскликнула с большей страстностью:

— Верьте мне, как верите Афродите! Слушайте мой голос, как слушали бы голос богини! Если так будет, Афродита поможет Аргосу!

Граждане поутихли, задумались. Многие понимали, что поэты — не обычные люди, помимо всего прочего они способны перевоплощаться из образа в образ. Кроме того, все знали, что через поэтов боги говорят с людьми. Выходит, Телесилла не врёт... Но это же безумие!

Заметив изменения в настроениях людей, поэтесса вновь заговорила:

— Как ни силен враг, я не оставлю вас без надежды на побе-

ду. Без надежды мы все умрём! Поэтому у нас нет выбора — кто хочет жить, пусть стремится победить!

Один человек выкрикнул:

— У Клеомена большое войско! Каким войском ты предлагаешь победить его?

— Не многочисленность и не сила решают итог войны, а уверенность в победе над врагом, — горячо возразила Телессила. — Спартанцы не выдержат натиска тех, кто устремится к ним с мужеством в сердце и уповая на помощь Афродиты. Кто из вас не верит нашей богине? Покажитесь народу!

Никто не осмелился выйти вперёд. Аргосцы подчинились воле поэтессы, которая сама не понимала, откуда у неё в тот момент появились нужные случаю слова и действия. Она решительно отдавала удивительно правильные и своевременные распоряжения воинам гарнизона и ополчения. Не допуская возражений, указывала на слабые места в обороне, определяла размещение скрытых засад, распределяла оружие среди защитников города. Бывалые воины, опытные ветераны не возражали против её распоряжений, принимая их к исполнению. Она убеждала граждан не прятаться от врагов, но готовиться убивать их:

— Аргосцы, не бойтесь спартанцев! Они тоже люди, имеющие с нами одинаковую плоть и кровь и ту же общую природу. Помните о том, что вы сражаетесь не со Спартой, а с людьми! Думайте о том, как их убить, для чего вооружитесь смелостью. Помните, начало победы Аргоса над Спартой — это ваша личная смелость!

Кто-то из командиров сказал, что в его отряде мало воинов, помимо убитых и раненых часть из них бросила оружие и пустилась в бег.

— Кто погиб или ранен в сражении — герой. Тем же, кто оставил свою позицию и сбежал — вечное забвение, — спокойно произнесла Телессила. — Они были бы бесполезными и даже вредными для завтрашнего сражения. А кто не бросил оружия, тот силён духом! Сила духа превосходит силу тела врага.

Получив сообщения командиров о численности воинов, Телессила отправила посланцев по городу, чтобы заходили в каждый дом и передавали её приказ: каждый гражданин немедленно должен был явиться на площадь вместе со своими домашними рабами и слугами — мужчинами и женщинами. Когда это произошло,

она отобрала из рабов и слуг пригодных держать оружие, — каждому выдали по мечу или копью, топору или дубине. Таким образом сформировалось ополчение в тысячу воинов, которым Телессилла объявила, что после победы все получают свободу. Затем поручила командиру гарнизона пройти с воинами по домам аргосцев и найти всех, кто отсиживается в укрытиях и потребовать присоединиться к защитникам города.

Но сил для сопротивления всё равно оказалось недостаточно. Телессилла обратилась к женщинам Аргоса. По словам Плутарха, «она сумела так воспламенить женские сердца, что все женщины в цвете возраста, воодушевлённые неким божественным порывом, поднялись на защиту родины».

Тогда аргосцы поняли, что Телессилла действительно является божественной посланницей.

Как предполагал Клеомен, утром спартанцы увидели городские ворота открытыми. С осторожностью вошли вовнутрь, стражников не обнаружили. По опустевшим улицам бегали собаки, которые с остервенелым лаем кидались на чужаков. Спартанцы во главе с царём, оседлавшим верного коня, медленно продвигались к центру города. Аргосцев не было видно — ни воинов, ни мирных граждан. Клеомен недоумевал и чувствовал опасность.

Постепенно спартанцы разбрелись по второстепенным улочкам и сразу попали в многочисленные засады. Из-за оград домов, с крыш и стен на их головы обрушились копья и дротики, туча стрел, камни и кипящая смола, причём сразу со всех сторон! Смерть и ранения настигали врагов внезапно и отовсюду.

Среди нападавших аргосцев были не только мужчины; проявляли бесстрашие женщины, подростки и старики. Крики ужаса и вопли раненых спартанцев тут же вызывали радостные возгласы воспрянувших духом аргосцев. Воины Клеомена, привычные к подобным неожиданностям, сначала остановились, чтобы сгруппироваться и оценить обстановку. А нападавшие аргосцы усилили натиск, найдя удобным, что убивать врагов теперь можно было помногу.

Особенно отличились аргосские женщины: сражались ярост-

но и отчаянно. Телесилла сумела внушить им такое презрение к смерти, что опытные в войне спартанцы были вынуждены или умереть, или обратиться в бегство. Передовой отряд замедлил продвижение вперёд, затем остановился. Их начальник был только что убит, оттого не последовало команды, как поступать в этой ситуации. Наметился отход назад.

Клеомен уловил намерение воинов и, чтобы воспрепятствовать позорному отступлению, направил коня вперёд, призывая следовать за ним. Угловым зрением он заметил всадника на белом коне; за плечами всадника в ослепительно сияющих доспехах развевался длинный кусок ткани кровавого цвета...

Царь Спарты не знал предводителя аргосцев, не слышал имени. Но это была Телесилла! До сражения она явилась в святилище Инаха, легендарного героя Аргоса, и сняла со стены его золотой шлем. Жрецы поначалу возразили, а она сказала, что «так хочет Афродита». Увидев шлем на голове командующего, аргосцы возликовали и утроили собственную храбрость.

Телесилла со зловещим молчанием пробивалась на коне через ряды спартанцев. Обрушивала меч на голову каждому, кто мешал ей достичь цели. Клеомен понял, что вражеский всадник намеревается сразиться в поединке. Не царское дело — отказываться, тем более на глазах собственных воинов.

Царь развернулся, чтобы достойно встретить соперника, и вдруг заметил... женские волосы, выбившиеся из-под шлема и развевающиеся на ветру! Женщина?!

Телесилла, умело справляясь с мечом, словно обучалась этому с детства, уже убила двоих телохранителей царя; подобралась ближе к Клеомену. И тогда, не сговариваясь, спартанцы, окружавшие Клеомена, дрогнули и, прикрывая его щитами, организованно отступили за городские стены.

Ночь для аргосцев прошла спокойно. Утром на город опустился густой туман, а когда ветер разнёс его по окрестным лугам, защитники высыпали на стены. К удивлению и радости, снаружи врагов не заметили. Выслали конный дозор, чтобы определить, где затаилось спартанское войско. Но враг удивительным образом исчез!

Царь Клеомен не решился на повторный захват Аргоса, хотя знал, что в Спарте его ожидает суд строгих эфоров...

Царя Клеомена судили за отступление с поля сражения — страшнейший позор для Спарты! Пришлось оправдываться:

— Перед тем, как увидеть открытыми ворота Аргоса, мы вынуждены были убить почти всех аргосских воинов. В городе остались женщины, дети и старики. Разве Спарте нужна победа над мёртвым городом? Я увёл войско ради того, чтобы не покрыть свой полководческий талант бесславием, а Спарту — несмываемым позором перед всей Грецией и богами Олимпа!

Клеомену напомнили о дельфийском оракуле, прочившем ему победу над Аргосом. Эфоры не могли понять, почему он отступился от реальной победы. Царь нашёл, что ответить:

— Ко мне привели пленника, одного из тех, кто нашёл убежище в священной роще. Я спросил у него, какому богу посвящено святилище, и услышал: Аргосу. И тогда я понял, уважаемые эфоры, что пророчество уже исполнилось, так как Аполлон хотел, чтобы я зашёл всего лишь в священную рощу Аргоса! Поэтому я ушёл из города, не осмелился нарушить предрешения божественного оракула.

Клеомен придумал историю, заявив на суде, что сама богиня

Гера, супруга Зевса, не позволила ему взять город. Гера являлась покровительницей Аргоса, и её святилище было расположено рядом с городом.

Судьи не поверили, тогда он добавил подробностей:

— Я отправился в святилище, чтобы узнать, позволит Гера взять спартамцам город или воспрепятствует этому. Когда я совершил жертвоприношение богине, произошло чудо — из груди статуи божества сверкнуло пламя. Это было знамение, которое я понял так, что брать Аргос не следует.

— Почему ты расценил знамение так, а не иначе?

— Если бы пламя сверкнуло из головы статуи, то, наверное, я взял бы город.

На этот раз доводы царя Клеомена показались эфорам убедительными; его оправдали, расследование прекратили.

В Аргосе прощались с убитыми защитниками и обычными жителями города. В честь победы аргосцев прошли торжества: и «женщины надели мужскую одежду, а мужчины — женскую»... С тех пор у аргосцев появился ежегодный праздник Гибристика, во время которого женщины наклеивали себе бороды, переодевались в мужскую одежду и говорили мужьям, переодетым в женскую: «Вы не защитили нас!». И насмехались жёны над мужьями, и являли в тот день над ними власть...

В знак благодарности Телесилле жители Аргоса установили перед храмом Афродиты стелу с изображением поэтессы. Литератор Павсаний писал: «На рельефе у ног Телесиллы брошены её книги, сама же она смотрит на шлем, который держит в руке, собираясь надеть себе на голову».

Греческий историк Геродот добавил немного «своей правды» в историю о поэтессе Телесилле. По его утверждению, дельфийский оракул задолго до тех трагических и, безусловно, героических событий прорицал на запрос жителей Аргоса: «Время наступит, когда в битве над мужем одержит женщина верх, и с позором его прогнать ей удастся. Славу великую даст она всем аргивянам, но в горе много аргивянок будет тогда свои щёки царапать...»

ГИПСИКРАТИЯ

Последняя женщина Митридата

Речь пойдёт о **Гипсикратии** — пожалуй, единственной в истории Древней Греции женщине, которая, судя по высказываниям античных авторов, «искусно владела копьём, топором и мечом». Хотя у греков подобные, явно не женские, качества не были редкостью, особенно в Спарте. Но не всякой «амазонке» удавалось стать царским телохранителем, сопровождавшим правителя в военных походах, да к тому же самой любимой женой, матерью его детей.

Для могущественной римской империи Понтийское царство⁸¹ Митридата VI Евпатора («Благородный») представляло большую угрозу на юго-восточном побережье Чёрного моря. Один из римских историков о нём так отзывался: «Его невозможно ни обойти молчанием, ни говорить о нём без внимания, поскольку он — славный доблестью, а подчас и воинским счастьем, всегда вели-

⁸¹ Греко-персидское эллинистическое государство в Малой Азии в 302 до н. э. — 62 н. э., на южном берегу Эвксинского понта (Чёрного моря).

кий духом, изощрённый в замыслах предводитель, а в ненависти к римлянам — Ганнибал».

Митридат был известен мудростью в управлении государством, коварством в политике, амбициозностью в достижении целей, изощрённой жестокостью к явным врагам и безжалостным в расправе над подозреваемым в измене или покушении на власть. По подозрению в заговоре против него он заключил родную мать в темницу, откуда она не выходила до самой смерти, наступившей, как говорили, «от голода». По той же причине не пожалел брата.

А когда надумал жениться, в супруги взял родную сестру, пятнадцатилетнюю Лаодику. Она родила четверо сыновей и двух дочерей. Однажды Лаодика увлеклась молодым любовником, забеременела и тайно родила от него мальчика, после чего задумала отравить Митридата, чтобы самой царствовать.

Заговор раскрылся — приготовленное ею блюдо оказалось отравленным. Евпатор проклял покойную мать за то, что она к тому же вырастила коварную дочь! Лаодика призналась в измене супругу и в государственном заговоре, назвав имена сообщников. Всех казнили. Евпатор не тронул только новорождённого сына Лаодики, но поклялся, что впредь не провозгласит царицей ни одну из своих жён.

После Лаодики царь не повторил печальный опыт — не женился на другой сестре, хотя были предложения. В захваченном понтийской армией Милете Митридат увидел красавицу Мониму из древнего греко-македонского аристократического рода. Царь пожелал забрать девушку в гарем, на что её отец ответил решительным отказом. В результате торга Монима получила статус жены царя, а её отец — полторы тысячи золотых монет и должность наместника в Эфесе.⁸² Митридат находился в браке с Монимой почти пятнадцать лет; у них родилась дочь, но по каким-то причинам он потерял к ней интерес.

В эти же годы Митридат взял в жёны гречанку Беренику, принцессу с острова Хиос, затем Стратонику. По сведениям Плутарха, «со Стратоникой он познакомился на пиру; ослеплённый красотой, приблизил её к своему сердцу. Несмотря на низкое происхождение отца, доверил тайну царской сокровищницы, спрятан-

⁸² Столица небольшого карийского государства, заселённого греками-ионийцами из Афин.

ной в крепости где-то в горах». Стратоника родила сына Ксифара.

Кельтская⁸³ принцесса Адобогiona стала очередной женой Митридата, если не сказать наложницей. Она родила сына и дочь.

Ему удалось прожить почти семьдесят лет, из которых он царствовал пятьдесят шесть, проявив незаурядные качества государственного деятеля, политика и полководца. Главную цель правления Митридат видел в том, чтобы сделать Чёрное море «внутренним морем своих интересов». Для этого воевал на Кавказе, присматривался к колониям греков на Боспоре Киммерийском,⁸⁴ чем вызвал обоснованное неприятие к себе со стороны Рима, имеющего собственные жизненно важные интересы в этом регионе.

Но отношение к нему со стороны Рима его не беспокоили, поскольку он имел армию, численностью более четверти миллиона воинов. В придачу мощный флот из трёхсот трирем,⁸⁵ также — военные гарнизоны в подвластных городах обширного собственного царства.

Крепкое здоровье позволяло ему ездить верхом по тысяче стадий в день, лишь меняя изрядно уставших коней. Царь ловко бросал копья и «правил колесницей, запряжённой шестнадцатью лошадьми, чего не делал ни один человек ни до него, ни после него...» По словам современников, он, «покорив двадцать два народа, говорил на их языках... Был красноречив, писал труды по медицине и естественной истории, давал деньги на изучение географии царства, любил эллинскую культуру, музыку, знал и выполнял эллинские религиозные обряды».

С какой стороны ни посмотри, идеальный правитель! Правда, льстецы сообщали, что «будучи столь благоразумным и выносливым, он имел только одну слабость — в наслаждениях с женщинами...»

⁸³ Кельты — близкие по языку и материальной культуре племена индоевропейского происхождения, в древности, на рубеже эр, населявшие обширную территорию в Западной Европе.

⁸⁴ Керченский пролив, разделяющий степи Крыма и Тамани. Древние греки помещали здесь границу между Европой и Азией.

⁸⁵ Боевой корабль с тремя рядами весёл.

У Митридата были «незаконнорождённые» дети от любимых наложниц — восемь сыновей и пять дочерей. Всем уделял должное внимание. Пристраивал, выгодно для себя, по политическим мотивам: кого — женив, кого — выдав замуж в союзы с царством государства.

Как свидетельствуют античные авторы, «боги назначили Митридату шестую жену в Фанагории⁸⁶», куда он вернулся после неудачного похода против враждебных племён синдов⁸⁷ и меотов.⁸⁸ Царь пребывал в угнетённом состоянии, когда ему сообщили, что воины захватили в плен молодую сарматку,⁸⁹ которую зовут **Гипсикратия**. Она заявила, что является одной из внучек царицы Амаги.

Митридат насторожился — на Боспоре ходила легенда о воинственной амазонке Амаге, жене царя сарматов Медосака, которая с отрядом в сто двадцать всадников, женщин и мужчин, за сутки совершила переход в тысячу стадий, а под утро внезапно напала на тысячное войско скифов, осадивших Херсонес,⁹⁰ дружественный сарматам город. Скифы были разгромлены, царь убит. Пока была жива Амага, между греками-колонистами и кочевниками преобладали мирные, в основном торговые, отношения.

С тех пор прошло более полувека. Могущество царства сарматов ослабло, а Скифия, воспользовавшись этим, набрала силу и вернулась к прежним разбойным занятиям — разоряла греческие колонии, забирая домашний скот и урожай с полей, захватывая

86 Древнегреческая колония на берегу Керченского пролива, на Таманском полуострове, к северо-востоку от Гермонассы.

87 Синды — одно из многочисленных племён Северного Причерноморья, обитавшее в I тыс. до н. э. — первых веках н. э. на Таманском полуострове и прилегающем к нему побережье Чёрного моря.

88 Меоты — древний народ индоарийской группы, который обитал на берегах Азовского моря в так называемых Меотийских болотах в I тысячелетии до нашей эры.

89 Сарматы — древний народ, состоявший из кочевых ираноязычных племён, с IV века до н. э. по первые века н. э. населявших степную полосу Евразии от Дуная до Аральского моря.

90 Единственный полис, основанный древними греками на Гераклеюском полуострове на юго-западном побережье Крыма (территория современного Севастополя).

пленников, чтобы продавать в рабство. Теперь все неприятности, исходившие как от сарматов, так и от скифов, приходилось разгребать, не жалея ни сил, ни средств, ни времени, новому хозяину Боспора — Митридату VI Евпатору.

...Царь поинтересовался, каким образом девушка попала в плен. Оказывается, во время движения понтийского войска вблизи Танаиса передовой отряд неожиданно столкнулся с группой неизвестных степняков. Они издали забросали отряд понтийцев стрелами, «погикали» и... обратили коней назад — возможно, пытались заманить воинов в ловушку. Командир направил всадников в погоню, чтобы прояснить ситуацию, и когда понтийцы устремились следом за степняками, засады нигде не заметили. К тому же было видно, как они направили коней к протоке, чтобы переплыть и за ней исчезнуть. Понтийцы решили преследовать беглецов, но за дальним курганом потеряли их из виду.

Оказывается, девушка находилась среди степных воинов, её конь споткнулся, и она рухнула наземь. Преследователей не было видно, но по звукам погони можно было догадаться, что они скоро будут здесь. Девушка вырвала из зарослей камыша сухой стебель, обломала концы и сделала трубку для дыхания. Без промедления вошла она в прохладную реку и, дыша через трубку, с головой погрузилась в воду.

Понтийцы заметили хромавшего коня без всадника, подумали, что тому удалось перебраться на другой берег. На беду девушки, камышинка оказалась надломленной, в рот попадала вода, вызывавшая кашель и удушье. Не в силах больше сдерживаться, беглянка вынырнула...

Митридат потребовал, чтобы пленницу доставили во дворец. На талии её был золотой пояс в виде двух перевитых телами змей — знак принадлежности к царскому роду. Беглый мужской взгляд оценил медового оттенка кожу и золотистого цвета волосы, разметавшиеся по округлым плечам. А чуть раскосые глаза его просто очаровали, они притягивали к себе магической красотой, неумолимо опьяняли. В них пряталась тайна и обещание всех чудес, на которые способно воображение.

Но глаза пленницы сверкали гневом, а мягкий говор, когда она отвечала царю, в любой момент был готов перейти на клёкот рассерженной орлицы.

Для Митридата и Гипсикратии встреча оказалась судь-

боносной. Современники утверждали, что их любовь была страстной, длилась долго. Гипсикратия тосковала по родным местам и близким, но, следуя законам степных предков, преданно любила мужа. В войнах всегда сопровождала царя, участвовала в сражениях рядом с ним, оберегая своим оружием от вражеских мечей и стрел. Как пишет Плутарх, «для подобного образа жизни одевалась в мужскую персидскую одежду и ехала верхом, не чувствуя утомления от долгого пути и не уставала ухаживать за царём и его конём». Видимо, по этой причине Митридат в шутку называл её мужским именем — Гипсикрат, имея в виду не внешний вид, а выносливость, храбрость и мужество в военных испытаниях. Она же все годы совместного брака делила с ним радость побед и горечь поражений.

Иногда в Гипсикратии пробуждались гены сарматских предков, и тогда она вспоминала о прежней вольнице — сбегала от Митридата, за что получила прозвище Неукротимая. Её возвращали, и разгневанный царь хватался за плеть, желая проучить жену. Но каждый раз у него опускались руки. Он не доводил дело до наказания. Прощал, чтобы потом обнять свою любовь, требуя только дать обещание больше не ранить его сердце.

От большой взаимной любви Гипсикратия родила трёх дочерей, которых отец нежно любил, как их мать.

Со временем понтийский царь настолько укрепил своё влияние на Северном Причерноморье, что нелицемерно считал местное население своими подданными. Назначал наместников для управления городами и областями, следил за политической и общественной жизнью, отлично понимая, что от настроений и действий в том регионе зависят его собственные успехи, поскольку понтийская армия получала оттуда немалое пополнение наёмниками, продовольствие и оснащение для боевых кораблей. Уверенный в успехе предстоящих военных экспедиций, Митридат задумал беспрецедентную по размаху кампанию — собрать полумиллионную армию, через Скифию дойти до Фракии, покорить всю территорию, затем Македонию и соседнюю горную область. Для

того, чтобы перебравшись через Альпы вторгнуться в Италию и захватить Рим!

Оставалось заключить союзнический договор с недружественными племенами скифов. Митридат всё предусмотрел — предложил наиболее могущественным скифским вождям взять в жёны его собственных дочерей!

Безусловно, римляне следили за непредсказуемыми действиями понтийского царя и через своих шпионов и предателей Митридата знали о его замыслах. Даже если знали не всё, то догадывались, поэтому не стали ждать...

Намереваясь вызвать недовольство населения греческих городов на Боспоре Киммерийском, нанести Митридату удар изнутри, римские стратеги начали блокаду побережья, перекрыв пролив боевыми кораблями. Доставка и вывоз товаров прекратились, население страдало от недостатка привычных вещей, торговцы несли убытки.

Поначалу Митридат не проникся серьёзностью ситуации в Северном Причерноморье, так как у него появились проблемы на юге. Римские когорты⁹¹ успешно наступали в Азии, понтийская армия несла потери, а Митридат пытался решить военные проблемы увеличением поборов и налогов с населения подчинённых ему территорий. Боспорские города греков первыми проявили неповиновение, но Митридат, направив туда войско во главе с Махару, сыном от Лаодики, быстро «навёл порядок». Однако римляне, умело проведя с Махаром тайные переговоры, склонили его к измене, после чего почти бескровно захватили ряд городов с удобными гаванями, лишив флот Митридата корабельных стоянок.

С приходом Помпея, великолепного римского военачальника, к руководству войсками в Азии, положение понтийской армии резко усугубилось. Митридат потерял на юге Чёрного моря почти все принадлежавшие ему города и ранее завоёванные иноземные провинции. Неминуемо приближался окончательный крах Понтийского царства. С остатками армии Митридат направился к Боспорскому царству, выбрав сложнейший — без малого в четыре тысячи стадий вдоль узкого побережья Колхиды — путь на север.

91 Когорта — одно из главных тактических подразделений римской армии, с конца II века до нашей эры составлявшее основу когортной тактики

Среди спутников находилась «неутомимая равно душой и телом» Гипсикратия. Как отметил Аппиан⁹²: «Такая верность в тяжких и затруднительных обстоятельствах была Митридату величайшей отрадой и сладчайшим утешением: ведь он считал, что взял с собой в скитания свой дом, коль скоро жена тоже отправилась в изгнание».

Узнав о появлении отца на Боспоре, Махар прислал к нему своего человека с запиской: просил считать его поступок не изменой, а необходимостью — «чтобы использовать римлян в своих интересах». Однако отец не счёл нужным вести переговоры с низким человеком и затребовал Махара — «чтобы явился и понёс наказание». В ожидании убийц отца сын сбежал на корабле в соседний Херсонес, но там, как говорили очевидцы, сам лишил себя жизни...

Перехватив инициативу на юге, Помпей сосредоточился на Боспоре Киммерийском, многократно усилив морскую блокаду: римляне топили не только военные корабли Митридата, но и торговые, с грузами и командами. Митридат, осознавая обстановку, решился на переговоры, послал к Помпею зятя Тиграна с предложением прекратить блокаду и обещанием впредь выплачивать Риму дань. Помпей не принял Тиграна, требуя, чтобы Митридат сам явился на переговоры. Ответ понтийского царя не замедлил ждать: «Пока я Митридат, такого позора никогда не случится».

После неудач в переговорах Митридат стал спешно готовиться к новым сражениям на суше и на море. Царская казна ещё позволяла набирать войско, но наёмников оказалось недостаточно, пришлось соблазнять свободой рабов, отважившихся воевать против римлян. Митридат закупал оружие и военные машины, «не щадя ни лесу, ни быков для изготовления тетив из жил». Чтобы пополнить казну, обложил население новыми налогами...

«...От больших забот царь заболел нарывами на лице — обслуживался тремя евнухами, которые только и могли его видеть в таком состоянии». Впрочем, не только они — Гипсикратия тоже ни на минуту не оставляла мужа без своего заботливого внимания, всё время старалась облегчить его участь.

Озлобленные тяготами морской блокады и жестокостями налоговых сборщиков Митридата первыми восстали жители Фанатории. Затем их поддержали в Херсонесе, Феодосии, Нимфее и

⁹² *Греческий историк из Александрии, Египет (Римская империя).*

других городах Боспорского царства. Противодействие со стороны Митридата осложнялось тем, что к мятежникам попали его дети, ставшие заложниками: сыновья Артаксеркс, Артаферн, Дарий, Ксеркс, Оксатр и одна из дочерей, Эвпатра.

И тут Митридат предпринял неожиданный ход — для «умиротворения» восставших греческих городов привлёк скифов. Организовал посольство с богатыми дарами и отправил обоз с тремя собственными дочерьми, предлагая их в жёны могущественным скифским вождям. Для пущей торжественности выделил сопровождение из пятисот воинов и сотни гаремных евнухов. Едва караван с посольством отдалился от царской резиденции, воины убили евнухов, разграбили обоз, а дочерей Митридата вместе с послами доставили Помпею — в качестве выкупа за свою свободу.

Невозможно описать гнев и разочарование Митридата, когда он узнал о случившемся. Но дальнейшие события продолжали испытывать его на прочность. Фарнак, сын Лаодики, которого царь из всех своих детей ценил больше всех и прочил в преемники, решился на сговор с Помпеем. Исходил он прежде всего из соображений собственной безопасности и своего будущего.

О намерениях сына отец вовремя узнал от соглядатая и перехватил посланца Фарнака. В результате изменник был разоблачён, а все соучастники, его советники и друзья, подвергнуты пыткам и казнены. Оставалось решить, как поступить с Фарнаком, и в этом поспособствовал Менофан, советник Митридата: «Не следует тебе, царь, собираясь в поход на Рим, казнить ещё так недавно столь ценимого тобой сына; подобные в нём перемены — результат войны, с прекращением которой и всё остальное придёт в порядок».

Отец простил Фарнака и даже сохранил за ним права наследника. Но сын по-своему расценил поступок отца: боясь проявления гнева, ночью сбежал, укрывшись в одной из палаток военного лагеря, расположенного рядом с царским дворцом. Сыну-наследнику нужно было объяснить своё внезапное появление среди царских воинов, и он, испугавшись собственного дурного поступка, наговорил об отце столько небылиц, что не поверить ему было невозможно! Командиры призвали воинов в отрядах не подчиняться больше Митридату, не признавать своим царём, что было поспешно исполнено. Воодушевлённый неожиданным

успехом, Фарнак немедленно разослал гонцов по всем царским лагерям, затем мятеж перекинулся на флот.

Митридат даже в самом дурном сне не мог предположить, что любимчик Фарнак способен на такое. Хотя в жизни всё бывает — возможно, злую шутку сыграл случай...

Так или иначе, царь проснулся раньше обычного от суматошных криков и звона оружия. Звуки доносились из лагеря за стенами дворца. Митридат послал слугу узнать, в чём причина, и когда тот сказал ему — впервые в жизни испугался, за себя и близких. Он не придумал ничего мудрее, кроме как послать для переговоров с сыном помощника, который должен был запросить безопасный выход из города для всех, кого назовёт царь.

Помощник не возвратился, и Митридат переосмыслил своё положение... Он проиграл, возможно, дни его сочтены...

Царь принял решение — укрыться в акрополе,⁹³ самой защищённой части города, под охраной гарнизона.

Высокие стены акрополя позволяли Митридату наблюдать за всем, что творилось в городе и дальше, в расположении военного лагеря. С окаменелым от гнева лицом отец наблюдал, как войско провозглашает Фарнака понтийским царём, а кто-то из военачальников возлагает на его голову золотую диадему. Митридат отвернулся и увидел командира гарнизона, старого воина, смотревшего на него преданными глазами. Он подумал, что, наверное, нужно что-то ему сказать:

— Я прощаюсь с тобой... Прошу: иди к своим воинам, передай им мою благодарность за верную службу. Скажи, чтобы шли к новому царю, давать клятву служить отечеству...

Комок в горле не дал Митридату закончить. Он замолчал и вошёл в здание. За ним проследовали телохранитель Битойт, бывший раб из пленных галлов, и дочери — Митридатис и Ниса. В последнее время они жили при отце, «сосватанные одна за египетского царя, другая за царя Кипра». Когда царь прошёл в соседнее помещение, они остались ждать.

⁹³ Находящаяся на возвышении цитадель, политический и религиозный центр города с самыми главными храмами полиса.

Митридат думал о Гипсикратии. Два дня назад она с детьми находилась в летнем дворце в горах за городом. Царь с утра сразу послал туда слугу, предупредить жену, но известий до сих пор не было... Одно было ясно — в акрополе их нет. Возможно, они и спасутся...

Но... пора было наконец подумать о своём... Взгляд Митридата остановился на мече, одиноко висевшем на стене у квадратного оконца. Верное оружие не раз выручало царя в сражениях. Он взял меч в руки и сразу почувствовал тяжесть и странный холод металла, хотя снаружи светило солнце. Замедленным движением пальцев правой руки Митридат отвернул наверх рукоятки меча... Открылся тайник — небольшое углубление, в котором была щепотка порошка невзрачного серого цвета.

Дальнейшее происходило как во сне: царь взял со столика золотую чашу, налил в неё из кувшина красного, словно кровь, вина, высыпал порошок и медленным движением пальца размешал. После этого вернулся к дочерям. Они всё поняли и в ожидании неизбежности опустили глаза...

Отец протянул кубок сначала Митридатис, затем Нисе: каждая сделала по небольшому глотку... Затем он бесстрастно наблюдал, как дочери сразу сникли и тихо опустились у его ног. Митридат непроизвольно судорожно вздохнул и... допил остаток...

Уронив чашу на пол, царь прислушался к тому, что творилось у него внутри, и... ничего не почувствовал — яд не оказал воздействия! К Митридату вдруг вернулся страх — было отчего! Он хотел уйти тихо и безболезненно. А судьба дарит ему жизнь? Для чего она нужна? Нет, ему необходимо умереть, иначе — позор! Вспомнив, что движение тела усиливает смертельное действие яда, Митридат нервно заходил, едва ли не забегал, по комнате...

Время шло. Царь не умирал и проклинал в этом только себя — ведь он с юности приучал свой организм к неприятию любых ядов!

Митридат в отчаянии схватил меч за рукоятку обеими руками, прижал острие к груди и резко навалился на него всем телом... Однако то ли слабость, возникшая в непростой психологический момент, то ли частичное воздействие яда, то ли какая-то другая причина не позволили Митридату лишиться себя жизни. Вместо этого на груди открылась кровотокающая рана...

Митридат подумал, что так он скоро не умрёт, и крикнул:

— Ко мне, Битойт!

Всё это время галл наблюдал за царём, не пытаясь ни помочь, ни помешать. Он подошёл ближе и спросил:

— Что мне сделать, повелитель?

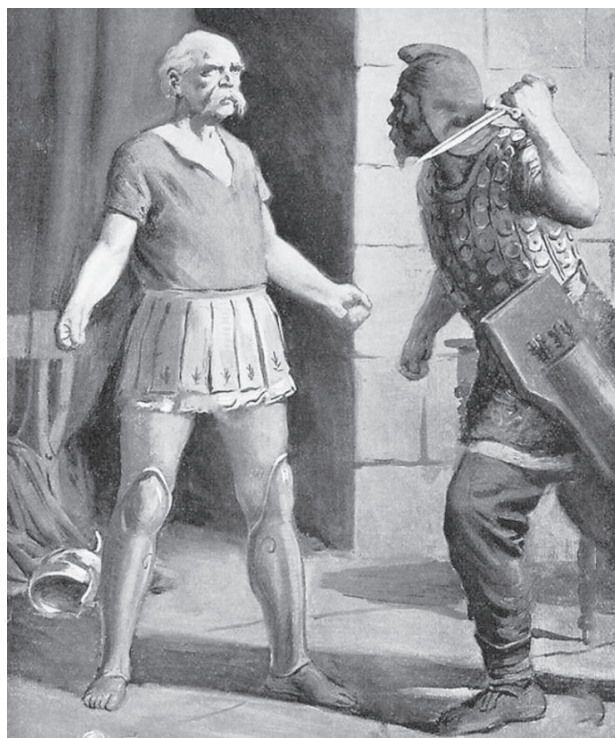
Митридат растерянно показал на рану.

— Я не смог. Но ты убьёшь меня.

— Царь, я твой раб! — горячо возразил Битойт. — Я обязан защищать господина! Нет, я не смогу!

— Твоя сильная рука не раз спасала меня на войне. Сейчас мне угрожает не меньшая опасность. Враги надругаются над твоим живым господином. Поэтому твой царь, твой господин, твой боевой товарищ приказывает: убей меня!

Слова Митридата прозвучали настолько уверенно, что верный галл уже не сомневался. Но внутри почувствовал вдруг жалость к Митридату...

ГЛАВА 5. СЛУЖАНКИ ЭРОТА

Гесиод утверждал, что **Эрос**, или Эрот, — сын хромого бога-кузнеца Гефеста и богини Афродиты. Но существует миф, из которого следует, что Афродита родила Эроса от собственного отца — Зевса. Зевс велел дочери умертвить младенца, а мать спрятала его в горах, поручив заботам лесных нимф и диких зверей. Вот почему Эрот, повзрослев, часто демонстрировал слишком дерзкое поведение.

Для греков Эрос был главной первобытной силой, способствовавшей упорядочению Мира из Хаоса. Он означал Любовь как непредсказуемое эмоциональное проявление, мотив к сближению родственных душ ради продолжения жизни на Земле. А лукавый мальчишка с кудрявыми волосиками и золотыми крылышками за спиной появился позднее, став излюбленным персонажем античных поэм.

Главным атрибутом Эроса был серебряный лук с набором невидимых стрел. Он любил проказничать, часто развлекался тем, что метко и неприметно для «избранника» поражал его в сердце. При этом для своих забав он выбирал не только людей, но и всемогущих богов. Золотые стрелы использовал, когда хотел разжечь в груди «жертвы» любовный жар, оловянные предназначались для особых случаев — когда чьё-то сердце наглухо запиралось.

В начале античной истории понятие «Эрос» воспринималось как желание обладать — женщиной, мужчиной, вещью, пищей. Затем к этому смыслу добавились «влюблённость» и «влечение». В более позднее время греки представляли Эроса как могущественную божественную силу, способную понудить людей увлечься до безумия, влюбиться и потерять от этого голову.

В отличие от поэтов, восторженно воспринимавших Эроса с его дерзкими шалостями, обычные греки понимали, что неуправляемое половое влечение опасно для общества, государства, стремящегося к упорядоченности устоев. По этой причине в Древней Греции Эроса не было среди обитателей Олимпа. Ему был посвящён всего один храм, в котором паломники поклонялись каменному фаллосу.

В римской мифологии Эрос с лёгкой руки поэтов преобразился в юнца Амура, олицетворявшего чувственную любовь, и ещё в крылатого Купидона, означавшего плотскую страсть.

ПЕНОРОЖДЁННАЯ КИПРИДА

Из двенадцати главных олимпийских богов древние греки выделяли Афродиту и её особенное предназначение. Поклонение богине красоты и любви началось на Кипре, где она почиталась как богиня-мать и ассоциировалась с размножением и плодородием в мире растений, животных и людей. Гораздо позже греки «разглядели» в Афродите идеал красоты и наслаждения, ставший общепринятым до перевоплощения богини в римскую Венеру.

Никого не смущали мифы о том, как Афродита изменяла супругу Гефесту с богом войны Аресом, а также с Гермесом, Посейдоном и Дионисом. Среди её любовников были даже смертные — к примеру, сын дарданского царя Анхиз. По этой причине в Афинах и Коринфе уличные «жрицы любви» отмечали ежегодные Афродисии, жертвовали богине дары и деньги на храм, полученные в этот день от клиентов.

Откуда вдруг взялась Афродита, греки интересовались до тех пор, пока не пояснил Гесиод в поэме «Теогония, или Происхождение богов»: «родилась из морской пены, взбитой при падении в море фаллоса Кроноса, оскопленного Ураном». Отсюда имя

Афродита — от греческого «афрос» — «пена». Океанский ветер прибил пену к берегу Кипра, рядом с городом Амафунт, где она переродилась в божественную суть и вышла из морского прибоя, став Анадиоменой — «Пеннорождённой». С тех пор на Кипре существует предание о рождении Афродиты...

Неподалёку находился город Амафунт. Всё произошло на глазах у изумлённых девушек, беззаботно резвившихся в море. Прекрасную незнакомку встретили насторожённо, а богиня сразу принялась за дело, для которого была создана, — стала предлагать служить культу любовных наслаждений, обещала раскрыть тайны соблазнения мужчин. Непорочные девушки стыдливо отказывались, но Афродита настаивала, угрожала наказанием за отказ. Юные амафунтянки в смятении заспешили домой, но богиня разгневалась и... превратила их в каменные изваяния. Нескольким девушкам удалось добежать до города, где они поведали, что с ними случилось на берегу.

Потрясённые произошедшим жители, желая убедиться, где правда, а где вымысел, прибежали к указанному месту и — действительно! — увидели молодую женщину необыкновенной красоты с золотыми кудрями. Рядом с ней были две служанки — божественные Ора и Харита, — помогавшие ей одеваться. У ног женщины собрались птицы и звери, и «каждый шаг дарил земле веселье и радость, а вокруг всё расцветало». Лицо женщины сияло нежностью и мягкостью чувств, но при появлении жителей Амафунта оно вспыхнуло гневом.

Амафунтяне догадались, что перед ними живое воплощение богини, хотя увидеть подобное простым смертным раньше не удавалось. Со страху они кинулись наземь, умоляли, не держать на них обиду. Афродита, заметив смирение, потребовала отобрать в городе из самых красивых девушек десять девственниц, назначив их жрицами её культа, и сказала, что в обязанности их будет входить служение богине любви — душой и телом!

Такой отбор «жриц любви» Афродита обязала жителей Амафунта совершать каждый год — только в храме, который они немедленно начнут возводить в честь неё — Афродиты Киприды. Она также предупредила, чтобы её новые жрицы не отказывали «в любви Киприды» — особенно, чужеземным морякам, военным, торговцам, путешественникам. Тогда богиня обещала городу процветание, жителям — богатство.

Людам не позволялось возражать богине. Они согласились на все условия, исполнили, что требовала, но с того дня с ней не встречались.

Как обещала Афродита, покровительница Амафунта, в городскую гавань зачастили корабли. Торговцы и военные, путешественники и моряки знали, что в храмовых кельях всех ждёт гостеприимство Киприды — приятный отдых в обществе искусных в любовном ремесле жриц, «днём и ночью приносящих себя на алтарь ненасытной в любви богини».

Посетители храма в Амафунте могли пользоваться «гостеприимством богини любви» сколько угодно времени — день, два или месяц, — рассчитывая на содержимое собственного кошелька. Но чем больше они оставляли денег в храме, тем больше заслуг перед Афродитой приписывалось жрице, с которой гость общался. А если сокровищница храма наполнялась, жители Амафунта тоже обогащались, поскольку богиня давала не только процветание городу, но ещё и плодородие полям, урожаи садам, плодovitость домашнему скоту. Поразительно, но по этим причинам в Амафунте никогда не случалось трудностей с отбором кандидатов на службу в храм в качестве «жриц любви». Сюда шли девушки даже из знатных семей, принуждать не приходилось!

Со временем культ Афродиты уверенно перекинулся с Кипра на материк, затем появился по всему Средиземноморью, на островах, где преимущественно проживали греки. «Храмовая проституция» перестала быть редкостью, к тому же вблизи портовых гаваней появились профессиональные «служительницы продажной любви». Для них Киприда из богини трепетного поклонения превратилась в Пандемос («Всенародная»).

Но от прежнего культа сохранился древний обряд, при котором созывался городской совет, и на нём из большого числа кандидатов выбиралась девушка или молодая замужняя женщина, по своим внешним данным «достойная провести ночь с богом». Богом в этом случае был иеромонах, главный жрец храма, объявлявший народу, что «почувствовал себя наполненным божеством». Для избранницы это была большая удача, подарок судь-

бы — другие женщины завидовали, а мужчины мечтали потом жениться на «живой богине».

Постепенно обряд обрастал участниками, желающими попасть в круг «посвящённых», пока не превратился в подобие секты, куда втягивали всё больше и больше поклонников и поклонниц. Появились определённого рода общины с одновременным проживанием в одном месте свободнорождённых гражданок и рабынь, исповедующих культ Афродиты. На самом деле, они продавали «любовные услуги» каждому мужчине, который платил. Если раньше «жрицы любви» заботились о пополнении сокровищницы храма, то теперь у них, как правило, имелись хозяева, отбиравшие часть их выручки.

Нередко покровителями развратного ремесла являлись правители городов. Так, фиванский царь Кадм построил на свои деньги величественный храм Афродиты, объяснив этот жест благодарностью собственной супруге Гармонии — «за проявленные в постели наслаждения». Существовал также обычай посвящения Афродите молодых девственниц, особенно когда у правителей не складывалась интимная жизнь или, наоборот, когда их жёны благодарили богиню за привязанность к ним мужей.

Чтобы получить благосклонность Афродиты, достаточно было подарить храму девушек, обычно рабынь — «для любовных утех». А Ксенофонт из Коринфа, выпрашивая у богини победу на Олимпийских играх, обещал подарить храму пятьдесят молодых женщин. Пиндар, написавший хвалебную песню в честь победителя, подтвердил, что Ксенофонт исполнил обязательство.

В Абидосе⁹⁴ случилось событие, благодаря которому «жрицы любви» снискали глубокое уважение сограждан. На город напали разбойники, занялись грабежами, после чего закрылись в крепости, чтобы отдохнуть и продолжить бесчинства. Несколько молодых женщин постучались в ворота и предложили разбойникам и убийцам свою любовь, бесплатно. Потом ещё напоили до бесчувствия. Одна из женщин выкрала у предводителя ключи от ворот и вывела подруг из крепости. Они созвали жителей на площадь, стыдили их за трусость, призывали к оружию. Граждане собрались в отряд, пошли к крепости, где и застали врагов врасплох. Никого не оставили в живых!

После этого довольные удачным исходом жители Абидоса

94 *Великий город великого бога Осириса.*

собрали частные пожертвования, на которые возвели огромный храм Афродиты Куртизанки. Мужчинам и замужним гречанкам вход туда воспрещался, но девушкам и молодым женщинам богиня была рада: их встречали и наставляли жрицы, опытные в служении Афродите.

Подобные святилища возводились по всей Греции, но в каждом храме имелось своё изображение богини. В Аргосе, например, женщины вскладчину заказали бронзовую статую Афродиты «с раздвигающимися ногами». Она так и называлась — Афродита Перибасия. Во время празднества главный жрец трогал скрытые рычаги, которые «принуждали» статую принимать развратные позы.

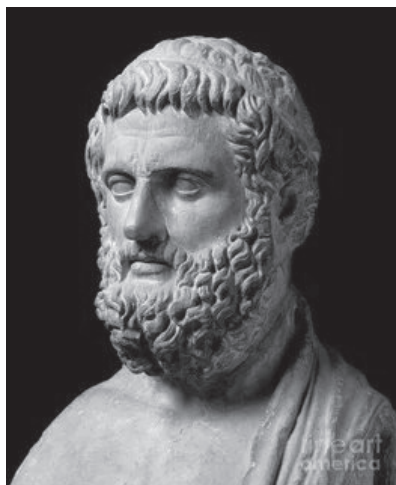
ОБОБЩЕСТВЛЕНИЕ ЛЮБВИ

У афинского реформатора Солона имелось своё представление о положении женщин в обществе. В начале правления он отменил древний обычай, правда, тягостный для афинян, когда родителям невесты приходилось отдавать её мужу большое приданое. «Брак не должен быть каким-либо доходным предприятием или куплей-продажей, — говорил Солон. — Сожительство супругов должно иметь целью рождение детей, приносить радость и любовь...» И предупреждал мужей: «С жёнами живите в строгости нравов. Жёны нужны для рождения потомства, а для развлечения у мужей есть *гетеры*, подруги Афродиты...»

Мудрый Солон обратил внимание на неорганизованную деятельность афинских «жриц любви», куртизанок, нередко связанную с преступлениями, обещал навести порядок. Он не осуждал куртизанок, наоборот, заявлял, что «их услуги ограждают девушек и молодых женщин от посягательств развратников». Однако задумал реформу в деятельности «продажных уличных женщин», по сути, «национализировал» их труд, сделав его легальным, но

только под контролем представителей власти: «иначе каждый клиент способен обидеть куртизанку, не заплатить, покалечить или даже убить. Казне нет никакой пользы от существования в городе тысяч таких женщин, когда жрецы и настоятели храмов обогащаются».

Солон издал закон о создании и регистрации «городских домов свиданий», *диктерионов*, — по месту массового проживания граждан, где женщины, «желающие заработать честным трудом, пусть занимаются без опасений, но обязательно платят правильные налоги». За короткое время казна Афин настолько пополнилась доходами от диктерионов, что Солон разрешил построить храм Афродиты Пандемос, для куртизанок, которого до этого у них не было. «Браво, Солон! — говорили афиняне. — Ты купил публичных женщин на благо городу, на благо нравственности города. Ведь здесь полно энергичных юношей, которые, не будь твоего мудрого установления, принялись бы изо всех сил досаждать порядочным женщинам».

Постепенно посещение публичных домов для мужского населения Греции «вошло в норму». Любой гражданин, будь он оратор, политик, государственный служащий или военачальник, теперь не скрываясь мог посещать «общественно полезных женщин». Замужние женщины не занимались ремеслом куртизанок, но запретить своим мужьям посещение диктерионов не имели возможности. Мужья не сомневались в верности жён, но, на всякий случай, приставляли присматривать за ними доверенных служанок и рабынь. Чтобы семейное имущество переходило к

законным наследникам мужа, ему необходимо было быть уверенным в отцовстве.

По законам человеческой природы у куртизанок время от времени появлялись нежеланные дети. Таковых было немало, и все, согласно афинскому законодательству, признавались незаконнорождёнными. Их не регистрировали как граждан Афин, они не имели прав на наследство отца или матери и прочих льгот свободнорождённого афинянина. Дети таких женщин играли отдельно от сверстников из семей граждан, учились отдельно и не имели права занимать государственные должности. Сын куртизанки, достигший совершеннолетия, не имел возможности выступить с речью перед людьми, как это делали граждане. По этой причине такие женщины после родов нередко подбрасывали младенцев к дверям общественных зданий — «на попечение государства»

«Оборотной стороной» легального существования диктерионов и «свободной любви» стало не только тотальное разращение общества, но и расшатывание ранее крепких устоев государства. Молодые мужчины не спешили жениться, рассматривая семью как вынужденную необходимость. Оставляя с утра дом, муж выходил на улицу, встречался с друзьями, с которыми до вечера погружался в досуг, заполняя время развлечениями и удовольствиями.

Древние законы обязывали каждого мужчину исполнить гражданский долг — ради продолжения собственного рода и существования государства непременно жениться и родить детей! О каких-либо чувствах в супружеской жизни, за редким исключением, речь не шла. О любви говорили лирические поэты, да и то подразумевая лишь плотскую основу, страсть и чувственное вожделение.

В Афинах, как в большинстве греческих городов, «продажная любовь» превратилась в хорошо отлаженный «промысел». Существовали различные его уровни, в самом низу находились общедоступные женщины — помаи, заполнявшие портовые улицы и таверны. В диктерионах, прежде чем заплатить «за услуги», гости могли лицезреть обнажённых «сотрудниц» — гимнаи, а если им

не было оказано ожидаемое уважение, — пожаловаться в муниципалитет города. В таких случаях заведению грозили штрафы в казну, либо изъятие регистрации.

Если средства позволяли, посетители могли заключить сделку с содержательницей заведения и забрать избранницу на несколько суток или даже на месяц. Разрешалось нанимать одну диктериониду для «занятий любовью» в домашней обстановке сразу с несколькими мужчинами или отдельно, распределив между ними «время пользования». Как видим, законы Солона чётко регламентировали права мужчин и обязанности женщин подобного статуса.

Выше диктерионид оценивались флейтистки — молодые женщины, игравшие на флейтах, любимых музыкальных инструментах греков. Их ещё называли авлетридами. По приглашению богачей они появлялись на пирушках, где услаждали слух нетрезвых мужчин. Помимо исполнения музыки они охотно исполняли любые прихоти гостей, по особым ценникам. Но верхушку сословия «служанок Афродиты» составляли *гетеры*, иначе «подруги». Гетера могла стать рабыня или свободнорождённая женщина, но чтобы обрести популярность у мужчин, она должна была многому научиться: читать стихи модных поэтов, красиво петь и соблазнительно танцевать, играть на нескольких музыкальных инструментах.

Ни один мужчина не мог навязать себя «свободной» женщине, требовать внимания и, тем более, любовных утех. Обычно такая женщина имела свой дом, который содержала богато и со вкусом. Поэтому у неё было право выбора гостя, избранника, которого она приглашала к себе, когда была настроена на это. Гостей развлекала она сама, сообразно собственному уровню воспитания и образования. Для хозяйки дома недостаточно было хорошо разбираться в поэзии. Чтобы мужчины не скучали, она поддерживала разговор на любую тему. С этой же целью приглашались известные поэты. Некоторые с легкостью поддерживали разговор и дружили с философами. А знание иностранных языков позволяло общаться с богатыми иноземными гостями.

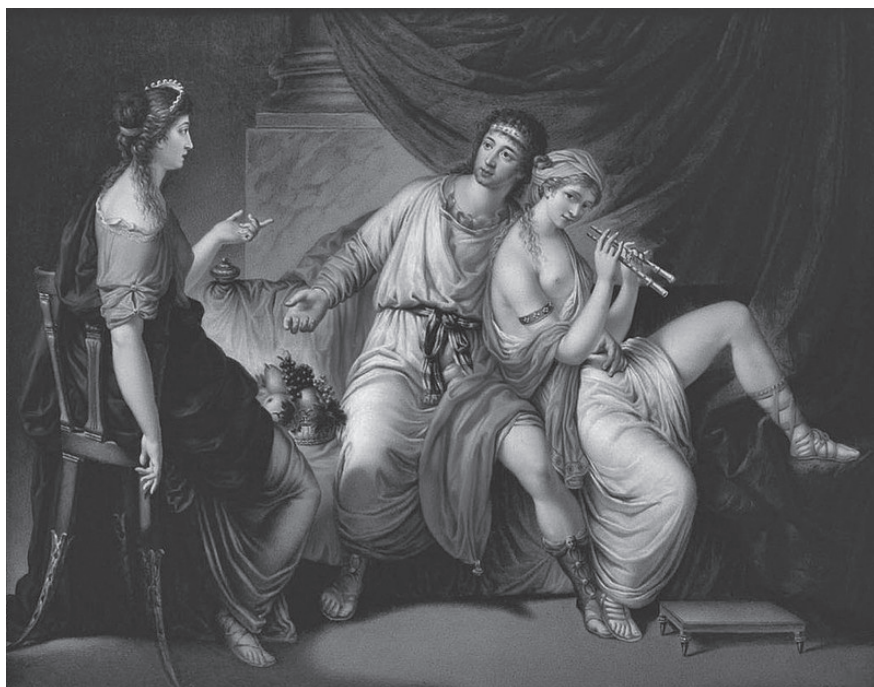
Не в правилах «жриц любви» было сидеть затворницами в собственных жилищах и с тоской ждать состоятельных гостей. Они вели свободный образ жизни и регулярно появлялись на улицах в необычных нарядах ярких расцветок, привлекая к себе внимание юношей и женатых мужчин, а среди гуляющей толпы почтенных женщин, выделялись независимым видом и особой привлекательностью.

По законам профессии, «гуляющие женщины» выглядели солнечными блондинками, поэтому природным брюнеткам приходилось осветлять волосы прокисшим молоком ослицы.

Многие женщины, с юных лет занимавшиеся нелёгким ремеслом куртизанки, думая о старости, пытались откладывать средства «от каждого рабочего дня». За счёт богатых клиентов и подарков постоянных любовников некоторым удавалось хорошо зарабатывать. Единицам удавалось открывать «образовательные школы для авлетрид», где они, опираясь на собственный опыт, учили девушек искусству обольщения мужчин, внушению чувственных наслаждений и прочим «любовным приёмам».

НЕНАСЫТНАЯ ЛАМИЯ

Античные авторы делятся воспоминаниями о необыкновенной привязанности македонского царя Деметрия I Полиоркета («Покоритель городов») к афинской авлетриде, флейтистке Ламии. Она досталась ему в качестве трофея после победы его войск и флота на Кипре над армией царя Египта Птолемея в 306 году до н. э.

Птолемей познакомился с **Ламией** в Афинах, был очарован её искусством и уговорил сопровождать его на Кипр. В юности Ламия славилась виртуозной игрой на флейте, как и большинство девушек, занимавшихся доходным «искусством соблазнения», а впоследствии стяжала громкую славу.

Когда Ламия попала в гарем к Деметрию, ей исполнилось сорок лет — красота вошла в пору увядания. Но поскольку новый повелитель оказался молодым и малоопытным в общении с авлетридами, она умело использовала свой, возможно, последний

шанс. Применила все имеющиеся у неё женские чары и обаяние, оплела его эротическими путами настолько крепко, что из обычной наложницы вскоре превратилась в первую возлюбленную. Ветреный юноша влюбился в Ламию без памяти и, чтобы быть постоянно вместе с ней, неожиданно забросил государственные дела. На вопрос почему, горько шутил:

— Я не в силах оторваться от нежностей моей возлюбленной Ламии.

К огромному разочарованию остальных наложниц царя, многие из которых были юными и привлекательными, он забыл об их существовании. Но Ламия не забывала о своём возрасте, поэтому всегда выглядела свежей, восхитительной. Злые языки утверждали, что Ламия использовала привороты и зелья, чтобы удерживать молодого царя рядом с собой. А она знала толк в духах, бальзамах и мастиках, в любое время суток благоухала, как цветочная клумба в свежую пору. При этом не только чудесно выводила на флейте нежные мелодии, но и в беседах с Деметрием отличалась необыкновенным умом.

В любовных же ласках не знала удержу: была изобретательна, по-девичьи наивна и непосредственна. Подолгу оставаясь с Ламией, Деметрий терял мужество, как ночной мотылёк, одурманенный феромонами, летящий к огню на погибель!

Приближённые, следившие за общением царя с Ламией, невольно вспоминали миф о девушке, тоже с именем Ламия, которая могла превращаться в коварную змею и обратно в красивую девушку. В образе красавицы она соблазняла неразумных юношей, одаривала их ласками, а после убивала и пожирала их плоть.

Однажды на дружеской пирушке кто-то из военачальников похвастался своими зажившими рубцами на теле, оставшимися после схватки с диким зверем, ему со смехом заметили: «Наш царь тоже носит на шее следы от укусов дикого и страшного зверя — Ламии».

В придворном окружении шептались: «Царя любят все сто наложниц, а он любит одну Ламию...» Такая необыкновенно чувственная и безграничная привязанность молодого царя к чаровнице «в возрасте» для многих казалась удивительной и непонятной. Тем более что некоторые свои поступки Деметрий сам объяснить не мог...

Деметрию пришлось отправиться на войну с македонянами, но инициативу взяла на себя Ламия: она попросила, чтобы царь помог афинянам изгнать македонский гарнизон из её родного города. Деметрий справился с поручением возлюбленной и после бегства македонских воинов из Афин велел жителям устроить весёлый праздник и пиршество, за свой счёт. На пиру приказал говорить тосты «в честь возвращения Ламии на родину».

Ламия не замедлила появиться в Афинах, где устроила «ответный пир» — уже в честь Деметрия, заставив афинян расплачиваться. Средства собирали на придуманный ею «освободительный налог». В завершение царь обязал возвести в городе святилище «Афродиты Ламии», произведя таким образом любовницу в ранг божества. После этого случая афиняне называли Ламию «Погибительницей городов», обыграв прозвище её любовника — «Покоритель городов».

Самое большое унижение жители Афин испытали, когда Деметрий, планируя покинуть город, приказал безотлагательно собрать двести пятьдесят талантов* серебром, объяснив, что это «на неотложные меры». Деньги собирались тщательно, с каждого дома и семьи, взыскивались со строгостью и угрозами, после чего царь, удовлетворившись суммой, распорядился:

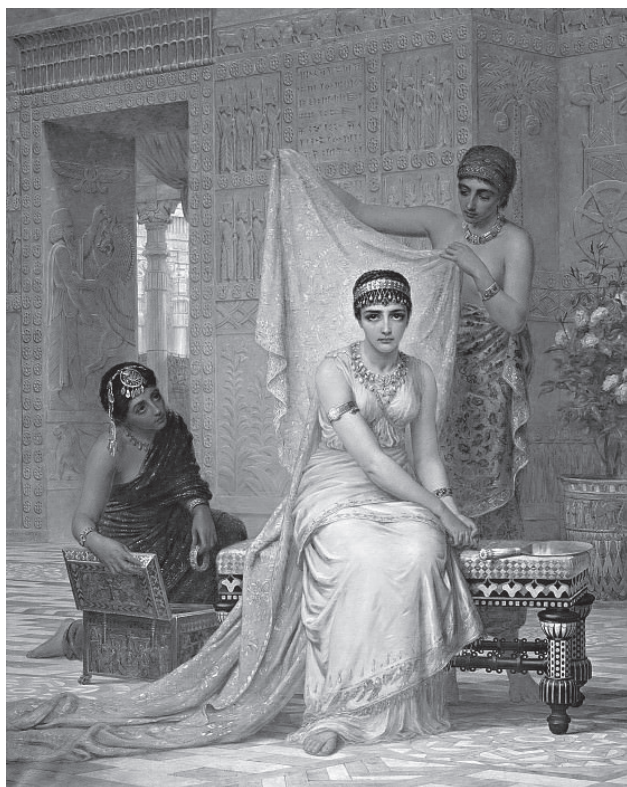
— Передайте Ламии от меня подарок! Ей должно хватить на косметику, всякие духи, мыло, румяна и притирания!

Судя по репликам историков, ему было недосуг воевать в то время, когда остальные диадохи, преемники Александра Великого, делили меж собой разорванную на куски империю. Он царствовал шесть лет, проиграв сражения соперникам, бывшим боевым товарищам Лисимаху и Пирру. В конечном итоге попал в плен царю Сирии Селевку и в возрасте пятьдесят четырёх лет умер в темнице.

АРХИДИКА

Свидание во сне

Геродот поведал забавный случай, произошедший с гетерой **Архидикой**. В V веке до н. э. царь Египта Амасис повелел возвести в Дельте Нила портовый город Навкратис с удобной гаванью для торговых кораблей. Как завершилось строительство, товары со всего Средиземноморья стали приходить сюда, давая возможность городу развиваться, а населению — богатеть и радоваться жизни.

Из-за регулярно прибывающих переселенцев Навкратис постепенно превращался в греческий полис с преобладающим мужским населением. В поисках заработков в город потянулись и

куртизанки из Греции в надежде, что греки как большие ценители женской красоты и ума будут благодарными.

Прибытие в город известной, афинской гетеры Архидики не осталось без внимания любителей проводить досуг с умной и красивой женщиной. Не было мужчины, который бы не мечтал провести время с пылкой гречанкой. Но ее услуги были настолько разорительны, что не все состоятельные клиенты могли рассчитывать на её благосклонность.

Прошло немного времени, и молва о новой знаменитости разнеслась по Египту. Богачи приезжали в Навкратис, чтобы хотя бы издали увидеть Архидику. Она же умело играла чувствами мужчин, беззастенчиво опустошая содержимое кошельков очарованных поклонников.

В Навкратисе проживал молодой человек, влюбившийся в афинскую гетеру с первого взгляда. Несколько раз он пытался познакомиться ближе, послушать, как читает стихи, играет на флейте. Архидика, для которой влюблённость юношей не была редкостью, не обращала на него внимания. Во-первых, он был слишком молод, чтобы тратить на него чары... И не настолько богат, чтобы позволить себе делать дорогие подарки. Но ей было занимательно наблюдать, как ведёт себя юноша, поэтому далеко от себя она его не отпускала и даже жалела. Ей нравилось доводить мужчин до нервного срыва, после чего смеяться и... приглашать счастливец в гости.

Юноша был слишком настойчив и досаждал вниманием, так что Архидика запретила страдальцу даже находиться в толпе поклонников. Распалённого в чувствах юношу это не остановило. Однажды он упал на колени и обещал уйти из ее жизни навсегда, но за одно романтическое свидание! Архидика рассмеялась и ответила: «Нет!»

Осознав до конца недоступность Архидики, юноша явился в храм Афродиты, где горячо умолял «богиню развратниц» сделать так, чтобы гетера отозвалась на зов охваченного любовным пламенем сердца... Судя по всему, Афродита услышала молодого человека, поскольку желанная Архидика явилась к нему

на ложе... во сне. И во сне она погрузила его в мир пылающих страстей...

С этого дня юноша действительно словно забыл об Архидике, но однажды неосторожно поделился воспоминаниями «свидания во сне» с другом, предполагая, что это позабавит. Друг действительно посмеялся, но потом рассказал эту историю своему товарищу ... и через несколько дней над неудачливым любовником смеялось почти всё мужское население Навкратиса.

Архидика тоже смеялась, но, подумав, отослала к юноше служанку с запиской, где была указана солидная сумма — «за ночь с Архидикой».

Юноша возмутился, отказался оплачивать счёт и с проклятиями прогнал служанку, крикнув вслед:

— Никакой заслуги твоей хозяйки в моём сне не было! Передай, что она не в своем уме!

Дерзкий отказ вывел Архидику из душевного равновесия. Она подала на молодого человека жалобу в суд с требованием взыскать с «любовника» назначенную сумму. Да ещё прибавила судебные издержки на адвоката.

Узнав о необычном деле, председательствовать в суде вызвался сам царь Амасис. Ему тоже было интересно, чем может завершиться это странное «свидание во сне». Он выслушал Архидику, которая была очень убедительна:

— Клиенты, с которыми я имею дело, платят за все мои услуги. С каждой суммы своего дохода я плачу в царскую казну налоги. Этот юноша не отказывается, что имел со мной свидание, но почему-то отказывается платить. Если так, казна недополучит свою долю налога.

— Но ведь она явилась во сне! — вскричал с возмущением обвиняемый. — Я не обязан платить за удовольствие, испытанное во сне!

Царь, судьи и присяжные с трудом сдерживали улыбки. Они не знали, как реагировать на заявления истицы и обвиняемого. Закон требовал, чтобы каждое судебное дело завершалось в пользу той или иной стороны тяжбы.

Наконец царь постановил:

— Поскольку клиент получил удовлетворение от этой женщины во сне, пусть он и рассчитается с ней во сне!

ГЛАВА 6. ТРИ ГРАЦИИ

В мифологии грациями назывались божественные существа, представляющие добродетели и красоту. Они олицетворяли радость и веселье, изящество и привлекательность. Художники и ваятели изображали богинь танцующими с золотыми шарами, символами совершенства: **Аглая** — «Благодать и Ликование», **Эфросина** — «Благомыслящая» и **Талия** — «Цветущая». Вместе они символизировали «Единение, Красоту, Чистоту, Благочестие». Жизнь граций проходила беззаботно, в играх с музами и нимфами.

Гомер писал, что «в изящности и прелести грации дарили вдохновение смертным и прислуживали Афродите». А Пиндар утверждал, что «все три грации были созданы, чтобы заполнить мир приятными моментами и доброй волей».

Помимо небесных божественных существ на земле Греции жили свои не менее привлекательные грации. Вот одна из них...

ЛАИДА

Мерзая львица

У античных авторов находим увлекательную историю о **Лаиде**, которую в Афинах признавали одной из самых умных и красивых гетер. Откуда она была родом, сказать сложно. По сведениям разных писателей это могли быть и Афины, и Коринф, и даже Сицилия. Понятно, что по прошествии двух с половиной тысяч лет с родословной Лаиды трудно разобраться. И всё-таки давайте попробуем, а для этого, как ни странно, обратимся к... историческим анекдотам.

Жанр анекдота, означающий короткую забавную историю, небылицу, в художественной литературе присутствует со времён Античности. В повседневной жизни древних греков устные рассказы, или *анекдота* (от греч. «неопубликованный»), были невероятно популярны, ибо они, часто в комичной форме, позволяли обсуждать те или иные решения и поступки ответственных должностных лиц, политиков, военачальников.

Стоит упомянуть такие анекдоты, как «Семь великих мудрецов», также истории, связанные с поступками Диогена, Аристиппа, Сократа, других философов «со странностями». Некоторые греческие писатели «ради интереса» нередко включали в свои произведения любопытные «свидетельства» из неподтверждённых источников, выдавая их за факты. Вот почему, рассказывая о Лаиде, ни на чём настаивать невозможно...

Лаида, по сведениям Плутарха, родилась на Сицилии, в городе Гиккара. Во время войны между Спартой и Афинами её родители погибли; вместе с оставшимися в живых горожанами семилетняя девочка попала в Афины на рынок рабов. По утверждениям одних авторов, её купил ещё пока малоизвестный художник Апеллес, угадав в ребёнке будущую натурщицу. Он следил за её развитием и, непременно, образованием, поскольку образованные рабы стоили в десятки раз дороже неграмотных. И не прогадал!

Девочка выросла и превратилась в красавицу, которую художник с удовольствием запечатлевал на полотнах; понемногу продавал перекупщикам, зарабатывая обоим на жизнь. Но однажды, выполняя хороший заказ, Апеллес изобразил натурщицу

обнажённой Афродитой — свободным ремесленникам от кисти и красок такое позволялось!

Покупатели были в восторге, заплатили втридорога от первоначальной суммы, после чего Апеллес получил известность как модный художник. Появились новые заказы с изображением прекрасной музы художника — Лаиды Сицилийской. Апеллес был благодарен девушке за неожиданный успех и достаток, что дало повод подарить рабыне свободу и наделить на первое время достаточными средствами.

Лаида не задумывалась, чем ей заняться дальше: с первой оказией отправилась с торговым караваном в знаменитую «школу любви» при храме Афродиты в Коринфе. Тысяча храмовых жриц усердно служили своему божеству и ублажали мужчин, а отдельные ученицы возвращались в родные города и своими стараниями продолжали прославлять имя любвеобильной богини.

Через два года Лаида вернулась в Афины, где ей пришлось потрудиться обычной куртизанкой, «без связей и поддержки». Затем она обзавелась постоянными поклонниками, собрала достаточно средств, чтобы купить собственный дом в престижном квартале. Тогда и появилась у Лаиды возможность отбирать гостей по достатку, назначая свидания по собственному желанию и настроению.

Изящная фигура Лаиды с обольстительными формами вскружила голову не одному афинянину. В Афинах восторженно говорили о чаровнице из Коринфа, о свиданиях с которой мечтали мужчины всех возрастов. По Греции ходили легенды о счастливцах, которым удавалось оказаться в нежных объятиях гетеры. Шло время, а неподражаемая грациозность Лаиды оставалась неизменной, отчего живописцы и ваятели становились в очередь, умоляя её зайти в мастерскую, чтобы позволить себя изобразить на картине или в скульптуре. Если Лаида соглашалась, миру неизменно являлось живое воплощение богини любви.

Богачи осаждали дом Лаиды в надежде хотя бы поговорить с ней, услышать нежный голос, читающий любовные стихи Сапфо*. Лаида не всегда брала плату только за обладание собой, чаще — ещё и «за учёную беседу». Все платили назначенную цену и были рады одному ласковому слову Лаиды, взгляду. Причём она не церемонилась с чужестранцами и если соглашалась на любовное свидание, требовала не меньше десяти тысяч драхм.⁹⁵

95 Древнегреческая монета, как правило, из серебра (а также единица из-

Поэтому слишком настойчивые поклонники нередко разорялись, не задерживались в её окружении, уступая место другим «счастливицам». А заработанные деньги Лаиды бездумно тратила на роскошные одежды и драгоценности, дорогие повозки с породистыми конями, образованных рабов и слуг. Отчего каждое появление знаменитой прелестницы на людях превращалось в значительное событие для гуляющих горожан.

При всей общительности Лаиды и кажущейся доступности она умела отказывать мужчинам в притязаниях на неё. Так, однажды очень важный государственный деятель и политик Демосфен, долгое время сопротивлявшийся желанию получить «урок любви», без приглашения явился к ней в дом. Голосом, не допускающим отказа, он с порога стал настаивать на свидании, чем показался женщине неприятным. Но, понимая, что грубый отказ влиятельному политику может ей навредить, она согласилась, запросив десять тысяч драхм.

— Что? — возмутился Демосфен. — За одну ночь с тобой я должен отдать такое богатство? Да на эти деньги я куплю десять образованных рабов! Не дам тебе ни оболы⁹⁶, чтобы потом мне же глубоко не раскаиваться за твой стыд и позор, доставшийся мне такой ценой!

Лаида, недолго думая, ответила:

— Я требую с тебя десять тысяч драхм по той же причине, — чтобы потом мне же глубоко не раскаиваться!

Она отказывала любому воздыхателю, который не вызывал у неё ответного чувства. Не торопилась принадлежать мужчине по его желанию, даже сильно влюблённому, как бы щедро он ни оплачивал её содержание. Но иногда, по зову сердца или по капризу делала исключение — одаривала любовью бесплатно того, кто ей понравился.

Среди поклонников Лаиды оказались философы, разные по возрасту, воспитанию и внешности. Молодой Аристипп — красавец, любимец женщин, элегантный и опрятный, и Диоген — неухоженный старик, циник и грубиян. Если в философии Аристипп был учеником и другом Диогена, то в отношениях с Лаидой они воспринимали себя соперниками.

мерения массы).

⁹⁶ Серебряная, а впоследствии золотая или медная монета в Древней Греции, 1/6 драхмы; весовая единица, равная примерно 0,73 грамма.

Друзья Аристиппа удивлялись, почему он, влюблённый в Лаиду, терпит рядом присутствие Диогена. Не действует так, чтобы отлучить его от возлюбленной. Аристипп безразлично отвечал:

— У меня нет нужды беспокоиться насчёт соперника! На свидании только я обладаю Лаидой, а не она мной. Остальное мне безразлично!

— Ты веришь в чувства продажной женщины? Наверное, это ты ей безразличен.

— Возможно, но что мне из этого? Ведь я знаю, что вино или рыба меня не любят, но у меня есть все основания ими пользоваться с большим вкусом и даже удовольствием.

Ему советовали взять Лаиду на длительное содержание, тем самым избавиться не только от Диогена, но и от других любовников. Аристипп с огорчением отказывался:

— Я не настолько богат, чтобы приобрести для одного себя столь драгоценный предмет.

— Но ты всё равно разоряешься, улажая её прихоти!

— Согласен, я трачу много денег на Лаиду, но каждый раз испытываю огромное счастье, обладая ею.

— Но то же самое делают другие любовники Лаиды! Разве для тебя это не повод для ревности?

— О нет! Когда со мной рядом нет Лаиды, я не хочу требовать от неё, чтобы другие лишались такого же счастья!

И вдруг, неожиданно для друзей, Аристипп объявил им, что хочет не просто взять Лаиду на содержание, а жениться. Хотя такой брак — афинского гражданина и бывшей рабыни, вольноотпущенницы — никому из них не предвещал ничего хорошего. Диоген попытался вразумить своего ученика:

— Друг мой, тебе не говорили, что брак с гетерой будет выглядеть неприличным? Тебе не кажется странным твоё намерение? Прошу, семь раз подумай, прежде чем пойти на такое.

Аристипп попытался перевести свою проблему в философский спор:

— А не всё ли равно тебе — занять дом, в котором жили многие до тебя, или же тот, в котором ещё никто не жил?

— Лично для меня это не имеет никакого значения, — спокойно ответил Диоген.

— И не всё ли равно тебе — плыть на корабле по морю, где

плавали до тебя многие, или направить корабль туда, где ещё никто до тебя не плавал?

— Всё равно.

— Вот и ответ, уважаемый учитель, — заявил довольный собой Аристипп. — В отношениях с Лаидой главное для меня — не в том, чтобы подчиняться чувствам, а в том, чтобы властвовать над ними, не воздерживаясь от наслаждений. Мне всё равно — жить с женщиной, до меня познавшей много мужчин, или с той, которую никто не трогал!

Диоген упорствовал и удивлялся:

— Но ты тратишь на неё столько денег, а она за медный обол ублажает меня, бедного киника⁹⁷.

— Я не могу запретить любимой женщине делать то, что она сама желает...

В беседе Аристипп вроде бы сумел отстоять свою точку зрения, но после этого разговора о браке с Лаидой больше не вспоминал. Диоген воспринял это как свою победу.

Диоген и Аристипп продолжали соперничать между собой за внимание Лаиды, и нередко обычный разговор переходил в философский спор:

— Аристипп, ты говорил мне, что общение с Лаидой идёт на пользу твоим чувствам. Подтверждаешь ли ты это?

— Не отказываюсь.

— И ты не отказываешься от факта, что ты делишь со мной восхитительные прелести Лаиды?

— Не отказываюсь.

— В таком случае будь последовательным — разделяй со мной не только чувства от обладания Лаидой, но ещё и мою философию. Стань киником! Надень плащ киника, как я, возьми в руки посох, как у меня, и ходи в народе — ищи свою Истину! — с вызовом завершил Диоген.

— Не считаю это необходимым! Поскольку женщина и философия — вещи несовместимые, пусть всё остаётся на своих местах, — с улыбкой парировал Аристипп.

⁹⁷ Киник — философ, последователь учения кинизма, отрицающего богатство и удовольствия.

Несравненная и восхитительная во всех отношениях Лаида была уверена, что ни один мужчина не в состоянии устоять перед её женским обаянием. Однажды в весёлой компании, где она, как всегда, верховодила, кто-то заговорил о Ксенократе, известном философе-стоике,⁹⁸ которого в Афинах знали как человека сдержанного по отношению к женщинам. Лаида заявила под общий хохот:

— Вы же слышали, что у меня большой опыт общения с философами. Я готова на спор соблазнить любого несокрушимого философа!

Не всем присутствовавшим понравилась её затея:

— У тебя ничего не получится! Ксенократ надёжно защищён от женщин философией, словно непробиваемой шкурой гиппопотама. Настоящий философ проявляет безразличие ко всему происходящему, потому что в этом смысле он бесчувственный.

— Лаида, на такую твердыню никаких твоих способностей не хватит, — поддержали другие. — Впрочем, стоит ли затевать бесстыдный спор?

Лаида не смутилась:

— С моей стороны бесстыдно будет, если заранее знать, что это принесёт неприятность Ксенократу, и всё равно делать! Я же собираюсь сделать очень приятное. А что ему будет приятно, я не сомневаюсь, а мне будет приятно, если я выиграю у вас этот спор.

В итоге компания согласилась выплатить Лаиде крупную сумму, если она выиграет спор...

Вечером в дверь дома философа Ксенократа постучали. Слуга доложил хозяину, что молодая женщина просит разрешения войти. Хозяину ничего не оставалось, как разрешить.

Лаида стремительно вошла в комнату и, сделав испуганное

⁹⁸ Стоик — последователь философии стоицизма; человек с твёрдым характером, стойко переносящий жизненные невзгоды.

лицо, сообщила, что она шла со слугой по улице, когда на них напали грабители. Слугу убили, а она убежала. Теперь боится ночью возвращаться домой. Просила у хозяина дома разрешения пробыть у него до утра и переждать опасность.

Ксенократ слушал сбивчивый рассказ незнакомки с подозрением, но согласился. Поскольку в доме философа гостевых комнат не было, предложил для сна свою жёсткую кровать. Сам перебрался ночевать на лавку в прихожей, бросив на доски тощую соломенную подстилку.

Слуга погасил в доме лампы и ушёл в дальнюю кладовую, спать до утра. Ксенократ лёг в прихожей и в абсолютной тишине и покое вскоре задремал.

Его разбудил лёгкий шорох. Открыв глаза, он разглядел в полутьме обнажённое женское тело; оно, казалось, излучало бледное сияние... Словно видение... И тут он понял, что видит свою гостью, которая неизвестно с какой целью оказалась рядом с его постелью.

Ксенократ не произнёс ни слова, соображая, как поступить дальше. Тем временем женщина приблизилась, медленно наклонилась и неожиданно прильнула к нему всем трепетным телом. Слегка касаясь тёплыми мягкими губами, она покрывала короткими поцелуями грудь и плечи мужчины. И эти поцелуи, как пламенные стрелы Эроса, пронзали его насквозь... В какой-то миг Ксенократу показалось, что в его сердце воспламенился гигантский костёр... Это состояние оказалось для него ужаснее, чем пытка!

Не шелохнувшись, он продолжал лежать на спине, вытянувшись всем телом, как тетива лука. Ему самому было неизвестно, жив он или отбыл к богам...

А Лаида, используя накопленный годами опыт обольщения, с неистовой страстью пыталась вызвать у мужчины то состояние, ради которого она появилась здесь. Однако сила духа не позволяла Ксенократу уступить настойчивому желанию женщины. Философ обладал стоической волей, оказавшейся сильнее колдовских чар коварной обольстительницы.

Лаида, глотая слёзы, скоро сама в этом убедилась. В бесильной ярости она повторяла и повторяла усилия разбередить чувства мужчины. Но всё было бесполезно! Наконец, обессиленная от собственной несостоятельности, вдвойне униженная этим осознанием, женщина обмякла и отступилась...

Наскоро набросив одежды, прикрыв руками пылающее от стыда лицо, она бросилась вон из дома и словно растворилась в темноте ночи... Ксенократ хотел остановить гостью, но не успел и теперь тревожился за её жизнь. Он не знал, что всё это время неподалёку хозяйку ожидали крепкого телосложения слуги, вооружённые дубинами.

На следующий день Лаида пригласила к себе в дом друзей, свидетелей спора, чтобы открыться в поражении. Гости явились повеселиться, но были обескуражены словами и поведением хозяйки:

— Я спорила с вами, что смогу лишить Ксенократа его философского совершенства. Я хотела лишить мужчину его силы. Но я впервые в жизни встретила не мужчину, а холодную безжизненную статую!

Она расплакалась, чего никто от неё не ожидал.

Гости загрустили и вскоре разошлись по домам. Но с тех пор Лаиду словно подменили: по отношению к мужчинам она не вела себя с прежним высокомерием. Видимо, история с обольщением Ксенократа послужила ей серьёзным уроком. Она перестала позировать скульпторам и художникам, доставив всем, в том числе покупателям их произведений, немалое огорчение. Настало время, когда Лаида отказала в гостеприимстве Диогену и Аристиппу, охладев сразу к обоим философам. На вопрос «Почему?» раздражённо ответила:

— Надоела мне ваша философия!

С той поры у Диогена и Аристиппа появилось больше времени на философские беседы.

Лаида скопила достаточно имущества, денежных средств и драгоценностей, чтобы не думать о трудных днях в старости. При этом в чрезмерной скупости замечена не была, с деньгами расставалась без сожаления: отзывалась на просьбы о денежной помощи, жертвовала большие суммы на храмы и строительство общественных зданий. Любила заказывать дорогим ваятелям скульптуры с собственным изображением, которые дарила поклонникам.

О Лаиде ходили разные слухи — от жутко порочащих до восхваляющих. К слову, если верить им, она до семидесяти лет принимала любовников, но только уже сама им платила. В этом возрасте Лаида влюбилась в некоего юношу Гипполоха и последовала за ним в Фессалию. Говорили, что женщины из его семьи подстерегли гетеру у храма Афродиты и забросали камнями, до смерти.

Бывшие поклонники на собранные средства похоронили Лаиду на берегу реки Пеней, омывающей крутые склоны Олимпа. На месте, где её убили, появилась изумительной красоты гробница с эпитафией:

«Непобедимая Греция героев покорена божественной красотой Лаиды, дочери Любви, воспитанницы Коринфа, которая отдыхает теперь на цветущих полях Фессалии».

Другой не менее величественный памятник установили жители Коринфа, откуда юная жрица любви начала триумфальное шествие по Греции. На памятнике было изображение львицы, терзающей барана...

Кто посещал Коринф, тот неизменно приходил к памяtnому камню, смотрел на него и думал: «Что означает сия символика?»

ТАИС

Когда цари теряют разум

Александр, сын македонского царя Филиппа II, с армией продвигался по землям Персидской державы. Одерживал победу за другой, преследуя главную цель — настичь беглеца Дария, пленить его и самому занять персидский престол. Душу грело сознание, что после каждого стремительного отступления персов, вернее сказать бегства, македонянам и грекам доставалась богатейшая добыча.

Самым же ценным для Александра стал брошенный в Дамаске царский обоз с толпой испуганных высокопоставленных вельмож Дария, огромными ценностями, целым гаремом царских наложниц, евнухами и придворными слугами. При обозе оказались мать Дария, его беременная жена, сестра, две дочери и шестилетний сын. Таков был непредсказуемо щедрый «подарок» молодому македонскому царю от Дария, с чем предстояло ещё разобраться.

Впереди Александра ожидал сказочно богатый Персеполь, «Город персов», с царской резиденцией и великолепными усы-

пальницами бывших правителей персов. По сообщениям шпионов, во дворце находилось огромное хранилище ценностей, накопленных династией Ахеменидов за двести лет владычества. Если Дарий доберётся в Персеполь раньше Александра, он непременно воспользуется средствами из хранилища, чтобы нанять новую армию. Несмотря на поражения последних лет, персидскому царю всё ещё были подчинены Вавилон, Сузы, Экбатаны, ряд областей в Прикаспии, Средней Азии, Афганистане, Индии. С новыми силами он сможет попытаться вернуть отобранные территории.

На пути к Персеполю, куда через перевал вела всего одна «дорога», неширокая щель между высокими скалами, македоняне встретили вооружённые горцы. Они требовали плату за проход по их земле. Македоняне торговаться не стали — перебили всех аборигенов, не испытывая жалости, и пошли дальше. Впереди передовой отряд упёрся в другое препятствие — горное ущелье оказалось завалено горами камней; сами же защитники прятались с обратной стороны.

Местный пастух помог найти обходную «звериную» тропу. Персы, не ожидавшие нападения сзади, были перебиты, после чего Александру донесли: «Путь на Персеполь открыт!» Ещё сказали, что город защищает многочисленный гарнизон, готовый умереть за царя. Но Дария с ними нет.

Когда войско перебралось к стенам Персеполя, македонский царь, как поступал всегда перед сражением, воодушевил воинов:

— Товарищи мои, храбрецы! В сражениях с персами, одерживая победы, вы прошли долгий путь от Македонии до сердца империи трусливого Дария. Перед вами гнездо персидских царей с ядовитыми змеями. Помните, что именно из Персеполя цари направляли армии персов в Македонию и Грецию, грабили наши города, оскверняли эллинские святилища, убивали эллинов, живых превращали в рабов. Персеполь перед вами — войдите туда и владейте им!

Восторженные крики подтвердили, что лучшего подарка воины не могли себе представить. Обычно при взятии вражеского города победители ограничивались грабежами и насилием. А здесь царь предлагал владеть захваченным городом беспредельно...

Едва штурмовые отряды приготовились брать прочные высокие стены города, перебежчик с той стороны сообщил, что гарнизон по какой-то причине незадолго до этого, ночью, вместе с началь-

ником в спешке покинул крепость, оставив Персеполь абсолютно беззащитным. Что удивительно, ни один дом, ни одно здание в городе, ни даже царский дворец персы не подожгли, хотя могли так поступить. Скорее всего царь Дарий отдал такой приказ в надежде на лучшие для него времена.

У городских ворот Александр увидел на земле огромную позолоченную статую Ксеркса, которого персы прозвали Великим за то, что он вторгнулся в Грецию (правда, закончилось это вторжение для него поражением). Но ведь перед этим он одержал победы при Фермопилах и Артемисии, прежде чем захватить и стереть с лица земли Афины...

Александр, раздумав слезать с коня, некоторое время задумчиво рассматривал статую, затем с насмешкой произнёс:

— Ксеркс, что я вижу? Ты валяешься в пыли, будто не великий царь, а собака дохлая, убитая за то, что стала бешеной! Мои боги наказали тебя за осквернение эллинских святынь! И теперь я не знаю, как поступить с тобой — оставить лежать у моих ног или, оценив твою доблесть и душевное благородство, поднять на пьедестал.

Военачальники поддержали шутку и, проезжая мимо, смеялись; некоторые из них плевали на статую. Но поверженное царское величие неожиданно дало Александру повод для размышлений — о превратности судьбы и эфемерности власти.

Дворец Ахеменидов, возведённый зодчим на каменной террасе, поразил воинов Александра величием зданий и сооружений. Его громада будто плыла над остальным городом, утверждая над смертными людьми божественную власть царей. К главному входу во дворец вела крутая лестница из каменных блоков, украшенная по боковым стенам изображениями схватки льва с быком. По углам ограждения дворца возвышались сторожевые башни, на этот момент оставленные без защитников. Всюду была облицовка глазурованными плитками белого и бирюзового цветов.

Первым делом, Александр пожелал со свитой гетайров* обойти царский дворец. На входе их встретил пожилой человек в персидской одежде — накидке *sarapis*, широких штанах и мягких кожаных сапогах на высоких каблуках. Представился главным смотрителем дворца. Униженно кланялся и проговорил по-гречески:

— Царь Искандер будет жить во дворце. Я знаю здесь всё. Я покажу.

Александр со смехом замахал руками:

— О нет! Я подожду, пока отсюда выветрится дух Дария. Но если покажешь, как он здесь жил, не откажусь.

Гигантский по размерам дворец ещё больше поразил Александра внутренним содержанием с восточным колоритом. Резные каменные колонны, интерьеры и убранство обязаны были внушить тому, кто видел это чудо, трепет, робость и восторг. Собственно, так и случилось со свитой Александра — храбрые в бою командиры утратили вдруг торжествующее чувство победителей, робея, словно в обители богов, невольно стихли. Было отчего...

Огромный тронный зал с сотней колонн, поддерживающих высокий потолок из цельных стволов кедрового дерева... В дни торжеств в нём собиралось до десяти тысяч человек. Колонны были деревянные — оштукатуренные и ярко расписанные косым спиральным узором, и каменные — опиравшиеся на постамент с листовым орнаментом. Капители несли на себе балки в виде львиных и бычьих полуфигур. На стенах — каменные рельефы с изображением персонажей придворной жизни. На дверях и многих деталях зала — бронзовые пластины с розетками⁹⁹ и изображениями грифонов. А всё это вместе — вызывающе ослепляющая роскошь!

В огромной спальне Дария Александр увидел на стене изящной работы виноградный куст с ветвями из чистого золота. Смотритель объяснил с придыханием:

— Родословная Дария. Древо Жизни династии Ахеменидов.

А когда казначей македонского царя доложил, что в сокровищнице обнаружили ценностей столько, что для перевозки понадобится десять тысяч мулов, Александр, изрядно уставший от обилия ослепляющего богатства, с изумлением воскликнул:

— Я только сейчас понял, что значит быть царём персов!

Александру необходимо было решить, как поступить с Персеполем, этим центром власти персидских царей, откуда исходи-

⁹⁹ Розетки в архитектуре — декоративные элементы в виде цветка.

ло всё зло. Был соблазн оставить его нетронутым — для себя, устроить здесь столицу нового царства, прирастающего землями персов. С другой стороны, оставив Персеполь как есть Александр сохранил бы символ могущества Персии над Элладой. Нет, нужно наказать город Дария, отдав его на растерзание победителю! Разрушить...

Македоняне и греки, привыкшие к суровой простоте своих храмов и жилых домов, не были способны восхищаться азиатской красотой и безумной роскошью зданий Персеполя. Воины Александра получили от царя позволение врывать в дома жителей, убивать тех, кто защищался от насилия. Из города в расположение лагеря тащили дорогую утварь, разукрашенные пурпуром и золотыми узорами одежды, украшения и прочие ценности. Уводили молодых женщин и, невзирая на знатность и родовитость, превращали их в наложниц и рабынь. Не желая такой участи, некоторые персепольцы поджигали собственные дома, оставались, принимая мученическую смерть, в огне.

Походные палатки македонян и греков вздулись от громоздких мешков с добычей. В обозе тысячами толпились новые рабы. Но царь, как обещал, не останавливал насилие. Были случаи, когда боевые товарищи в споре за ценную вещь или пленницу дрались с остервенением или бились оружием насмерть. Иные, поддавшись злобе, отрубали руки соратников, если те хватались за спорные драгоценные вещи. Через три дня подобных безумств улицы города походили на заброшенный сад, плоды которого валялись на земле трупами, облепленными сонмищами мух и крыс. По канавам текли кровавые потоки...

В какой-то момент, когда обезумевшие от свободы действий победители расправлялись с городом и его жителями, старый советник Александра Парменион сказал ему с осторожностью:

— Хорошо, что ты не отказываешь воинам в возмездии, отнимая у врага богатство как почётную награду. Но я, старший твой товарищ, друг отца, обязан спросить, зачем ты позволяешь разорять своё же имущество? Оно по праву царя-победителя принадлежит тебе, как и весь город вместе с домами и дворцами. Подумай, нужно ли убивать зазря мирных людей, ставших твоими подданными, даже если они персы? Ведь живыми и не покалеченными они могли бы быть твоими рабами, трудиться на благо Македонии... Александр, прекрати разрушения и все остальные

ужасы, и тогда тебя правильно поймут — и свои, и враги!

Парменион посмотрел на царя и заметил в его глазах злость.

— Не лезь не в свои дела, Парменион! — закричал Александр. — Я наказываю персов за унижение Эллады!

Парменион, зная себя и царя, не уступал:

— Если разорение Персеполя продолжится, он исчезнет. В таком случае народы, которые ещё не пришли под твою власть, но думают, быть ли им с тобой, не поверят тебе. Вот и ты думай, какую судьбу ты вручишь этому замечательному дворцу!

Александр немного успокоился. До сознания дошли слова старого друга.

— Парменион, дворец действительно прекрасен. Он достоин чести принимать меня и моих наследников. Хорошо, я подумаю, как поступить. А что касается грабежей и пожаров в городе, ты прав, я не вижу в них для себя славы. Хотя этому есть оправдание — Дарий всё время ускользает от меня, и я вымещаю ярость на всём, что составляло прежде его богатство и могущество. Да, ты прав, и Персеполь страдает. Завтра прикажу вывести войско за город.

Дальнейший путь армии Александра предстоял по горным ущельям с непредсказуемыми водными преградами. Прошло четыре месяца, как Персеполь оказался во власти македонского царя, но оставить город не представлялось возможным — пережидали ненастье. Наконец объявили приказ: «Ещё день и ночь — и выступаем» — чтобы оставить Персеполь, нужно было тоже подготовиться...

В шатре при лагере, где обычно ночевал Александр, появился Птолемей, один из самых близких его гетайров. Он давно заметил, что царь заскучал без настоящего дела, поэтому заговорил с порога:

— Александр, мне кажется, что всем нашим пойдёт на пользу, если завтра вечером устроить дружескую пирушку, прощальную.

Царь оживился:

— А что, предложение принимается! Приглашаю всех командиров. Кто успел обзавестись подружками, пусть приведет — за

столом мест хватит, хорошего вина, думаю, тоже! Не рассказывать же друг другу о подвигах.

Сощурившись в улыбке, царь посмотрел на Птолемея.

— Кстати, у тебя есть подружка?

— Все твои друзья, царь, обзавелись подружками ещё в начале похода. Я тоже не одинок. По пути появлялись другие красотки, мы благодарны им за любовь, которая скрашивала наши будни.

Александр недовольно сморщился.

— Птолемей, о какой любви ты заговорил? Ты называешь любовью безумную женскую похоть? Женскую власть? Она опаснее чудовищ, страшнее бури! От любовных утех надо бежать, как от грубого и бешеного хозяина.

Заметив на лице Птолемея недоумение, Александр примирительным тоном произнёс:

— Ладно, ты прав, пирушка никому не помешает. И давай устроим маскарад. В кладовых горы одежды; пусть каждый надеет на себя что-нибудь персидское. Повеселимся на славу!

В полупустой тронный зал снесли мягкие пиршественные ложа, инкрустированные перламутром столы, выставили драгоценную посуду. На окнах развесили тяжёлые шторы, стены украсили многоцветными коврами, таким же коврами устлали каменные полы.

Не каждому военачальнику пришлось по душе затея царя; однако они поворчали, поворчали, но отправились в кладовые дворца, где с нескрываемым отвращением начали примерять драгоценные одежды персидских вельмож.

Дворецкий Дария с торжественным видом подал Александру праздничный головной убор персидских царей из белого войлока — *кидарис*, обвешенный золотыми пластинами. Македонский царь накинул на себя длинную *канди* с короткими рукавами — рубашку из тонкой белой шерсти с вышивкой и пурпурной бахромой. Подпоясался белым шарфом с кистями. Поверх *канди* царь надел праздничный плащ пурпурного цвета с разрезами на боках, через плечо — перевязь с бахромой из золотых нитей. Но когда дошла очередь до мидийских¹⁰⁰ штанов, Александр грубо отказался, остался верным македонской моде — ушёл с оголёнными ногами и в кожаных крепидах.

¹⁰⁰ Мидия — древнее ираноязычное государство на Ближнем Востоке, а также древняя этногеографическая область на западе современного Ирана.

К назначенному времени у дверей тронного зала выстроилась почётная стража из македонских *аргираспидов* — гвардейцев с серебряными щитами. Военачальники занимали отведённые каждому пиршественные ложи, а кто явился с молодыми женщинами, уступал часть своего места. О профессии женщин можно было догадаться по накидкам из египетского шёлка ярких расцветок. Всего собралось до сотни гостей.

Блюда и напитки готовили повара и кондитеры из дворцовой кухни Дария; застолье обслуживали рабы гостей Александра. Среди них был его *архитриклин* — распорядитель застолья, следивший за подачей еды, вина и десертов. Когда у сотрапезников на столах блюда и кувшины опустошались, архитриклин подавал знак слугам, чтобы быстро убирали и заменяли очередной подачей. Другой распорядитель, *энопт*, «надсмотрщик за вином», следил за состоянием застольников, готовый вовремя подать новый кувшин с уместным вином, и чтобы оно было прохладным и в достатке.

Удобно устроившись на ложе, Александр с наслаждением пил терпкое вино и с расслабленным вниманием оглядывал зал. В радостный гул застолья вплетался шелест водных струй, падающих с верхнего яруса фонтана в центре зала...

Александр оглядел зал и был доволен: его гостями были славные военачальники — верность царю каждого проверялась в тяжелейших боях с врагами Македонии, Греции. Он знал цену любому, кто называл себя гетайром, «другом царя», ни на миг не сомневался в преданности. Вот почему сегодня за столом нет царя и нет подчинённых командиров, а есть сотрапезники.

Послышалась мелодичная музыка — появились флейтистки-авлетриды, родом с Кипра. Шесть юных созданий у себя на родине успели занять опыт не только в игре на флейтах, но и в соблазнении мужчин. Поэтому, по мнению Птолемея, организовывавшего застолье, их участие было оправданным. Первые же звуки разноголосых флейт привлекли внимание участников пира, они прекратили трапезничать, а затем, охваченные общим настроением, стали пробовать петь и хлопать в ладоши.

Такие мгновения всегда были по душе македонскому царю. Он улыбался каждому, с кем встречался взглядом. Ему захотелось сказать командирам нечто приятное:

— Друзья мои! Перед каждым из вас стоит золотая чаша, при-

надлежащая Дарию. Я предлагаю налить чаши доверху и выпить за полную победу над царём персов, нашим врагом. Желаю всем радости и веселья, и пусть сегодня чаши долго не стоят пустыми. А когда пир закончится, вы заберёте с собой эти чаши как мой дар вам, на память о взятии Персеполя.

В ответ послышались восторженные голоса. Засуетились слуги и виночерпии. Когда чаши опустели, Александр снова обратился к военачальникам:

— Передайте мои слова ветеранам, пришедшим с вами в Персеполь от Македонии, что царь всех помнит и любит. Завтра выдайте от меня каждому по тридцать драхм. Раздайте по тридцать драхм сиротам, оставшимся без отца в походе.

Гости с восторженным одобрением отвечали вразнобой:

— Здоровья тебе, Александр!

— Счастья тебе, наш царь!

— Пусть боги Олимпа тебе будут в помощь, царь Александр!

— Мы с тобой, Александр!

Вслед за царём гости опустошили чаши, одним духом, как принято у македонян, — *апневисти*. Звонко заголосили медные трубы — *букцины* и *керасы*, — раздались тосты и здравицы в честь царя.

Александр, разглядывая участников застолья, заметил, что Птолемей явился не один. С ним была, как он обещал, давняя подружка. Сразу не признался, а сегодня с утра назвал её имя — **Таис**, известная афинская гетера. Она познакомилась задолго до Персеполя. Все годы оставалась в Афинах. Здесь появилась месяц назад. По какой причине, Птолемей не узнавал, но она сказала, что соскучилась.

Александр, движимый неосознанным любопытством, время от времени поглядывал на гетеру, и чем чаще отпивал вино из чаши, тем дольше задерживал взгляд. Царь слышал, что в её молодости чуть ли не все мужчины были без ума от её красоты и, особенно, повадок. Она и сейчас выглядела чудесно: горделивая осанка, божественные формы, светлая кожа и роскошные волосы, кокетливо перевязанные шёлковой лентой — чем не красавица!

Таис, возлежавшая рядом с Птолемеем, чутьём, какое бывает только у охотничьих собак, уловила интерес царя к себе. Восхитительно изогнувшись телом, она повернулась к нему и, блеснув жемчужными зубками, призывно улыбнулась. Затем поманила пальцем молоденькую авлетриду, крутившуюся рядом, и усадила на ложе Птолемея. Давая ему понять, что теперь девушка будет его возлюбленной, хотя бы на сегодняшнюю ночь.

Птолемей, перехватив взгляд Александра, сделал вид, что не заметил «подмену».

Таис неспешно направилась к Александру, который явно не ожидал такого шага. Ближние к ложу царя гости отложили застолье и с интересом проследили, что же будет дальше.

Таис приблизилась и с невозмутимым видом возлегла на ложе Александра, заглядывая ему в глаза. Он не высказал удивления, не возразил — даже, когда гетера прижалась к нему всем телом. В этот момент ему показалось, что он безнадежно утонул в глубинах её пронзительно голубых глаз...

До войны с Персией царь по молодости лет не находил удовольствия в чревоугодии и вине, пренебрегал застольями. Но тяготы и лишения в походах, потери близких друзей и успехи в сражениях, особенно сокрушительные победы, приучили предводителя армии следовать неумолимым традициям войны. Поэтому Александр задолго до Персеполя привык к шумным застольям среди друзей, умудряясь и в пьяном состоянии следить за их личной верностью.

Сегодня был повод здорово повеселиться, тем более рядом возлежала, наверное, самая прекрасная из женщин, каких Александр знал до сих пор, и поэтому самая желанная!

Таис прошептала ему что-то ласковое, затем, сохранив на лице лукавую улыбку, заговорила о чувствах, начав издали:

— Царь, ты скучаешь, потому что у тебя скучная компания.

— Почему ты так говоришь, Таис? Мои гости — боевые товарищи!

— Вот и я об этом! Мужчины только и могут, что говорить о войне. Но ты разве забыл, что помимо бога войны Ареса есть ещё посредник в любви Эрот, сын Афродиты.

— То, что ты называешь любовью, именуют разнузданным наслаждением. Оно существует для тех, кто страдает бездельем.

Таис прошептала:

— Любовь — самое важное из всех дел в жизни каждого мужчины. Разве не ради возлюбленных герои совершают подвиги?

Вместо ответа Александр показал виночерпию, чтобы вновь наполнил чашу.

Далеко за полночь все участники пиршества были уже безмерно пьяны. Царь уже пьянел не от избытка выпитого вина, но от присутствия Таис. Она, грациозно, по-кошачьи, изгибаясь, шептала сладким голосом:

— Афины и вся Греция наслышаны о твоих подвигах, Александр. Женщины любят героев, все гречанки влюблены в тебя. Я тоже женщина.

Он обнял её за талию и так же шепотом спросил:

— Чего хочет Таис?

— О, женщина хочет любить героя.

— Тогда скажи, милая, какой подвиг я должен совершить?

— Всего только выполнить одну просьбу. Обещай!

— Разве Таис не знает, что я всё могу? Слово царя!

В глазах женщины вспыхнули загадочные искорки. Она схватила Александра за руку и потянула с ложа. Гости заметили это и, не понимая, что должно произойти, забыли про еду, стали издали наблюдать. Александру показалось странным её поведение, он слегка упёрся, а Таис заговорила со всей страстностью:

— Персы сожгли мои родные Афины, разрушили акрополь, святилище богов Греции и Македонии. Я хочу одного для персов — справедливой мести!

Лицо царя стало серьёзным.

— Чего ты ждёшь от меня?

— Хочу во дворце Дария, в самом сердце Персии, возжечь костёр священной мести!

Александр не понял смысл сказанного Таис. Ему показалась, что она впала в горячее состояние, бредит. Устроить «костёр мести» во дворце, сплошь исполненном из кедровых брёвен? Но Таис повторяла просьбу вновь и вновь, как заклинание, после чего царь заколебался в окончательном решении...

Прелестница оставалась настойчивой недолго, потому что царь

вдруг поддержал её дикую идею. Он резко вскочил с ложа и начал с возбуждением срывать с себя персидские одежды; головной убор швырнул на пол. Выхватил из стойки на стене горящий факел, взялся за деревянную ручку и обернулся к сотрапезникам. Увидев их, застывших в недоумении, весело воскликнул:

— Друзья! Устроим Дарию погребальный костёр!

Перегруженные хмельными напитками гости с ликующими возгласами повскакивали с мест, поснимали с себя маскарадные наряды и как были, полуголые, похватили из напольных канделябров факелы и гомонящей толпой устремились за царём.

Александр едва поспевал за Таис, которая бежала вдоль стен зала и дико визжала от радости, выкрикивая:

— Мечь! Мечь! Мечь!

Наблюдавшие за ней участники пира пока ещё не осознавали, что всё это означает. Смотрели то на царя, то на Таис — ожидали продолжения необычного развлечения и в возбуждении повторяли за Таис:

— Мечь! Мечь! Мечь!

Она остановилась перед ярким разноцветным покрывалом из плотной шерсти, скрывавшим проём во внутренний дворик. В некотором замешательстве она рассматривала отделку золотыми нитями и бахромой. Затем оглянулась на царя, наверное, ожидая реакции на дальнейшие действия. Александр без промедления, молча, вложил ей в руки свой факел. Таис уверенно поднесла огонь к кромке роскошной ткани, словно делала это каждый день, и потом заворожённо следила, как пламя сначала робко «пробует» ткань «на вкус», затем, спохватившись, жадно поглощает её по частям, пока не съедает без остатка.

В этот момент Александр не видел никого, кроме Таис, хотя позади нерешительно топтались сотрапезники. Царь смотрел на её лицо, поражаясь пугающей решительности. Когда же от покрывала на полу остались только обгоревшие куски, Таис обернулась к Александру. Но вместо того, чтобы, удовлетворившись необычным с её стороны действием, возвратиться в пиршественный зал, она капризно запросила:

— Ещё! Ещё! Ещё хочу!

Александр, попав под обаяние неистовой гетеры, безмолвствовал, не думая о последствиях. Нерешительность царя побуждала Таис к исполнению задуманного ещё в большем виде — она присмотрела очередное окно с большим занавесом, куда устремилась с факелом. Приложила к занавесу огонь...

Пламя, радуясь вновь обретенной пище, охотно пожирало добротное рукотворное изделие, после чего перекинулось на стены, облицованные деревянными панелями. Дерево поддавалось труднее, чем ткань, поэтому сначала всё погрузилось в дым и копоть. Но затем наружу выбились озорные огненные язычки, которые завершили начатое дело горами тлеющих угольев...

Нетрезвые гости, до сего времени следовавшие в неведении за царём, ожидали знака к действию, и когда он вдруг заслонил руками лицо, от жара, восприняли это как приглашение к праздничному развлечению. Все с радостными возгласами, разбежались по дворцовым покоям и, подбодряя друг друга, резво поджигали всё, что могло гореть. Во многом это удавалось, так как панели для стен и мебель были изготовлены из ценного кедрового дерева, до предела высохшего за много лет. Достаточно было упасть одной искре или горящему угольку!

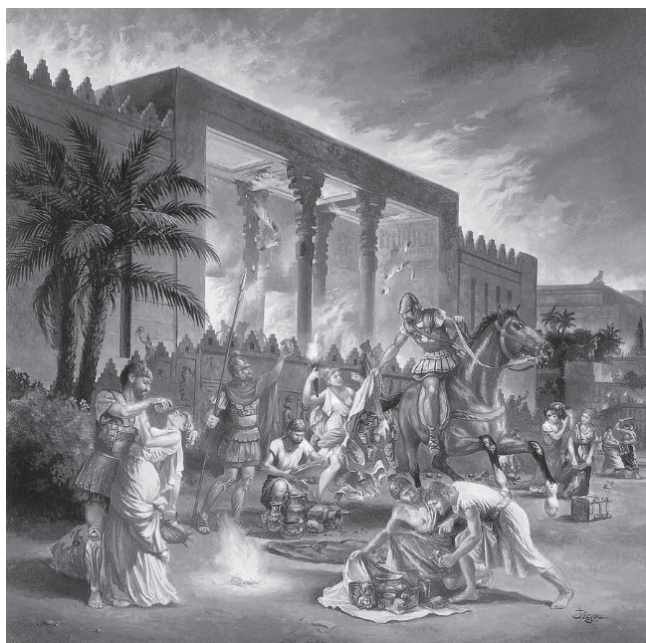
Царские военачальники и полуголые куртизанки, вовлечённые в непредсказуемый «спектакль», с радостными воплями разбежались по дворцу. По прихоти Таис они с царём стали невольными актёрами в том «спектакле» — к тому же, многие на лицах имели звериные маски и одеты были в персидские одеяния. Бегая по дворцу, македоняне волочили за собой огненные хвосты горящих

тканей, но, творя огнедышащую феерию, они не успевали думать о последствиях — о возможности задохнуться в дыму, погибнуть под сгоревшими рушащимися конструкциями.

Задыхаясь от восторга, возбуждаясь от вседозволенности, участники дружеского застолья Александра крушили и поджигали по ходу любые предметы роскоши, не жалея и бесценных произведений искусства. Только когда огонь, угрожающе взревел, выбросил на головы беснующейся толпы пылающие уголья, люди стали выбегать наружу.

Воины наружной охраны дворца, заметив огонь ещё в начале происшествия, намеревались тушить пожар и были готовы. Но когда узнали, что так развлекается царь, принялись «спасать» имущество, вытаскивая из загоревшихся помещений самое ценное. Тащили всё, что удавалось унести прочь, сохранив для себя добычу.

Александр и Таис тоже появились на площадке перед дворцом, откуда из толпы безучастно наблюдали, как огнедышащий вихрь метался в проёмах окон и дверей, выл голосами ненасытных зверей. Царь ещё не осознавал, что следит за последними мгновениями жизни фантастически прекрасного дворца персидских царей Ахеменидов.

К утру изумительной красоты дворец персидских царей сгорел до основания, но оценивать произошедшее уже было незачем. Некстати откуда-то прорвавшийся низовой ветер вновь раздул на пепелище успокоившиеся уголья. Огонь вспыхнул с новой силой и тут же перекинулся на чудом сохранившиеся дворцовые постройки; оттуда ветер занёс жар на соседние дома царских вельмож. Гигантский костёр захватил вначале часть города, затем остальное. Что ещё не было тронуту огнём — запылало и горело до тех пор, пока все дома и строения не превратились в огромное кострище. Всполохи замечались в ту ночь далеко от Персеполя, вызывая ужас у населения дальних окраин.

На следующий день у царя непривычно сильно болела голова. Таис исчезла, но у Александра желания искать её не было. Он пытался понять, что же вчера произошло... Ну, не винить же царю гетеру? Одно было ясно — исправить уже ничего нельзя!

Македоняне без сожаления покидали Персеполь — вернее, что осталось от столицы древнего персидского царства. Александр на коне возглавлял передовой отряд, а мысли всё возвращали к содеянному. Неожиданно появилось чувство, близкое к раскаянию. Он остановился и приказал одному командиру вернуться с сотней воинов и непременно найти местных персиянок, проживавших в Персеполе до пожара, и выдать каждой по десять тысяч серебряных *драхм* — из тех сокровищ, вывезенных из дворцовых кладовых!

Александр с сумрачным видом двинулся дальше. Тянуло оглянуться на Персеполь — но, к чему? Он знал, что обгоревший остов дворца с укором смотрит вслед...

Всё, что случилось ночью, сейчас представлялось тяжким сном, от которого до сих пор не пробудился. Он страшился признаться себе, что совершил поступок, недостойный сына Зевса, — ока-

зался во власти женщины, по прихоти которой погиб дворец, равного которому ещё не было в Ойкумене¹⁰¹ ...

Царь поинтересовался у Пармениона, как отнеслись воины к сожжению Персеполя. Старик успокоил:

— Скажу откровенно, не огорчились. Думаю, даже успокоились. Теперь говорят, что царь Александр не променяет Македонию на Персию. Не придётся сидеть на троне в Персеполе. Покончим с Дарием, говорят, и возвратимся к семьям. Будет, на что жить и что рассказывать детям.

У Александра отлегло от сердца:

— Согласен лишь в одном — покончим с Дарием. А в Македонию возвращаться придётся не скоро — ведь нужно дойти до края Персидского царства — а это в Индии. И за Индией есть страны — неизвестно, какие народы пожелают видеть меня своим правителем...

¹⁰¹ В широком смысле слова Ойкумена — освоенная и заселённая человечеством часть мира.

ФРИНА

Красота неподсудна

В семье жителя города Феспий¹⁰² родилась девочка Мнесарета, получившая по давней традиции дополнительное имя **Фрина**, что означало «Жаба» — «от сглаза и порчи, и чтобы запутать злых духов»). В действительности же Фрина не имела ничего общего с бородавчатым земноводным. Напротив, войдя в девичий возраст, она стала необыкновенной красавицей, притягивавшей к себе восторженные мужские взгляды.

Первым, кто сорвал «дикий цветок», стал молодой афинский поэт. Влюбленная девушка поддавалась на уговоры и тайно сбежала с ним в Афины, чем навсегда закрыл для себя дорогу в родительский дом. Счастье с любимым оказалось недолгим, вскоре поэт отправил подружку «на улицу», перестав её содержать.

¹⁰² Феспия — город в Беотии, назван в честь царя Феспия, персонажа древнегреческой мифологии.

Промыслом *куртизанки* Фрина занималась недолго — помог случай. Она приглянулась некоему Динасу, человеку немолодому и состоятельному. Поначалу он предполагал жениться на ней, дал «невесте» хорошее домашнее образование. Она оказалась способной, к двадцати годам Фрина изучила грамматику и литературу, декламировала стихи и сочиняла сама. А ещё танцевала, музицировала и пела. Приветствуя успехи молодой «воспитанницы», хозяин позволял Фрине участвовать в религиозных и общественных празднествах, где афиняне впервые и заметили красавицу.

По неизвестным нам обстоятельствам Динас раздумал жениться на Фрине, хотя девушка не была против. Отдал её на «женские курсы хороших манер», где опытные наставницы, в недавнем прошлом, гетеры, больше обучали учениц искусству обольщения мужчин. Динас непременно знал об этом, но готовился получать выгоду от вложенных в девушку немалых затрат. Так или иначе, в Афинах заговорили о новой привлекательной «женщине для любовных услуг», вскоре ставшей самой дорогостоящей гетере — «божественной Фрине».

Многие мужчины, из тех, кто успел пообщаться с гетерой, были без ума от её прелестей. И все говорили, что внешностью и нарядами, а также рассудительностью и умом Фрина была несравнима с вульгарными женщинами её профессии. Кому посчастливилось знать гетеру, с нескрываемым восхищением отмечали красоту её совершенного, неувядающего с годами тела, за обладание которым любовники предлагали огромные деньги.

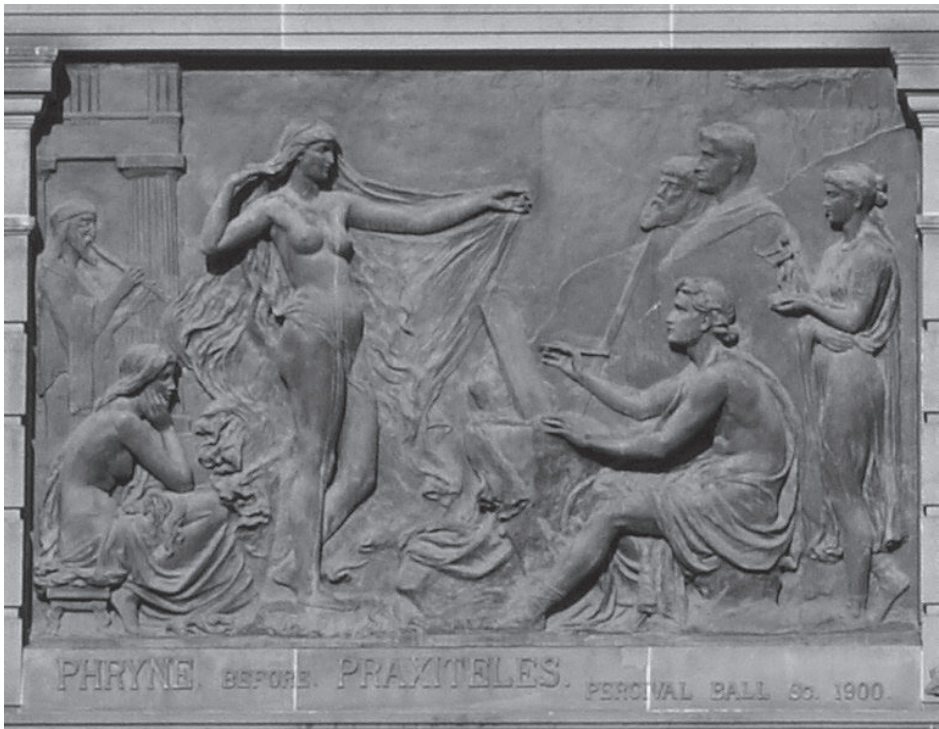
Как написал Афиней*: «Но ещё более прекрасны были те части тела Фрины, которые не принято показывать. Увидеть её обнажённой было совсем не просто, потому что она обычно носила плотно облегающий хитон и не пользовалась городскими банями, чтобы не выставляться напоказ, даже перед женщинами». Поэтому неудивительно, что взлёт «популярности» Фрины пришёлся не на молодые годы, а на зрелый возраст, когда она, по её собственным словам, «научилась дорого продавать осадок своего вина».

Умная от природы, приятная в общении, Фрина удивительно тонко чувствовала любые проявления прекрасного в жизни. Восхищалась любовными стихами поэтессы с Лесбоса Сапфо, «воспринимая её задушевной подругой». Посещала театральные

представления, дружила с известными художниками и ваятелями. Когда её просили позировать, не отказывала, но только тем, кто внушал доверие. И тогда исполняла работу с достоинством богини, а по завершении умела оценить мастерство художника.

В отличие от Фрины, прославленной властительницы мужских сердец, Пракситель был известен всего лишь как литейщик, работавший с бронзой, да ещё как «высекатель» надгробных бюстов и статуй. Иными словами — как ремесленник, поскольку любой физический труд, в том числе «ручной» труд скульптора, живописца, архитектора, для древних эллинов был признаком человека несвободного, практически раба. Только к поэтам относились с должным почитанием, поскольку они сочиняли стихи на досуге... Исходя из этого, профессия ваятеля, сколь высоким бы ни было его мастерство, принижала Праксителя до уровня каменщика.

Наслышанный о Фрине Пракситель, порядочный семьянин, не испытывал желания знакомиться с гетерой... до того момента, пока о Фрине в очередной раз не загудели Афины. Оказывается, художник Апеллес изобразил Фрину на своём полотне в виде обнажённой богини, выходящей из пены морской и выжимающей руками роскошные волосы. Какое-то время он скрывал это от любопытных. Но разве такое утаишь! Желающие увидеть чудо, названное «Афродита Анадиомена» («Выходящая из моря»), толпами устремились к мастерской Апеллеса. Говорили, в те дни деловая жизнь в Афинах замерла. Пракситель тоже не устоял перед искушением и оказался среди зрителей, восхищённых увиденным чудом.

О натурщице Апеллеса ваятель вспомнил в Эфесе, где вместе со строителями, нанятыми эфесцами для восстановления храма Артемиды (который сжёг один из жителей города — Герострат), реставрировал полуразрушенный мраморный алтарь. Возвращаясь в Афины, Пракситель остановился для отдыха в городе Кос¹⁰³ и неожиданно получил заказ — изготовить для храма Афродиты большую статую.

Оставалось выбрать материал. Пракситель задумал изваять Афродиту из мрамора, который добывали почти по всей Греции. Но лучшие виды привозили с Родоса и Делоса. Праксителя не устраивал ни один образец из тех, что предлагали торговцы камнем, пока на глаза не попался кусок мрамора с Пароса: его белизна и чистота были безукоризненными, а после шлифовки он словно ожил — просвечивался насквозь и будто излучал безмятежный лунный свет...

Тщательно подбирая мраморную глыбу для статуи Афродиты, Пракситель уже принял решение, что натурщицей непременно должна быть Фрина. Оставалось получить согласие слишком занятой собой гетеры, а это не представлялось лёгкой задачей...

Пракситель передал предложение Фрине со слугой, после чего с юношеским нетерпением ожидал ответа. Утром она явилась сама, нереально красивая, уже немолодая, но уверенная в себе женщина. Она выслушала немного сбивчивые, от неожиданности, слова хозяина и спросила:

103 Административный центр греческого острова Кос, являющегося частью цепи островов Додеканес в юго-восточной части Эгейского моря.

— Ты не нашёл в Афинах женщины красивее меня? Почему — я?

— Ни одна не похожа на Афродиту!

— Ты так судишь, словно видел живую богиню.

— Да, на картине Апеллеса! Я намерен сотворить статую, которая будет излучать любовь, вызывать у всех восхищение и приблизится по своей красоте к божественной Афродите.

— Но разве ты не знаешь, насколько я занята? Тебе известно, сколько стоит день работы со мной, если я соглашусь?

— Известно, бесценная Фрина, и я готов платить, сколько скажешь.

— А знаешь ли ты, что я обнажаюсь не перед каждым художником? Апеллес уже был большим художником, а сейчас его называют великим. Ты мечтаешь о такой же славе?

— Я хочу добиться совершенства в своём деле. Надоело изображать тело, хочу показать душу.

По лицу Фрины стало понятно, что слова Праксителя её тронули.

— Убедил! — сказала она. — Я согласна. Но предупреждаю сразу: я дорого беру с любовников. А в данном случае ты покупаешь меня на время, значит, ты — любовник.

Пракситель растерялся.

— Сколько же ты просишь? — не сразу нашёлся он.

— У тебя не хватит! Но я и не собираюсь брать деньгами — не хочу разорять твою семью. Просто обещай, что взамен без сожаления отдашь мне ту из своих работ, которая мне понравится.

— Согласен! — с готовностью ответил обрадованный ваятель.

Фрина практически переселилась в мастерскую Праксителя. Она находилась там большую часть времени, приспособившись к новому для себя положению. Гетере потребовались усилия, чтобы отказаться от многих привычек и, главное, от прежнего распорядка дня.

Пракситель появлялся в мастерской сразу после завтрака; Фрина спешила к назначенному времени, обнажалась и занимала невысокий постамент, где замирала в заданном ваятелем поло-

жени. Оказалось, что она могла сравнительно долго спокойно находиться в таком состоянии, хотя и уставала — болела шея, руки и ноги «затекали» так, что она не могла ими пошевелить. В короткие перерывы гетера пила освежающие напитки, а служанка разминала ей тело, после чего опять нужно было подниматься на постамент. Расслабляться не приходилось, но женщина не просила снисхождения.

Время от времени Пракситель давал ей те или иные указания, она покорно исполняла требования. Порой он бросал на неё пристальный взгляд, что-то замечал для себя, затем углублялся в свой внутренний мир творца, не обращал на неё никакого внимания. Однако Фрина чувствовала, что он по-прежнему наблюдает за ней, не глядя в её сторону.

Она запомнила наставления, данные ей в начале работы над статуей:

— Фрина, я прошу, не надо мне позировать! Постарайся преобразиться в богиню, а когда почувствуешь, что смогла это сделать, проживай её жизнь, как собственную. Этого будет достаточно!

Когда Пракситель говорил, что на сегодня она уже не понадобится, Фрина не уходила сразу. Садилась в дальнем углу мастерской, откуда украдкой наблюдала за магическим превращением бесформенной глыбы в «живую плоть». В её сознании мастерская превращалась в центр Мира, Вселенной, где пребывали только двое — она и Пракситель. В такие моменты Фрина ощущала себя если и не богиней, то практически равной ей. Она поистине возносилась на Олимп.

В один из дней Фрина взглянула на работу и подумала, что сделать её ещё лучше просто невозможно. Статуя была совершенна. Скульптор запечатлел момент перед купанием богини: в одной руке — одежды, складками ниспадающие на кувшин, другой Афродита стыдливо прикрывает лоно...

— Ты завершил? — тихо спросила натурщица.

— Нет, мне пока не удалось передать её внутреннее содержание.

Когда заказчики, жрецы храма Афродиты в Косе, увидели статую, они... возмутились излишней обнажённостью богини. В то время за это могли обвинить даже в кощунстве, поскольку религия позволяла изображать обнажёнными только мускулистых атлетов и мифологических героев. Статуи богинь обычно были

«одеты», хотя бы частично. Косцы потребовали, чтобы Пракситель вернул авансы на значительную сумму, понятно, истраченную! Однако он убедил их немного подождать и... за короткое время сделал ещё одну статую Афродиты, на этот раз по канону, приедутую. А первую богиню с телом Фрины выставил на продажу.

В мастерскую зачастили покупатели: смотрели, удивлялись, восхищались, торговались, сбивая цену. Ваятель не соглашался расстаться со статуей и уже был готов сохранить её у себя, как появились жители из Книда¹⁰⁴. Они были в восторге от увиденного, заплатили столько, сколько просил ваятель, и отбыли домой вместе с покупкой.

В Книде у первой в истории Греции «обнажённой богини» началась вторая жизнь. Для «Афродиты» на средства жителей построили открытый павильон, разместив её в центре святилища. Люди из разных городов Греции приезжали посмотреть на статую, что добавило славы Книду. Жрецы в храме рассказывали паломникам, что её изображение в мраморе — само совершенство. Статуя выглядела как живая, потому что Афродита позволила ваятелю побывать на Олимпе, чтобы воочию её увидеть. Глядя на это произведение, в легенду верили — настолько реальной выглядела богиня. Мрамор будто утратил твёрдость, проявилась естественная нежность и полупрозрачность кожи. Особенно притягивала к себе лёгкая мечтательная улыбка Афродиты — «знак телесно видимой души и душевно живущего тела»...

В Книде сохранилось предание о том, как молодой человек ночью ворвался в храм и попытался совокупиться со статуей, оставив на ней пятно... Потом ему стало так стыдно, что он бросился вниз со скалы, рядом с которой стоял храм...

История с «Афродитой Книдской» на этом не завершилась. Царь Вифинии¹⁰⁵ Никомед предложил жителям Книда продать ему статую. Обещал не взыскивать прежний огромный долг. Книдяне отказали царю, но и после этого случая многие греческие города время от времени соблазняли их подобными предложениями.

¹⁰⁴ Город, основанный греками, находящийся на стыке Эгейского и Средиземного морей.

¹⁰⁵ Историческая область, древнее государство и римская провинция, существовавшая на северо-западе Анатолии, между проливом Босфор и рекой Сангариус.

После того, как Фрина прекратила позировать Праксителю, между ними сложились почти любовные, но при этом «устойчиво дружеские» отношения. Гетера сдержала обещание и не взяла денег с ваятеля, а он, похоже, забыл о своём. Но пришло время, и Фрина напомнила...

Однажды она прислала к Праксителю служанку с запиской, в которой сообщала, что вечером навестит его. Так и случилось. Они отужинали, мило побеседовали. Прощаясь с ним, гостья с улыбкой попросила:

— Подари что-нибудь, на память.

На вопрос, какой именно она ждёт подарок, ответила:

— В знак нашей дружбы хочу получить вещицу, созданную тобой, но только ту, которую считаешь самой дорогой для себя, лучшей из всех!

Пракситель в недоумении пожал плечами:

— Мне трудно назвать одну свою работу лучше любой другой. Все — мои дети.

Ответ не удовлетворил Фрину. Однако, сколько она ни капризничала, ни настаивала на своём, Пракситель не сдавался. В конце концов гетера успокоилась и ушла, но перед этим пообещала, что всё равно не отступится.

В следующий раз Фрина появилась в мастерской Праксителя без предупреждения и с порога закричала: «Пожар! Пожар!» Ваятель испугался и с криками: «Там Эрот! Если огонь испортит Эрота, беды не миновать — я пропал!» — бросился в дом, где в отдельном помещении хранились особо ценные для него нераспроданные изделия. Обнаружив, что никакого пожара нет, удивлённый хозяин вернулся в мастерскую с небольшой статуэткой в руках. Это был тот самый «Эрот», которого он так отчаянно пытался спасти. Фрина улыбнулась и призналась в подвохе.

— Вот теперь я узнала, какую вещь ты ценишь больше остальных, — произнесла, ослепительно улыбаясь, довольная собой гетера. — Теперь я хочу, чтобы ты рассчитался со мной, как обещал.

Когда Пракситель осознал, что его ловко провели, вначале рассердился, но потом остыл и нехотя, но отдал драгоценную

статуэтку, с которой не намеревался расставаться. Позже Фрина подарила «Эрота» жителям родного Феспия, там это произведение великого ваятеля стало почитаться символом города.

Римский император Нерон отобрал у феспийцев «Эрота» работы Праксителя и отвёз в Рим, где статуэтка погибла при печально известном «большом римском пожаре» в 64 году н. э.

Став ещё более знаменитой, чем до знакомства с Праксителем, Фрина продолжала кормиться прибыльной профессией гетеры. И сколько бы денег ни предлагали ей художники и скульпторы, позировать в обнажённом виде она больше ни перед кем не соглашалась. Помнила о своём обещании богине Афродите — впредь обнажаться только ради «служения любви», избраннику, и то — ночью, без света... Так что обвинять Фрину в распущенности не было повода!

Но раз в году рядом с Афинами проходили так называемые Элевсинские мистерии, посвящённые богине плодородия Деметре. К этому дню в Элевсины приходили тысячи паломников, принимавших участие в религиозных процессиях со жрецами, — ночью, при свете факелов, с песнопениями и экзальтированными танцами. Днём паломники становились зрителями театрализованных драм из земной жизни богов и богинь Олимпа.

Гетера Фрина являлась непременной участницей регулярных Элевсинских празднеств. В своей лёгкой полупрозрачной тунике она выглядела богиней, сошедшей в этот день к людям с Олимпа. Во всей Греции знали об Элевсинах и об Афродите в образе афинянки Фрины. Многие паломники только ради неё приходили на мистерии, с нетерпением ожидая её очередного появления.

Следует понимать, что и для гетеры участие в мистерии представлялось событием не менее радостным, чем для паломников. В праздничном сценарии Фрине отводилась главная роль; она это помнила, когда на виду огромного скопления людей возникала в портале храма Деметры. Несколько мгновений стояла с гордо поднятой головой, давая людям возможность рассмотреть её. Затем неуловимым движением плеча сбрасывала одежду, оставаясь полностью обнажённой.

Живое воплощение богини любви, наслаждаясь бурным восторгами зрителей, медленно спускалось по тёплым мраморным ступеням к морю. На лице, как положено, была загадочная улыбка... Фрина достигала кромки воды и, не задерживаясь, медленно окуналась в море. Появившись на поверхности с намокшими длинными волосами, мятущимися на волнах, она вызывала религиозный трепет у тысяч зрителей. Потом разворачивалась и так же восхитительно красиво возвращалась на берег: тело цвета нежных роз, гладкие покатые плечи в морских брызгах, словно в россыпи драгоценнейших жемчужин — чем не живая богиня!

Явление «божественной» Фрины на Элевсинских мистериях каждый раз воспринималось паломниками как великий праздник, схожий с чудом. Её участие приносило весомую прибавку к пожертвованиям в казну храма Деметры, по этой причине жрецы не возражали против некоего «неправильного» отношения гетеры к религиозному канону. Для Фрины же это действие было торжеством красоты женского тела, упоением властью афинской над людьми! Она тешила своё тщеславие ликующей мыслью: «Я, гетера, сейчас повелеваю всеми, кто отвергает меня за пределами этого праздника! Моё имя они произносят вместе с именем моей богини! Ради этого стоит быть гетерой Фриной!»

К двадцати пяти годам Фрина накопила достаточно средств, чтобы даже по меркам Афин считаться состоятельной женщиной. При желании она могла оставить осуждаемое обществом занятие и в своё удовольствие доживать отпущенный срок. Но душа гетеры требовала оставить всё как есть — чтобы продолжать нравиться мужчинам, быть желанной. Имея это в виду, Фрина рассталась с прежним домом и купила у зажиточной вдовы другой, где имелись двор с хозяйственными пристройками, цветники и сад с аллеями для прогулок.

Из дома в сад вела галерея из резных мраморных колонн, всюду были скульптуры богов и богинь, картины на религиозные сюжеты. Всё было подобрано со вкусом и подчёркивало статусность хозяйки. Да, с годами ласки Фрины становились доступны не каждому, и от того были ещё слаще. Теперь за ночь, прове-

дённую наедине с гетерой, счастливыцы платили гораздо больше, чем прежде.

Соседи по жилому кварталу люто завидовали Фрине, и не только они... Жёны мужчин, жаждавших близкого общения с гетерой, имели все основания её ненавидеть. Ведь она нередко доводила до разорения богатых поклонников, особенно пожилых сластолюбцев. В этом искусстве Фрине не было равных, а «добродетельные» женщины отказывались спокойно наблюдать за тем, как красивая умная женщина изящно опустошала кошельки их мужей.

Однажды несколько афинских жён договорились меж собой, что пора расправиться с коварной соперницей. Подкупили некоего Эвфия, человека зловредного и большого охотника до неправедных денег, предложили ему подать донос на Фрину, обвинив «в святотатстве на Элевсинских мистериях». Расчёт был на то, что если судьи поверят, гетере будет грозить смертный приговор или, в лучшем случае, изгнание из Афин с конфискацией имущества. Фрина тоже знала Эвфия как подлого человека, поскольку после безуспешных попыток стать её любовником он зло мстил, сочиняя о ней всякие дурные истории.

Получив вызов на судебное заседание, Фрина растерялась, не знала, что делать. Любой иноземный гость Афин и грек, не рождённый в этом городе, до конца жизни не мог иметь афинского гражданства. Это обстоятельство означало, что судить их, в случае обвинения в преступлении, должны были по афинским законам, а для защиты интересов подсудимого требовался бы адвокат.

Фрина всегда помнила о том, что её родина — Феспий, а также о том, что она — женщина и по закону не имела права защищать себя в суде. Сначала она подумала, что проще как можно скорее покинуть озлобившийся на неё город и стать недосыгаемой для афинского правосудия. Но в таком случае пришлось бы расстаться с привычным окружением влюблённых почитателей, бросить благоустроенный дом, потерять ценные вещи... Фрина лишь на миг представила себе такой исход и тут же отказалась от этой затеи — это было выше её женских сил! Нет, нужно защищаться, уличить обвинителя во лжи — и тогда ни о чём не нужно будет беспокоиться. Верную служительницу Афродиты невозможно подорвать в нечестии!

Фрина отважилась предстать перед судом, добиваться оправдания. Подумала, кто мог бы стать судебным защитником, *адвокатом*. Им мог стать Пракситель, близкий друг, а когда пришла в мастерскую, он сделал вид, что сильно занят. Стоял перед необработанной мраморной глыбой и сосредоточенно думал.

— Вот, хочу сделать Артемиду, — сказал он, обратив наконец внимание на Фрину. — Но не предлагаю стать натурщицей — Афродита обидится!

Фрине некогда было разбираться в тонкости шутки, и она сразу перешла к делу. Узнав, что тревожит гетеру, Пракситель попытался её успокоить:

— Чего тебе волноваться? Кто поверит Эвфию — этому ничтожеству? Боги не допустят, чтобы с тобой случилось что-то плохое.

— Уже случилось, друг мой! Если ты не поможешь, мне грозит смерть! Меня могут убить за преступление, которого я не совершала.

— Тогда не лучше ли тебе до суда покинуть Афины? А когда всё забудется, вернёшься.

— Навлечь на себя позор? Бежать? Чтобы все думали, что я действительно виновна в том, в чём меня обвиняют? Нет! Даже если назначат большой штраф, платить не стану — это тоже будет для всех означать, что я виновна. До конца жизни тогда не отмоюсь от грязи, которую постарается вылить на меня коварный Эвфий.

Голос Фрины дрогнул, срываясь на плач:

— Так ты найдёшь для меня время? Явишься защитником в суд?

— Фрина, дорогая! Я очень хочу тебе помочь. Но риторика — не моя стихия. В совершенстве я владею только резцом. С лёгкостью укрощаю камень. А вот язык мой мне не подвластен. В суде я могу только навредить тебе.

— Ты назвался моим другом. Афиняне называют тебя моим любовником. Любой эллин после сотворения тобой «Афродиты Книдской» зовёт тебя не иначе, как Пракситель Великий. Так докажи же всем, что ты такой и есть.

— Ладно, я приду в суд, Фрина, замолвлю за тебя доброе слово.

После Праксителя Фрина отправилась к Гипериду, известному

афинскому оратору, её давнему возлюбленному. Он слышал о доносе, и сейчас, выслушав её, рыдающую, невольно состроил брезгливую гримасу — ему было неловко защищать гетеру, женщину с дурной репутацией, обвиняемую в таком неблагозвучном преступлении.

Сначала Гиперид отказался, но Фрина рыдала, не отступалась, умоляла защитить её — прежде всего от злостной лжи. После некоторых колебаний Гиперид согласился быть адвокатом гетеры. К тому же он давно ненавидел Эвфия и решил не упускать возможность ему насолить.

Заседание суда проводил оратор Аристогион, известный в Афинах как нетерпимый борец с нарушениями морали. Фрина заняла отдельное место напротив судей — без права говорить в свою защиту. Открытая вниманию любопытствующей публики, коей множество набралось за пределами зала, она только одним своим присутствием вызывала понятный интерес. Все в городе не раз слышали о знаменитой гетере, знали и подлеца Эвфия, из-за чего «спектакль» ожидался интригующим.

Сначала заседатели выслушали сторону обвинения.

— Я обвиняю гетеру в том, — начал свою речь Эвфий, — что из-за её вызывающего поведения в обществе воцарилось нечестие. Фрина воображает себя богиней Афродитой и для пущего правдоподобия выходит во время мистерий из пены морской, являясь перед народом в обнажённом виде. Разве это не является поруганием святыни, оскорблением Афродиты? Ведь никто из смертных не видел богиню нагой.

Чтобы усугубить обвинение, Эвфий добавил:

— Пользуясь красотой тела и эротическими ухищрениями, Фрина отвлекала граждан от добросовестного исполнения государственной службы. Разве её действия не подпадают под противозаконную категорию развращения афинян, среди которых есть немало весьма уважаемых граждан?

Следующим выступил Гиперид:

— Я знаю обвиняемую с хорошей стороны, поэтому решительно заявляю, что Фрина не представляет никакой — даже мало-

мальской — опасности для граждан и для города Афины.

Адвокат перечислил, сколько денег потратила Фрина на жертвования в храмы и на иные благотворительные цели. Рассказал о добрых поступках гетеры, обратил внимание судей на её отзывчивость к чужому горю.

Во время выступления Гиперид успевал наблюдать за лицами судей и в конце речи понял, что его доводы не смягчили их бесстрастные сердца.

Тогда защитник Фрины обратил внимание на личность обвинителя:

— Уважаемые судьи, не допускайте, чтобы Эвфий изощрялся перед вами в красноречии, в то время как речь идёт скорее о нечестии с его стороны. Вы слышали, что он сказал? Он сказал, что афиняне восхищались Фриной, когда она изображала богиню. А если бы Эвфий, сбрив бороду, оголившись, стал выдавать себя за Аполлона, люди восхищались бы им? Нет! Афиняне с отвращением смотрели бы на Эвфия в таком виде. Тогда получается, что Фрина заслуживает не осуждения, а похвалы за то, что люди, смотря на неё, обращаются к вере. А Эвфий заявляет, что видит именно в этом её преступление!

Гиперид обернулся к обвинителю:

— А ты, Эвфий, разве не принимал Фрину за богиню? Не говорил ей об этом?

— Был влюблён — вот и говорил глупости, — пробормотал тот в смущении.

— Тогда повинись сейчас перед судьями за то, что ты совершил глупость, когда написал донос на Фрину! Суд подвергнет тебя крупному штрафу за клевету, но пусть это тебя не пугает: деньги ничто по сравнению с утратой доброго имени! Откажись от иска ради сохранения собственной чести!

Эвфий не внял и продолжал упорствовать, обращаясь к судьям:

— Гиперид призывает меня отозвать иск к Фрине. Но я не сделаю этого, поскольку думаю не о себе, а о судьбах молодых людей, афинского общества и Афинского государства. Вина гетеры Фрины в том, что она, обнажаясь перед верующими во время Элевсинских мистерий, коварно выдаёт себя за Афродиту, призывая поклоняться ей, а не богине. А за святотатство следует подвергнуть виновную изгнанию с конфискацией нечестиво нажитого имущества в пользу граждан.

Эвфий завершил речь, но только, было, судьи приступили к обсуждению, он, будто спохватившись, добавил:

— Уважаемые судьи, я уверен, афиняне будут удивляться и возмущаться, если в своём решении вы поддержите позицию Гиперида, защитника преступницы. Афиняне непременно скажут вам в лицо: «Фрина опасна для Афин, её нужно подвергнуть смерти». И когда воля афинян будет исполнена, в обществе восстановится мораль, город очистится от скверны!

В зале повисла звенящая тишина, заставившая побледнеть Фрину и Гиперида. Неожиданно откуда-то донёсся возмущённый голос Праксителя. Он опоздал к заседанию и не успел занять место на скамье для защиты. Поэтому находился среди зрителей.

— Эвфий, по твоим словам, Фрина допустила святотатство, когда обнажилась? Но она обнажалась перед Апеллесом и Праксителем, и если кто и повинен в оскорблении Афродиты, то это Апеллес и я, Пракситель. Не Фрина, прилежно помогавшая воссоздать образ богини! Разве ты станешь отрицать, что картиной великого художника и моими статуями восхищаются люди? И сейчас в греческих храмах поклоняются богине Афродите, воплощённой через красоту Фрины. Эвфий, унижая Фрину, ты повинен в осквернении чувств верующих!

Пракситель, растолкав толпу зевак, вышел к судьям:

— Позвольте сказать кое-что ещё. Я не буду обвинять в клевете Эвфия, и мне бессмысленно оправдывать Фрину. С этим, на мой взгляд, справился адвокат. А решать судьбу вам, знатокам законов. Я же, как афинский гражданин, обязан заявить: Эвфий пытается убедить вас в том, что во всех несчастьях Афинского государства виновата женщина по имени Фрина, потому что она — гетера.

Скульптор всё больше входил в роль защитника Фрины:

— По этой причине она назначена единственной ответственной за упадок общественной морали в Афинах! Обвинитель не вникал в историю Афин, забыв, как афиняне столетиями воевали со Спартой и союзниками, терпели поражения, отчего в обществе менялись моральные устои, идущие от предков. Помните, как пострадал безвинный Фидий¹⁰⁶, создавший чудо-статую Зевса? Клеветники и завистники попытались обвинить ваятеля в краже золота и серебра при изготовлении статуи, а когда факт не под-

106 Скульптор из Афин. Один из крупнейших мастеров эпохи Высокой классики.

твердился, всё-таки засадили его в тюрьму, обвинив в святотатстве! Из тюрьмы Фидий уже не вышел.

Кто-то из судей выразил недовольство тем, что Пракситель не просил слова у распорядителя заседания, но ваятеля было уже не остановить:

— А смерть мудрого Сократа вам ни о чём не напоминает? По такому же принципу его обвинили в моральном совращении молодёжи и осудили на смерть! Следом за ними, из зависти, клеветники обвинили во всех несчастьях афинян великого правителя Перикла вместе со всей семьёй. Правда, во всех случаях, поздно, но афиняне раскаялись, а клеветников наказали. И вот мы наблюдаем, как завистники Фрины затевают убийство красоты, пренебрегая законами жизни. Из поклонения женской красоте рождается стихийная сила, называемая любовью, она — Эрос! Состояние любви отличает человека как от зверей, так и богов. Фрина воплощает Эрос в Афинах, как Афродита среди богинь и богов на Олимпе. Поэтому я говорю: уважаемые судьи, Фрина достойна восхищения, но не хулы и гонений! Перед вами выбор.

Однако, несмотря на такую пламенную речь, доводы Праксителя не возымели нужного результата. Это было заметно по лицам рядовых судей и, особенно, Аристогиона. Гиперид, чувствуя печальный исход, приуныл.

После короткого совещания главный судья Аристогион уже собрался объявить приговор, как Гиперид, с ужасом понимая, что сейчас решится судьба подзащитной, поднялся с места. Схватил Фрину за руку и, вытолкнув в центр зала... сорвал с неё одежды!

От неожиданности судьи оторопели. Зрители не в силах были сдержать своего изумлённого восхищения и выразили его единым восторженным возгласом...

Перед мужчинами стояла женщина, пытавшаяся стыдливо прикрыть руками обнажённое тело. Это ей не удавалось, отчего она выглядела крайне растерянной. Фрина помнила, что дала обет в таком виде не показываться перед любовниками, даже ночью она устраивала полутьму!

...Гиперид добился своего. Участники заседания, судьи и зрители, увидели необыкновенную красоту и свежесть тела пятидесятилетней женщины. Эллины умели ценить женскую красоту в любом возрасте, Фрина же выглядела великолепно — нет, она была не молодящейся женщиной, а реально красивой. Участники

судебного заседания с наслаждением рассматривали светлокжее тело Фрины с плавными линиями фигуры, отчётливый животик и округлые бёдра, некрупную грудь... Чем не «Афродита Каллипига» («Прекраснозадая»), «воспетая» на холстах, в камне и бронзе!

Гиперид, уловив момент, перекрывая гул в зале, обратился к судьям:

— Посмотрите на эту женщину — красавицу среди красавиц здесь, на земле! Разве вы забыли священное правило красоты — *калокагатию*: «В прекрасном теле не может быть худой души, потому что внутренняя гармония отражается на внешности человека». Вы же не посмеете наказывать небесную богиню за красоту? Так почему вы должны наказывать красоту земной богини? Калокагатия распространяется и на мою подзащитную. Откажитесь судить красоту — она священна!

После столь взволнованной и, как оказалось, убедительной речи, Фрину оправдали. Доносчик Эвфий был посрамлён, суд обязал его выплатить огромный штраф.

Оратор Гиперид стал ещё более популярным у афинян, они охотно пользовались его адвокатскими услугами. И Фрина была благодарна Гипериду. Они стали близкими друзьями.

После вынесения оправдательного приговора Фрине судьи спохватились и были готовы отменить собственное решение. Они поняли, что поддались эмоциям и поспешили с выводами. Посовещавшись, они нашли выход — внесли изменения в закон, в соответствии с которыми впредь адвокатам запрещалось применять «наглядные методы воздействия на душевное состояние судей с целью их разжалобить»... Хорошо, что афинские законы обратной силы не имели!

После суда Фрина продолжала жить профессией гетеры, но избегала встречаться с семейными мужчинами. Не хотела огорчать замужних женщин. И цену себе знала, о чём свиде-

тельствует история с правителем Лидии¹⁰⁷. На его предложение провести с ним ночь гетера назначила такую сумму, что ему пришлось поднять в собственной стране налоги.

Фрина предложила жителям Фив деньги для восстановительных работ на городских стенах, разрушенных македонским царём Александром. Фивяне согласились, но затем, узнав условия, отказались. Гетера предлагала разместить на стенах памятную доску с надписью золотыми буквами: «Фивы были разрушены Александром, а Фрина их восстановила».

Когда «божественная Фрина» навеки упокоилась, огорчённые поклонники заказали Праксителю статую. Философ Кратет¹⁰⁸ назвал эту статую «монументом бесстыдства Греции».

Паломники храма Артемиды в Эфесе с восхищением рассматривали статую Фрины, «земной богини любви». Жрецы поместили изваяние именитой гетеры между статуями двух царей: спартанского — Аргинама и македонского — Филиппа II, отца Александра Великого.

После смерти Фрины Пракситель, по своей инициативе, изготовил и установил в Дельфах небольшое изваяние Фрины из бронзы «в золоте». Предполагают, что он таким образом отблагодарил Аполлона, покровителя муз, за выигранный в пользу Фрины судебный процесс.

Другая портретная статуя Фрины работы Праксителя, из мрамора, находилась на её родине, в городе Феспий, рядом с «Афродитой» и «Эротом».

¹⁰⁷ В древности государство на западе Малой Азии, населённое племенами лидийцев, с центром в Сардах.

¹⁰⁸ Древнегреческий философ и поэт, представитель школы киников, ученик Диогена Синопского.

ГЛАВА 7. ЖЕНСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

В Греции издавна с подозрением относились к женщинам, если они проявляли излишнюю, на взгляд мужчин, активность вне дома, «в ущерб интересам семьи». Мудрецы наперебой сочиняли философские труды с отрицанием «умственной полезности» женщин, государственные

деятели, ораторы и политики с удовлетворением закрепляли преимущественное положение мужчин в обществе законодательными актами. В результате мужчины не допускали излишней самостоятельности женщин вопреки воле главы семьи.

Но были исключения, когда отец позволял дочери получить хорошее образование, при этом имея в виду её будущий брак с достойным женихом. В городские частные школы девочек и женщин категорически не принимали, обучение проходило в домашних условиях, для чего нанимались дорогостоящие учителя, носители основных знаний в разных науках. Главный упор делался на чтение книг, стоивших немалых денег. Не каждая семья могла позволить себе их приобрести, поэтому передача знаний чаще всего происходила устно, от образованных старших членов семьи — младшим.

Платон оказался первым из философов, выразившим в своём сочинении «Государство» сомнения в правильности устоявшегося в обществе отношения к женщинам. Он удивил философское общество, заявив, что женщина создана не только для того, чтобы рожать детей и поддерживать порядок в доме. «Силы природы, — писал Платон, — равно разлиты в обоих живых существах: по природе всем делам причастна и женщина, всем — и мужчина. Да, она слабее, чем мужчина, но это не препятствует тому, чтобы она была стражем наравне с сильным полом... Женщин нужно воспитывать так, чтобы они были для них соратниками. Если женщину воспитывать по таким же понятиям, как и мужчину, то она будет способна защищать государство».

Аристотель, ученик Платона, по-своему рассмотрел в женщине «существо разумное, как и мужчина, но, как правило, обладающее умом менее сильным, чем у мужчины».

Первой женщиной, которую историки осторожно называли философом, была **Периктиона**, мать Платона. Исключительная мудрость ей досталась «по наследству» — она была потомком афинского мудреца Солона, и, возможно, по этой причине стала последовательницей учения Пифагора, «одного из богов, принявших человеческий облик для того, чтобы войти в мир и учить человеческую расу». В работах «О мудрости» и «О гармонии женщин» Периктиона призывала женщин «готовиться, не только главенствовать в семье, но управлять городом, государством». В то же время она советовала женщинам не забывать о своём

природном предназначении: «жене принимать мужа таким, какой он есть; знать, что жене ничего не принадлежит; не увлекаться красивой одеждой, украшениями и ваннами».

Возможно, философские убеждения энергичной матери настолько повлияли на воззрения юного Платона, что в результате он стал известным философом, учителем многих греческих мыслителей. Не в пример другим семьям, его матери не приходилось заниматься только домашним хозяйством и воспитанием девочек.

В этом смысле, Периктиона главенствовала в семье. Но если считать величайшего философа и мистика Пифагора наставником Периктионы, напрашивается вопрос, от кого он набрался мудрости? Историк Диоген Лаэртский в труде «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов» приводит утверждение философа Аристоксена¹⁰⁹, что «Пифагор получил большую часть своих моральных доктрин от дельфийской жрицы **Фемистоклеи**. Более ничего неизвестно об этой женщине, которая была наставницей Пифагора...»

В юности Пифагор, уроженец Самоса, спасаясь от преследования тирана Поликлета, посетил Дельфийский храм Аполлона, чтобы узнать будущее. Беседовал со жрицей-пророчицей Фемистоклеей (также Аристоклея или Феоклея), которая обладала знаниями в математике, а любовь к геометрии выражала тем, что украшала стены храма геометрическими фигурами. Удивительно ещё, что, несмотря на закрытость повседневной жизни храмовых жриц, Фемистоклея охотно делилась знаниями со всеми, кто в этом нуждался.

Позже Пифагор рассказывал ученикам о беседах с Фемистоклеей, называл её своим учителем, поскольку она познакомила его с основами этики, научила геометрии и *цифрам*. В дальнейшем Пифагор прибегал к гаданию с помощью чисел, называя это *арифмоманией*, посвящал учеников в глубины *пифагорейства* посредством определённых формул, скрытых в их именах.

Фемистоклея располагала знаниями о Космосе, знала секреты медицины, понимала природу музыкальных звуков, чем делилась с Пифагором. На вопрос философа, почему она оказывает ему внимание, пророчица ответила:

¹⁰⁹ Греческий философ, ученик Аристотеля, автор многочисленных сочинений, главным образом музыковедческого, педагогического и историко-биографического характера.

— В книгах храма Аполлона записано, что твои родители посетили Дельфы, когда только поженились, ты ещё не родился. Они хотели узнать своё будущее и обратились к главной жрице Пифии. Её предсказание гласило: «Родится сын. Ему будут покровительствовать боги, он принесёт благо людям на все времена». Вот почему родители назвали тебя Пифагором («Глашатай Пифии»). Теперь ты пришёл к Аполлону, чтобы спросить о своём будущем, а я, его жрица, помогаю тебе.

Похоже, случилось так, что Пифагор поверил в своё предназначение, и с тех пор ученики не произносили его имени, «состоявшего из букв, специальным образом упорядоченных», — они звали его только Мастер или Этот Человек.

После длительных бесед с Фемистоклеей Пифагор увлёкся изучением звуков в природе, смог постичь красоту и гармонию музыки, которая окрыляла его и, как лучшее средство возвышения и укрощение страстей, вдохновляла на дальнейшие поиски в иных сферах. Он считал, что люди получают представление об окружающем мире, прежде всего, созерцая прекрасные формы и образы или слушая красивые песни и ритмы. Когда его ученики вечером укладывались спать, он «музыкой освобождал их от дневных волнений и шума и прояснял в смятении волновавшийся ум». Музыкой и особыми словами Пифагор восстанавливал изначальное равновесие душевных сил, лечил недуги.

Он учил видеть вещие сны, а когда ученики просыпались, снимал с них сонное оцепенение, расслабленность и вялость с помощью мелодий, получаемых простым сочетанием звуков лиры либо особых напевов, также сопровождаемых игрой на лире. Одним из его любимых методов избавления от болезней было «лечение стихами». Так, «Илиаду» и «Одиссею» Гомера нараспев читали больным — и они действительно выздоравливали.

Возможно, в знак признательности Фемистоклее Пифагор, когда создал свою философскую школу, не возражал против присутствия женщин на занятиях. Хотя и не переставал напоминать о превосходстве «мужских знаний» перед «женскими». На вопрос, есть ли польза для философии, когда в ней участвуют женщины, он отвечал:

— Пока мужчины, философствуя об этике, создают идеальные теории для применения в идеальных государствах или идеальных

мирах, пифагорейки озабочены анализом того, как можно применять нормативный принцип гармонии к проживанию повседневности.

Путешествуя по миру в поисках Истины, Пифагор набрался высокой мудрости, которой пожелал поделиться с учениками. В италийском городе Кротоне¹¹⁰ он убедил городские власти позволить ему открыть собственную школу, откуда по истечении многих лет вышли тысячи *пифагорейцев*, последователей его учения.

Среди них было немало женщин: **Тими́ха**, **Мия** и **Фильтида** — из Кротона; **Хилонида**, **Теадуса**, **Клеэхма** и **Кратесиклея** — из Лаконии; **Ластения** — из Аркадии; **Габротелия** и **Писиррода** — из Тарента; **Эхекратия** — из Флиунта; **Тирсенида** — из Сибариса; **Бео** и **Бабелика** — из Аргоса. Другие античные авторы добавляют к списку учений Пифагора: **Аригноту** из Самоса, **Нестеадузу** из Лаконии, **Финтиду**, **Перистиону**, **Мелиссу**, **Фодопу**, **Птолемиду** — из Кирены. Подробностей биографий указанных женщин недостаточно, чтобы иметь полное представление — но один для всех факт — все были замужем.

Ознакомимся с историей одной из учениц Пифагора — **Феаной**, биографии которой достойна стать достоянием древнегреческой философии...

¹¹⁰ Город в Калабрии на берегу Ионического моря, по совету Дельфийского оракула основанный греками в VIII в. до н. э. Своё название получил в честь сына царя острова Эгина — Кротона.

ФЕАНА

Одеваюсь в стыд

Как утверждают античные историки, Пифагор находился во главе Кротонской школы почти сорок лет. Он советовал ученикам остерегаться наслаждений, ибо «ничто так не обманывает и не ввергает в заблуждение, как страсть к наслаждениям». Предупреждал, чтобы они не выпрашивали у богов благ для себя, потому что «все люди знают, чего они хотят, но мало кто знает, что ему нужно». Противился хирургии, не допускал изменения человеческого тела, поскольку «вмешиваться во владения богов есть святотатство».

Пифагор также убеждал мужчин не проводить время с порочными женщинами, не портить род распущенностью и порочностью. Женщинам же советовал уделять внимание мужьям. Обращал внимание супругов на величайшую предусмотрительность при подготовке к деторождению, выражающуюся, по его мнению, «в разумном и здоровом образе жизни, в отказе от несвоевременного и обильного употребления пищи, а также от такой пищи,

которая ухудшает телесные свойства». «И лучше, — настаивал он, — вовсе не пить вина, ибо от плохого, нестройного и беспорядочного смешения возникают порочные семена».

Этот своеобразный «свод правил человеческого бытия» Пифагор дополнял своими «Золотыми стихами» — поэтическими советами, в которых он призывал возлюбить богов, чтить героев, уважать духов Природы и обязательно познавать науки, предпочитая сокровища ума и души земным накоплениям... А по завершении дневных забот — размышлять над совершёнными поступками.

Пифагор был олицетворением величия и силы. Его влияние на окружающих было колоссальным. Похвала философа наполняла учеников восторгом, возносила их до Олимпа, в то время как недовольство — доводило до крайней степени самоуничужения. Как-то Учитель разгневался на одного из учеников — и тот... покончил с собой. Пифагор был настолько этим потрясён, что с тех пор больше никогда публично не проявлял своего раздражения...

Говорили, что он был наделён «вторым зрением» — «видел на большие расстояния» и точно описывал события, которые пока не произошли. И делал он это с помощью удивительного «Колеса Фортуны». А ещё — «заставлял демонов входить в воду и мутить её, а затем через рябь предсказывал то, что загадывал». Так, однажды он сказал ученикам, что дух воды предрёк землетрясение, которое случится завтра, — и оно, к их великому изумлению, свершилось!

Пифагор имел власть не только над людьми, но и над животными: одной силой мысли он мог заставить птицу изменить полёт, медведя — прекратить набеги на жильё, быка — поменять пищу...

По словам Диогена Лаэртского, Пифагор женился на **Феане** — одной из своих учениц, и у них родилось трое детей...

С восемнадцати лет Феана вместе с юношами и несколькими девушками из Кротона посещала школу шестидесятилетнего философа. Она с затаённым обожанием слушала наставления мудреца, даже в самых дерзких мыслях не предполагая увидеть его в роли собственного мужа. Но с каждым новым занятием девуш-

ка всё глубже погружалась в загадочный мир знаний, который открыл перед ней Учитель, и её всё больше охватывало желание анализировать Прошлое, оценивать Настоящее, заглядывать в Будущее.

На одном из уроков её поразили слова Учителя, признавшего, что он слышит музыку сфер, ощущает вселенскую гармонию, образуемую движением светил и вибрациями высших планов Космоса, и что после этого небесные звуки воплощаются им в земные мелодии. Когда он говорил подобные вещи, ей казалось, что из глубины его души вырывалось пламя, вызывавшее у неё глубокое волнение. Феана была покорена всем, что исходило от Учителя, и это продолжалось довольно долго — до тех пор, пока она не поняла, что влюбилась в него...

Феана помнила, что для Учителя — в его возрасте и при его занятиях — не существовало такого понятия, как «взаимность в чувствах». Для него существовала только одна любовь — к божественной мудрости. Иначе — к ФИЛОСОФИИ. А в философии для Пифагора главной была борьба двух противоположностей — Предельного и Беспредельного. «И если Беспредельное выступать не может, — говорил он, — любое Предельное просто невысказано... Так устроен и весь Космос, и всё, что в нём». Но ведь сердцу не прикажешь... А сердце Феаны уже было пронзено лучами света, исходившего от Учителя, словно стрелами Эрота. Она желала только одного — всегда находиться рядом с Пифагором, чего бы ей это ни стоило...

Девушка осознавала, что Учитель не разделит её чувства и что никто не примет её выбор — ни община, ни родные. Она понимала, что пифагорейские «братья и сёстры» скорее всего заподозрят отсутствие у неё духовных качеств, необходимых для пребывания в школе. В таких случаях здесь обычно устраивали проверку: заставляли провести ночь в глубокой пещере в окрестностях Кротона, в которой — по слухам — появлялись демоны, похитители человеческих душ. С теми, кому удавалось встретить утро в здравом уме, беседовал Учитель и если после этого разговора признавал его слабым духом, то отказывал в посещении школы. Изгнанник уходил пристыженным, пифагорейская община признавала его «умершим», и в ограде школы воздвигалась пустая гробница с его именем... Вот почему ученики Пифагора предпочитали скорее умереть, чем нарушить правила школы.

Феана целомудренно не открывала Учителю собственные чувства, сдерживала порывы откровения. Но поскольку брак у пифагорейцев представлял собой прежде всего духовную связь между мужчиной и женщиной, девушка надеялась, что когда-нибудь эта связь установится и она наконец откроется объекту своей любви. Пифагору же, годившемуся в дедушки Феане, полностью поглощённому своей «божественной миссией» было невдомёк, какие страстные чувства охватили одну из его юных учениц. Многолетние занятия философией приучили мудреца сдерживать излишние для него желания — говорливость, чревоугодничество и, непременно, возделенную похоть. Он давно не отдавал предпочтения ни одной из женщин.

В памятный для обоих день Пифагор прохаживался в одиночестве в оливковой роще недалеко от Кротона. Такое случалось редко, поскольку обычно его сопровождали слушатели, с которыми он вёл беседу, начатую ещё на занятиях в стенах школы. Но в этот раз он пожелал пройти без спутников, поскольку собирался поразмышлять о важных вещах, для понимания которых требовались уединённость и абсолютная отрешённость от дневной суеты.

Он бродил по аллеям, раздумывая об умеренности... Мера должна быть во всём — в еде, питье и, тем более, в любовных утехах. Ибо радости от этого незначительные и кратковременные — они доставляют наслаждение, лишь пока человек этим занят. Но проходит совсем немного времени, и у него вновь возникает потребность в том же самом. А если превысить меру в приятном ощущении, то и самое приятное станет неприятным. Однако выход есть — воздержанность в желаниях. Воздержанным является тот, кто может обуздать стремления, противные здравому разуму, или владеет собой настолько, что желает лишь праведного и честного...

Так рассуждал Пифагор, воспользовавшийся возможностью превратить случайный досуг в тренировку для ума, пока полуденная жара не заставила его искать укрытие. Неподалёку он заметил довольно вместительный грот, на удивление пустовавший в этот час, и удобно устроился в нём. В прохладе и тишине мысли Пифагора вновь обрели нужное направление:

...В путешествиях по Египту, Вавилону, Индии и другим отдалённым от Эллады странам местные жрецы признавали его

«своим», «посвящённым», позволяли прикоснуться к скрытым от простых смертных тайнам Космоса.

...А Космос с детства притягивал Пифагора. У него всегда возникали вопросы о Вселенной... Бесконечна она или имеет границы? Что там, на Небе? Что там, на всех этих звёздах, и каким образом они висят в пустом Пространстве? Возможно, Пространство — это некая невидимая Паутина, сотканная богами, в которой, словно мухи, застряли, звёзды, планеты и каменные небесные «странники»...

Упорядоченное течение мыслей Пифагора повернулось к занятиям с учениками:

...Ну хорошо! Мудрецы обязаны делиться знаниями с теми, кто к ним обращается. А дальше последователи мудрецов будут делиться со своими учениками. Но где уверенность, что люди используют полученные от мудрецов знания не во вред Природе?..

Неожиданно Пифагор заметил, что в гроте, кроме него, есть кто-то ещё. Вгляделся и увидел девушку — свою ученицу. «О! Так это Феана, — подумал он, — дочь моего друга, философа Бронтинна. Она — прилежная ученица, с увлечением постигает философию, математику и астрономию, помимо всего сочиняет музыку и пишет стихи...»

Вдруг девушка опустила на колени и, склонив стеснительно голову, горячо заговорила. Нервничая, запинаясь, она торопилась скорее высказать что-то, как показалось Пифагору, очень важное для неё... Сначала он не понял ни единого слова, но потом сосредоточился и наконец услышал, что она ему говорит:

— Учитель, помоги мне! Моё тело и душу охватила всежигающая любовь к человеку, который не знает об этом и не испытывает такого же чувства ко мне. Я понимаю, что не имею права настаивать на ответной любви — наоборот, прошу освобождения от неё, поскольку понимаю, кого я полюбила.

Она говорила искренне. Бледное, измождённое лицо всё было облитое слезами. Философу стало жаль её, и... неожиданно он поймал себя на том, что находит эту девушку привлекательной.

— Ты можешь назвать имя того, кого безответно полюбила? — спросил он ласково.

— Учитель! — с дрожью в голосе отвечала Феана. — Мне очень сложно признаться, потому что этот человек нужен многим, он не может принадлежать мне одной!

Вконец заинтригованный Пифагор не отступал:

— Ну тогда я тем более настаиваю, чтобы ты открылась, назвала имя своего жестокого мучителя.

Феана поняла, что дальше испытывать терпение Учителя не имело смысла. Прерывающимся голосом она едва слышно произнесла:

— Учитель, это ты.

Пришла пора смутиться Пифагору. Как многие философы, сторонники аскетического образа жизни, он с юности удерживал себя от всякого рода соблазнов, «не употреблял нечистого и непотребного». Научился не обращать внимания на женские прелести, не поддаваться чарам представительниц прекрасного пола. В результате совсем отказался от любви к женщине, чтобы полностью посвятить себя служению своему делу — *пифагорейству*. Оно заменяло ему личное счастье и любовь.

Но в этот раз произошло что-то совершенно невозможное... То ли насмешник Эрот поразил сердце стойкого философа своей острой стрелой... То ли звёзды — любимый предмет изысканий Пифагора — сошлись таким образом, что он не смог устоять... Он почувствовал нечто, идущее прямо из сердца девушки, и вдруг вспомнил, что он — мужчина... И его сердце наполнилось радостью...

Их брак оказался неожиданным для учеников школы и всего пифагорейского братства, тем не менее это событие приняли подобающим образом. С тех пор дом Пифагора, в котором Феана была гостеприимной хозяйкой, ученики называли храмом Деметры, богини плодородия. Союз двух любящих сердец, Учителя и ученицы, оказался удивительно крепким, совершенным во всех отношениях и, главное, взаимно полезным. Заслуга жены в этом была величайшей. Как утверждали ученики философа, во многом благодаря ей с годами физические силы Пифагора не убывали, и он был полон жизни, даже когда достиг столетия...

Всё это время Пифагор продолжал занятия в школе, а Феана была верной помощницей, успевая работать над собственными философскими трудами, в том числе над сочинением «О бессмертии души. Реинкарнация». Это ей принадлежит высказывание: «Зло будет наказано, если не в этом воплощении, то в следующем». Кроме того, предположительно, Феана открыла гармоничную пропорцию, встречающуюся в природе, — так называемое золотое сечение, — одобренную Пифагором.

Она записала известные «Изречения пифагорейцев», проливающие свет на этику Пифагора:

«Чти прежде богов, героев, а уже после них отца и мать своих люби».

«Со всеми будь ты дружелюбен, незлобив. Друзей ни в чём не предавай, прощай им всё, что незначительным проступком сочтено. Врагов в друзей преображай, свой нрав смирив».

«...И стань достойным для доверия любому. А в отношении старших гнев твой неуместен. Не начинай ссор, хотя спор и интересен. Коль тебя бранят, не перечь и такому».

«Благоразумие цени превыше слов. Держи себя в узде, пороки — бич веков. А тирания, и корысть, и мотовство, и жажда выгоды — не стоят ничего. Знай: величайшие несчастья приключились из невоздержанности, беды так пролились».

«Неразумно обращать своё внимание на мнение каждого, особенно когда ты слышишь мнение простого большинства. Ведь только знающим дано прямое знание. Однако также неразумно презирать иное мнение. Такое отношение ведёт к невежеству, а также к нетерпению. Тогда характер будет трудно исправлять».

«Любовь к прекрасному вся в знаниях и нравах. Учись любить благопристойное в оправах. Оправа к камню драгоценному суть польза. Необходимое — ограда, но не роза».

«Цени разумность и порядок, власть, что свыше. А захотелось покричать, кричи потише».

«Избыток мысленной энергии вовне ведёт к гневливости, к расстройству в голове. А недостаток мысли, что идёт в тебя, ведёт к гордыне и заносчивости зря».

«А к лишней роскоши стремиться нам не нужно. Не оскверняйте дом, живите лучше дружно. Во всём умеренность нужна и простота, стремление к знаниям и радости ума».

«К животным нужно относиться как к друзьям. Не убивать их и не есть — совет мой вам. И в проявлении эмоций знайте меру: не быть унылым иль орущим, для примера».

«Беда любая неожиданной не будет. Коль человек умён, судьбу он не осудит. Но от того, что быть не может в нашей власти, мы можем ждать чего угодно: бед, напастей».

«А половиной дела явится начало, коль дело праведною мыслью прозвучало».

«Любые трудности, труды зовутся благом. А наслаждения любые — зла оврагом».

К концу жизни Феана написала труды «О добродетели», «О благочестии», «О мудрости», «Женские завещания», «О гармонии женщин», «О Пифагоре», «Толкование философии» и оставила собственные мудрые высказывания:

«Необходимо почитать родителей, как при жизни, так и после их смерти, и никогда не выступать против них в том, что они могут сказать или сделать».

«Добродетель супруги состоит не в том, чтобы сберечь своего мужа, но в том, чтобы нравиться ему и угождать его желаниям, а сие исполнит она тогда, когда глупости его с терпением переносить будет».

«Стыд — это то, что даёт мне право зваться женщиной. Когда я разоблачаюсь перед мужем, я одеваюсь в стыд».

За время совместной жизни с Феаной Пифагору удалось осуществить мечту греческих мудрецов — убедить общество в приоритете духовного знания над политикой. При участии философа в Кротоне была создана идеальная модель государства, где делами управлял Совет трёхсот, избиравшийся исключительно из числа «посвящённых». Главой Совета был сам Пифагор. В городах Великой Греции¹¹¹ имелись «отделения» с «советами», члены которых принимали управленческие решения, влияли на порядок в полисе. Пифагору удалось приучить граждан к свободомыслию и самостоятельности в выборе путей развития своих городов.

Философ прожил в Кротоне тридцать лет. За это время он достиг такого могущества, что все, кто считал его полубогом, имели на это право. Влияние его распространялось не только на кротонскую школу и её отделения в других городах Греции. С учением Пифагора знакомились и в соседних государствах. Однако философа постигла судьба всех мудрецов — личностей великого ума и характера, всегда вызывавших в низких душах зависть и ненависть.

Некоторые кротонцы начали проявлять недовольство тем, что им, коренным жителям, приходится терпеть превосходство какого-то чужеземца. К тому же не каждому кротонцу были по душе этические требования пифагорейцев. Родственникам членов пифагорейского братства не нравилось, что их имущество передаётся в общее пользование и после смерти пифагорейца им ничего не достаётся. Недовольство части кротонцев постепенно подогревалось идейными врагами Пифагора, в результате чего последовали чудовищные события...

Демократическая партия под руководством аристократа Килона, недовольная строгостью порядков пифагорейцев, предложила изменить конституцию, уничтожить Совет трёхсот и водворить народное единовластие. Когда-то он сам хотел стать пифагорейцем, но Пифагор рассмотрел в нём эгоистичный, тщеславный характер, склонный к тирании и насилию. Последовал отказ,

¹¹¹ Историческая область с греческими колониями, включавшая часть современной Южной Италии.

который настолько задел самолюбие Килона, что он поклялся уничтожить всех пифагорейцев.

Однажды вечером, когда сорок главных членов пифагорейского братства вместе с Учителем собрались в одном доме, Килон созвал сторонников. Вооружённые дубинами, они окружили дом и потребовали выдать Пифагора. Пифагорейцы отказались и, в надежде переждать беду, изнутри подпёрли двери. Рассвирепевшая толпа подожгла дом; погибли все, кто там находился. Вслед за этим другие города изгнали своих пифагорейцев.

Феана настолько прониклась духовным наследием мужа, что после его гибели продлила жизнь школы на несколько десятилетий. И если Великий Посвящённый почитался последователями как Отец, основатель пифагорейского братства, то Феана стала для них Матерью.

Феана родила двух сыновей — Ариместа и Телаугеса, дочь **Дамо**. Есть сведения, что «Эмпедокл учился у Телаугеса, отчего стал обладателем тайн пифагорейской доктрины». Дамо также была причастна к просветительской деятельности отца и матери. Во время религиозных празднеств Феана руководила хором женщин, а Дамо — хором девушек. Отец доверил дочери свои рукописные «священные заповеди», запретив передавать их в чужие руки — не членам семьи. И хотя предложений купить рукописи было предостаточно, дочь соблюдала запрет.

Также известно, что, когда наступили трудные для пифагорейцев времена и они рассеялись по свету, Дамо не продала духовные ценности отца, продолжая жить в величайшей бедности. Но всюду, где появлялись последователи Пифагора и Феаны, люди начинали осознавать необходимость собственного перерождения и обновления; в городах, разрываемых междоусобицами и политическими войнами, устанавливались мир и порядок, и общество вдруг вспоминало о справедливости, гармонии и единстве.

Оказавшись в изгнании, пифагорейцы не теряли связи друг с другом, общались между собой. Вот тут-то и проявилась подлинная сила воздействия учения Пифагора: «Легко быть приверженцем в благожелательной обстановке, но преданность проверяется

во времена гонений и преследований». Даже испытывая нужду, пифагорейцы воздерживались от просьб и ходатайств к властям, а также от всего прочего раболепия, считая заискивание делом низким и недостойным мужественного человека.

Со временем порядок в городах-полисах Великой Греции заметно ухудшился. Граждане вспомнили о Пифагоре, ими овладели сожаление и раскаяние за уничтожение его школы. Было решено вернуть в города оставшихся в живых пифагорейцев. Возвратилось около шестидесяти членов братства, которые продолжали учение Пифагора, воздействуя идеями мудрости, чистоты, благородства и справедливости на взгляды общества.

ГИППАРХИЯ

Не делаю дурного

В родном городе Фивы философ Кратет вёл обычную жизнь выходца из богатой аристократической семьи, а на досуге сочинял философские труды. И вот однажды, услышав о беседах Диогена с афинскими гражданами, Кратет настолько проникся уважением к чудаковатому кинику, что неожиданно для родных и знакомых оставил дом с нажитым имуществом и перебрался в Афины, чтобы стать его учеником.

После смерти Диогена в Афинах заговорили о новом «городском чудаке», который, так же, как и его учитель, вёл почти нищенскую жизнь странствующего философа. Помимо известных бесед с учениками, которых у Кратета было в избытке, он прославился отрицанием некоторых верований и отстаиванием *монотеизма* — учения о Едином Боге. Выбор жизненного пути философ объяснял так:

— Только бедность — идеал добродетели, к которой обязан стремиться нормальный человек. Когда я понял, что дальше жить в роскоши с моей стороны было бы непростительно, я ушёл из дома подальше от суеты, в темноту и бедность — ради поиска Истины.

Он променял домашний уют и достаток на посох и нищенскую суму, бродил из города в город, «врачуя души отверженных, униженных и оскорблённых». Летом ночевал в храмах, прямо на камнях, застеленных собственным плащом; зимой укрывался от непогоды в нежилых строениях...

Среди многочисленных учеников Кратета была девушка, любимая дочь богатых родителей, приходившая на встречи с мудрецом вместе с братом Метроклем. Метрокл стал посещать занятия философа чуть раньше, и с таким восторгом рассказывал о них, что сестра загорелась желанием послушать Кратета наяву.

Увидев и услышав философа в первый раз, девушка была совершенно очарована его душевной добротой, мягкостью и гуманностью в общении с людьми. Ей оказались близки его призывы к *филантропии* — любви к человеку. Она хотела бы жить в «киническом раю», воспетом Кратетом в поэтическом произведении «об Острове, где властвует бессмертная царица Свобода, неприступном для порочных богачей и для житейских невзгод».

Родители не препятствовали дочери получать хорошее домашнее образование, но когда она увлеклась философией, да ещё кинизмом, заявили, что это занятие сугубо мужское. Поэтому задумали поскорее выдать её замуж за человека своего сословия.

Гиппархия — так звали покорённую идеями Кратета юную особу — отвергала любые предложения познакомиться её с кандидатами в женихи. Она не желала «отвлекаться на пустяки». Когда родители на ком-то настаивали, в очередной раз проявляла строптивость, и так продолжалось до тех пор, пока Гиппархия не призналась матери, что безнадежно полюбила Кратета, и готова покончить с собой если не станет его супругой. В надежде на благоразумие пожилого философа, Учителя Гиппархии, встревоженные родители пригласили его в дом, чтобы открыть намерения любимой дочери.

Кратет с пониманием отнёсся к глубоким чувствам молодой поклонницы, осторожно и терпеливо настаивал, чтобы она отказалась от безумного шага:

— Что я, бедный философ, могу дать тебе, красивой и богатой девушке, взамен твоей любви — философию? Но философия не приносит материальных благ своему служителю, она лишь очищает испорченную обществом душу. Я веду жизнь обыкновенного бедняка и свою бедность считаю преимуществом. Да, я гражданин темноты и бедности, они неприступны для судьбы.

Гиппархия ничего не ответила, но, посмотрев в её умоляющие глаза, Кратет понял, что она не изменит решение. Тогда, в качестве весомого аргумента, он сбросил с себя единственный ветхий плащ, атрибут киника, и обнажил измождённое недоеданием тело.

— Если хочешь видеть во мне своего мужа, то прежде подумай — вот это всё, чем я обладаю!

Она молчала. После небольшой паузы он вновь обратился к ней:

— Решайся! Если не станешь тем же, что и я, тебе не быть со мной!

И девушка вдруг бросилась к его ногам, обняла их, затем поднялась, стала покрывать поцелуями лицо Кратета, повторяя, словно в бреду:

— Я всё давно обдумала — не нужен мне другой муж, ни богаче, ни красивее! Возьми меня в жёны и веди куда захочешь — я буду всегда с тобой!

Своим выбором Гиппархия сильно разгневала родителей: ей отказали в содержании. По свидетельству очевидцев, Кратет привёл девушку в портик, где обычно читал лекции; «возлёг рядом с нею, как супруг, в людном месте среди бела дня. От любопытных взглядов их прикрывал плащ»...

Гиппархия делила с мужем все тяготы непривычной для неё семейной жизни: сопровождала Кратета в странствиях по греческим городам, встречалась с философами-единоверцами, сама давала уроки ученикам и участвовала в диспутах, получая за это слабую, но всё же поддержку, в материальном эквиваленте. Гиппархия верила, что её присутствие в жизни Кратета — воля богов, отчего они должны быть всегда вместе...

Их брак был предметом насмешек и многочисленных обвинений в распущенности и чрезмерной демонстрации чувств. У них не было собственного дома и даже постоянного угла — обычно они ночевали в домах друзей, что никак не омрачало их большой взаимной любви. По этому поводу Гиппархия говорила: «С милым — и под навесом рай, верьте мне!»

В дни, когда Гиппархия носила под сердцем сына-первенца, она не прерывала привычных ей гимнастических упражнений. Объясняя тем, что «беременность — естественный природный процесс». А после рождения сына купала его в холодной воде...

В замужестве Гиппархия для Кратета стала авторитетом в философии, в которой духовно обогащали друг друга. Когда кто-то из философов попытался пристыдить её за то, что она занимается сугубо «мужским делом», философией, не приучив себя к исполнению хозяйственных дел, Гиппархия нашла, как ответить:

— По-твоему, я плохо рассудила, когда тратила время на воспитание в себе умения различать благо и зло. Ты же считаешь себя киником, тогда, согласишься, что человек видит счастье только в этом случае. Но если тебе кажется, что моё поведение не соответствует учению киников, тогда тебе придётся, или опровергнуть мои слова, или не называться киником.

Существует свидетельство о победе Гиппархии в диспуте с известным философом Феодором. Тема та же — «О добре и зле». Гиппархия обратилась к нему:

— Если нет дурного в том, что делает Феодор, не означает ли это, что нет ничего дурного и в том, что делает Гиппархия?

Феодор утвердительно кивнул головой.

Гиппархия продолжила:

— А если Феодор ударит Феодора, в этом нет дурного?

Феодор подтвердил и эти слова, на что последовал другой вопрос:

— Стало быть, когда Гиппархия ударит Феодора, в этом тоже нет дурного?

Философ замешкался. Пока он думал над ответом, она ударила его по лицу. Ошеломлённый Феодор промолчал, но, усмиряя обиду, разодрал на себе плащ, оголив тело.

Он предположил, что женщина убежит прочь, сгорая от стыда. Но Гиппархия не смутилась, тем самым показав себя равной сре-

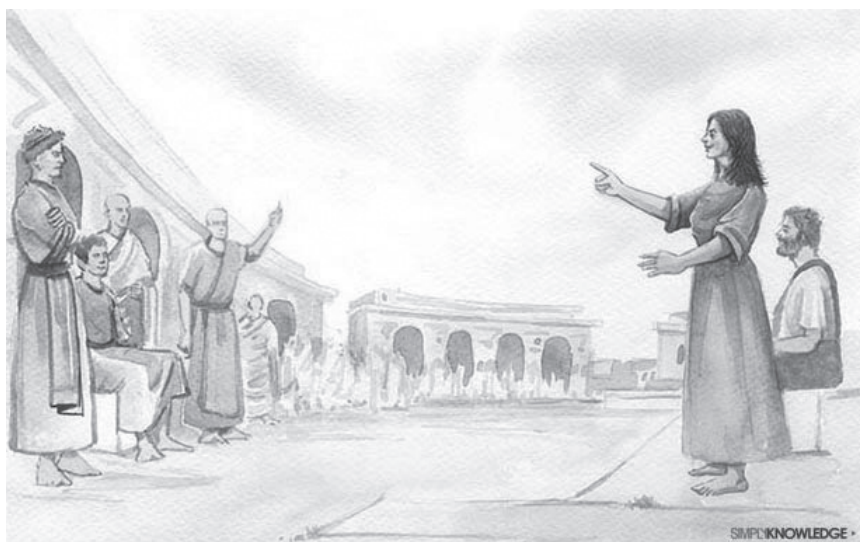
ди присутствовавших философов. Феодору оставалось с огорчением произнести:

— Вот что бывает, когда женщина занимается несвойственным ей делом!

Поступок Гиппархии привёл в изумление остальных участников диспута, кого-то её выходка даже отпугнула. Но в целом участие женщины, философа, многими киниками было оценено по достоинству.

История любви и супружества Кратета и Гиппархии подводит к определённым выводам. Киники изначально не воспринимали женщин как равноправных членов общества, порой относились враждебно. А с появлением Гиппархии в среде философов стало — «как сложно воспринимаемое, но очевидное», — что, как ни странно, «женщины не хуже мужчин, как суки не слабее кобелей». Киники тем и отличались от прочей философской братии, что, болея за всех угнетённых, стояли за *эмансипацию* женщин — равенство с мужчинами. А Гиппархия следовала этому необыкновенному принципу. Её брак с Кратетом, заключённый по любви, оказался формой протеста против отживших своё семейных устоев в греческих семьях.

ГИПАТИЯ

На пути к истине

Речь пойдёт о **Гипатии**, одной из первых женщин-учёных, преуспевшей в разных «мужских» науках — астрономии, философии, математике. В собственной философской школе она преподавала мужчинам, имела учеников и последователей. Гипатии исполнилось сорок лет, когда её жизнь трагически оборвалась...

...IV век. Время торжества христианства на территории Восточной Римской империи, где Александрия находилась в составе префектуры Египет...

В Египте христианство началось с проповеди святого апостола Марка в 67 году по Рождеству Христову. На тот момент имя проповедника говорило о многом: «В ночь Крестных страданий Христа Марк следовал за Ним, завернувшись в плащ, и убежал от схвативших его воинов...»

С благословения Марка и при его участии в Египте появилась Церковь Христа, апостол был первым епископом в Александрии, который в молитвах и проповедях укреплял веру прихожан. Деяниями во славу Бога он навлек на себя ненависть *язычников*, в результате во время богослужения они избили его до смерти...

Евангелие от св. Марка предназначалось для египетских греков и римлян, обращённых в христианство, а ещё для всех, кто воспринимал новую религию как доброе прибежище на пути к Богу, не исключая части александрийских иудеев, поскольку, как говорилось в Евангелии, «предназначения Христа обращены ко всему миру, и храм Его должен быть местом молитвы для всех народов». А в Египте со времени Александра Македонского проживало много иудеев. В городах они возводили синагоги, имелся даже храм наподобие Иерусалимского, где служили свои священники, совершались обряды.

Для иудеев и язычников худшие времена настали в правление императора Феодосия II (379—395 гг.). Ради усиления власти он проигнорировал Миланский эдикт Константина Великого 313 года, в котором христианство в Римской империи провозглашалось равноправной с другими религией. С этого момента недобросовестные епископы заторопились расширять круг паствы за счёт новообращённых мирян из недавних язычников, а где не получалось, негласно поощряли беззаконие главарей местных «околохристианских общин». По сути, подобные действия ввергали общество в жестокое противостояние, когда одна часть населения Александрии становилась абсолютно нетерпимой к другой.

Странное было время... С одной стороны, большинство богословов, священников и епископов, в недавнем прошлом тоже язычников, хорошо разбиралось в античной философии, часто используя в проповедях высказывания греческих мудрецов и до-

вольно толерантно относясь к сторонникам многобожия. С другой стороны, официальная церковь стремилась к массовому вовлечению египтян в христианство. По этой причине на улицах Александрии возникали вооружённые стычки идейно противоборствующих группировок, случались избиения верующих язычниками и наоборот. Стали реальными частые погромы и поджоги жилья, кощунственные акты вандализма в античных храмах и синагогах.

Как правило, безответственные люди, заявлявшие о принадлежности к той или иной вере, безжалостно истребляли друг друга, уничтожали всё, что не соответствовало их пониманию истины. В ответ на погромы и убийства единоверцев христиане то же самое делали с язычниками и иудеями. Епископы, осуждавшие взаимное насилие, вынуждены были просить помощи у императора. Меры принимались самые жёсткие, до кровавых расправ с зачинщиками, хотя страдали в основном язычники и иудеи. Закономерной реакцией на проявление силы стали антихристианские бунты, вспыхивавшие повсеместно, что в свою очередь привело к повторным репрессиям и ещё более жестокому насилию со стороны властей. По этой причине при епископе Кирилле Александрию навсегда покинули около сорока тысяч иудеев!

Но, едва утихнув, религиозные распри разгорались с новой силой. Закрывались античные храмы, из которых часть уничтожалась, оставшиеся же переделывались в церкви. С пьедесталов сбрасывались статуи греко-римских богов, разрушались величественные монументы в честь героев, стены опустевших святилищ очищались от надписей древнейших эпох. Из храмов и гробниц исчезали золотые и серебряные изображения богов, чтобы вместе с сосудами и прочими ценностями обратиться в слитки. Малоценные, с бытовой точки зрения, предметы искусства бездумно разбивались, выбрасывались на свалку. Папирусные свитки с древнейшими памятниками литературы погибали в кострищах, затаптывались ногами.

После тех событий церковь утверждала, что вина христиан не установлена. Христианские заповеди запрещают воровство и насилие над человеком в любом виде. И то обстоятельство, что злодеяния всё же совершались, может свидетельствовать только об одном — что они совершались *нехристианами*, псевдоверующими, преступниками, не имевшими отношения к Александрийскому епископату.

...Гипатия родилась в семье математика и философа Теона, главы Александрийского Мусейона («Храм Муз»). Мусейон появился в III веке до н. э. благодаря усилиям Птолемея, первого эллинского царя Египта. Он представлял собой огромный комплекс зданий и сооружений, предназначенный для проведения занятий приглашённых греческих учителей с царскими сыновьями и детьми из дворцового окружения. С годами Мусейон превратился в общедоступную академию, где любой желающий на платной основе мог получить знания по натурфилософии¹¹², математике, астрономии, географии, медицине, теории музыки, лингвистике и прочим науками. Занятия проводили выдающиеся учёные, историки и философы. До описываемых событий Мусейон не прерывал свою деятельность почти восемьсот лет!

Отец Гипатии, обладавший значительными знаниями, сам воспитывал дочь, единственного ребёнка в семье, мечтая вырастить «хорошего человека». Он вовремя распознал интерес Гипатии к знаниям, стал её наставником, благодаря чему она с юных лет преуспела во многих науках.

Отец не ошибся — Гипатия обладала блестящим умом, она с лёгкостью постигала любые дисциплины, но с наибольшей силой её талант раскрылся в математике. К двадцатилетнему возрасту она имела собственные научные работы, разбиралась в философских учениях, что позволило ей, с разрешения отца, вести занятия с его учениками по трудам Платона и Аристотеля, а также по математике и астрономии.

Гипатия всегда выглядела опрятной, красивой, на неё заглядывались многие мужчины. Однако работа всецело захватила её, не оставив времени (да и желания) на то, чтобы выйти замуж, родить детей. Возможно, на это решение повлияли идеи Платона, предлагавшего уничтожить частную собственность, упразднить семью, чтобы всецело заменить семейные интересы общегосударственными: «Только при условии общности жён и детей достигается совершенное единство граждан, единство интересов... Толь-

¹¹² *Натурфилософия — натуральная философия — исторический термин, обозначающий естественную историю, т. е. философию природы.*

ко там, где никто не называет ничего «своим» или «не своим», исчезают алчность, корысть, любостяжание, раздоры и тяжбы».

После смерти Теона дочь возглавила его философскую школу. В новой ипостаси александрийцы увидели в Гипатии женщину с волевым характером, обладавшую уникальными познаниями, руководящими способностями, находчивостью и мужеством. Проявилось влияние отца, воспитавшего в ней независимое мышление и стойкость. Поэтому делами своими Гипатия заметно отличалась не только от образованных женщин, но и от учёных мужей. Она преподавала предметы, которые «были способны осваивать лишь мужчины» — математику, астрономию и философию *неоплатоников*¹¹³

Ею написаны учебники по математике, разработан эффективный метод деления чисел. Гипатия изучала математику сначала ради любопытства, затем «потому, что она подтверждала веру в то, что числа есть священный язык Вселенной». В повторяющихся узорах алгебраических формул и геометрических фигур, орбитах планет и гармонических интервалах музыкальных тонов она распознавала действенную космическую силу. Ученики на лекциях Гипатии углублялись в упорядоченный математический мир, чтобы достичь сопричастности силе, которую называют «Единое».

Гипатия потрудились также над комментариями к работе Диофанта¹¹⁴ «Арифметика», где доступным языком объяснила сложные алгебраические выводы. В статье о работе Аполлония¹¹⁵ «Конники» рассказала о геометрических понятиях: кругах, эллипсах, параболах и гиперболах. Успела отредактировать книгу комментариев своего отца к «Альмагесту» Птолемея, который «вопреки всему придерживался геоцентрической модели Вселенной».

Гипатия изобрела и усовершенствовала ряд научных инструментов и приборов. Ей, например, приписывают изобретение *астролябии*, хотя этот инструмент для измерения угла между горизонтом и звездой или планетой, появился задолго до неё. Самое известное изобретение Гипатии — *ареометр*, прибор для

113 Неоплатоники — представители обширного философского направления, получившего развитие в III–VI вв. н. э. Основным содержанием неоплатонизма являлось учение Плотина, ученик Аммония.

114 Греческий математик, удостоившийся в III веке до н. э. звания «отец алгебры».

115 Аполлоний Александрийский — греческий поэт и грамматик, автор обработки легенды о походе Аргонавтов.

измерения плотности жидкостей и твёрдых тел. Им пользуются до сих пор.

Но более всего Гипатию, как философа, привлекал поиск Истины: она полагала, что «мир можно познать с помощью разума и логики». Ученики не раз слышали: «Оставь за собой право думать. Потому что даже думать неправильно лучше, чем не думать вообще». Она была уверена, что «всем, даже совершенно непонятным, явлениям есть вполне рациональное объяснение. И дело не в мистике, а просто в степени нашего незнания. Расширяя кругозор, мы будем находить ответы на всё более сложные вопросы...»

Сохранилось высказывание церковного историка Сократа Схоластика, современника Гипатии: «Она приобрела такую учёность, что превзошла современных себе философов, была преемницей платонической школы, происходившей от Платона, и желающим преподавала все философские науки. Поэтому желающие изучить философию стекались к ней со всех сторон. По своему образованию, имея достойную уважения самоуверенность, она со скромностью представала даже пред лицом правителей, да и в том не поставляла никакого стыда, что являлась среди мужчин, ибо за необыкновенную её скромность все уважали её и дивились ей».

Многие александрийцы, наслышанные о заслугах единственной учёной женщины, относились к ней с почтением. Римский префект Орест приглашал её на заседания в городском совете, где она имела веское слово и часто предостерегала от ошибок во взаимоотношениях с народом Александрии. В стремлении иметь всеохватывающую власть над городом Орест постоянно конфликтовал с епископом Кириллом, ставившим перед собой те же цели. Гипатия пыталась философскими суждениями устранить разногласия. Но епископ, бывший ученик Гипатии, относился к ней с недоверием и подозревал в защите язычества.

Как философу Гипатии было суждено изучать христианство, но для этого ей понадобился учитель. Она обрела его в диаконе Евагрии, который, «уклонившись от многообещающей церковной карьеры, пожелал сделаться монахом в Нитрийской пустыни».

Гипатия решила с ним встретиться и услышать слова о вере. Но начало разговора изумило женщину-философа:

— Я не удивляюсь твоему прекрасному стремлению узнать

о Боге и уверен, что твоё желание непременно приведёт тебя к Нему — через молитву, которая есть беседа ума с Богом. Но представь, какого состояния должен достичь ум, чтобы он был в силах неизменно простираться к своему Владыке и беседовать с Ним без посредника!.. Поэтому и образ молитвы двойственен: с одной стороны — деятельный, с другой — созерцательный.

Евагрий неожиданно перескочил через мысль:

— Точно так же дело обстоит и с числом: то, что в числе очевидно, есть количество, а смыслом его является качество.

Гипатия, автор нескольких учебников по математике, с восхищением слушала откровения Евагрия:

— Недавно я написал сочинение о молитве, разделив его на 153 главы. Ты спросишь почему — и я отвечу, что обрёл в этом приятное услаждение символическим числом 153. Найдя в нём фигуры треугольника и шестиугольника, указывающие одновременно и на благочестивое ведение Троицы, и на очертание этой Вселенной. Ибо число 100 само по себе четырёхугольно, а 53 — треугольно и сферично. 28 — треугольно, а 25 — сферично, поскольку пятью пять будет двадцать пять. Таким образом, ты имеешь фигуру четырёхугольника благодаря четверице добродетелей, а также в числе 25 имеешь фигуру круга, обозначающую посредством кругового вращения времён премудрое ведение века.

Он прервался, вероятно, давая Гипатии возможность осознать то, что он сказал. Затем с той же обстоятельностью продолжил:

— Ты спросишь — и будешь права, — почему я взялся за числа. Да потому, что время катится — неделя за неделей, месяц за месяцем, год за годом и пора за порой, как мы это видим в движении солнца и луны, весны и лета и так далее. Треугольник же обозначает ведение Святой Троицы. Или иначе: если ты мыслишь число 153, то оно, вследствие своего обилия и в качестве треугольника есть любомудрие деятельное, естественное и богословское. Оно также есть вера, надежда и любовь, или золото, серебро и драгоценные камни. Таково то, что относится к числу.

Гипатия пыталась осмыслить услышанное, понимая, что в настоящий момент это невыполнимо — осознание придёт позже, наедине с собственными мыслями, философским рассуждением.

Диакон остановил ход речи и участливо произнёс:

— Наслышан о тебе, Гипатия, от мирян — говорят хорошее. Скажи, с чем пришла?

— Хочу обрести знания о Боге.

— Бога познать трудно, а если и получится, то выразить это знание невозможно... Невозможно бестелесное обозначить телесным, как невозможно совершенное понять несовершенному.

— Что нужно мне понять, чтобы почувствовать в себе веру?

— О, это чувство не приходит сразу. Слушай наставников, и ты поймёшь главное.

— А что сейчас главное для тебя?

— Меня волнует и интересует только одно — что ожидает человека после исхода его души из тела и этого мира. И решением является оценка смысла всей прожитой жизни любого человека. Христос говорит нам: «Какая польза человеку, если он и весь мир приобретает, душе же своей повредит? И какой выкуп даст человек за душу свою?»

Гипатия заметила, как в старческих глазах Евагрия блеснули слёзы. Словно погрузившись в себя, он продолжил:

— В далёкой юности я заболел и почти уже умер. И вдруг увидел своими глазами эту невыразимую драму и трагедию души, исходящей из тела и не соединившейся и не сроднившейся с Духом Божиим. Эти переживания невозможно передать человеку, не испытавшему ничего подобного. Могу лишь с уверенностью сказать, что не испытывал в своей жизни большего страдания. И сейчас, когда я уже не молод и время моего призвания из этого мира всё ближе и ближе, — об этом все мои мысли и заботы. Это я желаю тебе понять. И всем всегда. Это то, ради чего нам дана земная жизнь. То, что составляет единственный смысл нашего бытия. Тем более это относится к нам, молящимся за людей перед Богом.

На прощание Гипатия попросила у диакона наставлений и услышала:

— Помни о молитве. Она есть плод радости и благодарения, защита твоя от печали и уныния. Какие бы тяготы ты ни претерпела, продвигаясь в любомудрии, облегчение обнаружишь во время молитвы. Прежде всего молись о даре слёз, дабы чрез сокрушение смягчить существующую в душе твоей грубость. И когда ум твой, возжигаемый молитвой, постепенно отрешится от плоти и отворотится от всех мыслей, исходящих от чувства, памяти и тем-

перамента, и в то же время станет преисполненным благоговения и радости, тогда считай, что ты приблизилась к пределам молитвы, и тогда ты будешь готова к Вере Христа. Но прежде дом с имуществом раздай нищим и, взяв крест, стань на путь к Богу.

Женщина вернулась в Мусейон в смятении. И с этого дня погрузилась в дебри неоплатонизма в надежде найти свой путь к Богу. Она была убеждена, что «цель философии — в мистическом единении с божественным». Самым близким к этому пониманию было учение Плотина¹¹⁶...

Гипатия никому не отказывала в беседе и когда ехала по городу в повозке, её часто останавливали, чтобы задать вопрос или пообщаться. Она была не просто *схолархом* — главой Мусейона. Гипатию сравнивали с тремя богинями: Афиной — по уму, Герой — по стати и Афродитой — по красоте.

В это время за пределами Мусейона разворачивались события, заставлявшие александрийцев готовиться к немислимым испытаниям. Благодаря поддержке римского императора церковь усилила влияние на умы людей. Одновременно запрещались языческие праздники, исполнение обрядов и жертвоприношения в античных храмах. Последние были полностью разорены; все жрецы из них ушли. Больше всего греки печалились из-за исчезновения *весталок* — служительниц богини домашнего уюта и огня Весты. По всему Египту стихийно обезображивались статуи олимпийских богов, осквернялись святыни. В Александрии вспыхивали ожесточённые стычки между защитниками христианской веры и язычниками, с непременными убийствами.

Гипатия была веротерпима — иначе было невозможно, поскольку население Александрии состояло из греков, египтян и евреев. Каждая группа, поселяясь отдельно, молилась своим богам и мирно сосуществовала с соседями по вере. По этой же причине люди разных убеждений свободно посещали занятия в Мусейоне, становясь учениками Гипатии. Обсуждая с ними различные философские учения, она деликатно обходила вопросы

¹¹⁶ Философ-идеалист, систематизировал учение Платона, дополнил некоторыми собственными идеями и написал серию трактатов под названием «Эннеады», которые считаются шедеврами философской классики древнего мира.

религии, а в возникающих спорах умело примиряла противников. «Самое страшное, — говорила она спорящим между собой ученикам, — преподносить суеверие как истину. Лучше думать и делать ошибки, чем не думать вообще».

Ситуация в Александрии с каждым днём ухудшалась. Впервые Гипатия испытала потрясение, когда борьба за веру коснулась Мусейона. Нападения язычников на граждан, принявших христианство, грабежи и насилие не прекращались. В ответ на это последовал указ императора о разрушении храма Сераписа, *эллинизированного* бога плодородия и загробной жизни. Храм входил в комплекс зданий Мусейона, служил святилищем и одновременно хранилищем книг, оставшихся после пожара по вине Гая Юлия Цезаря в 47 году до н. э. Из семисот тысяч ценных рукописей, первоначально хранившихся в Александрийской библиотеке, остались только сорок тысяч! Их разместили в храме Сераписа, чтобы учёные продолжали с ними работать.

Вооружённые служители храма Сераписа мужественно защищали книги и жизни. Но нападавшие неистовствовали.

Кто-то громко крикнул:

— Там книги *идолопоклонников!* Нужно их сжечь!

Гипатия поспешила на шум. Она призывала вандалов одуматься, не брать на себя этот грех. Но озверевшая от безнаказанности толпа всё-таки совершила своё чёрное дело...

В завершение разгрома статую Сераписа свалили, отбили ей голову и, закрепив на шее верёвку, с торжествующими криками потащили по улицам Александрии. После произошедшего многие александрийцы-нехристиане, став свидетелями «бессилия своего бога-покровителя», обратились в новую веру.

Защитники храма, среди которых были жрецы и учёные, погибли. А на сохранившемся фундаменте «в честь христианских мучеников» вскоре возвели церковь.

Кирилл, облечённый высокой епископской властью, данной императором, принялся очищать Александрию от враждебно настроенных *иноверцев*. Таковых было немало среди иудеев — пришлось избавляться от них насильно. После этого «лихие люди» порушили немногочисленные оставшиеся синагоги, погубили иудейские святыни, а пустевшие от жильцов дома удачно разграбили. По следам событий александрийский префект Орест пожаловался императору на епископа Кирилла, но поддержки не получил. Такой результат ещё более возвысил авторитет церкви в народе, но усилил вражду между людьми.

Поскольку противостояние Кирилла и Ореста было открытым, этим обстоятельством умело пользовались главари преступных группировок, с каждой стороны прикрывавшихся религиозной борьбой. По городу поползли слухи, что Гипатия настраивает Ореста против примирения епископа и префекта. Затем — будто она владеет чёрной магией, пользуется ею, «лишь бы вредить александрийцам». На самом деле это был повод отомстить Оресту за выселение иудеев из Александрии.

За несколько дней до Пасхи 415 года возбуждённые люди — из тех, что больше других любили беспорядки, по любому поводу прибегали к злодействам и без крови не успокаивались, — оставили на улице повозку с Гипатией... Подробное описание этого ужасного преступления оставил Сократ Схоластик:

«Люди с горячими головами, под начальством некоего Пе-

тра, однажды сговорились и подстерегли эту женщину. Когда она возвращалась откуда-то домой, они стащили её с носилок и привлекли к церкви, называемой Кесарион, потом, обнажив её, умертвили черепками, разорвали на части, а куски тела снесли на место, называемое Кинарон, и там сожгли. Это причинило немало скорби и Кириллу, и александрийской церкви, ибо убийства, распри и всё тому подобное совершенно чуждо мыслящим по духу Христову. Упомянутое событие произошло в четвёртый год епископства Кирилла, в десятый — консульства императора Гонория и шестой — Феодосия, в месяце марте, во время поста».

Для многих поколений богословов осталось загадкой, кто на самом деле являлся инициатором нападения на Гипатию и её жестокого убийства. Никто до сих пор не решается вынести вердикт. Но мы, на основании всего вышеописанного, можем предложить свою версию, логичную и, вероятнее всего, наиболее верную.

...После бесед со старцем Евагрием и долгих раздумий Гипатия стала склоняться к принятию христианства... И зря открылась перед скрытым недоброжелателем. Язычники восприняли это как опасность для самого существования языческой диаспоры в Александрии и потому решились на убийство известной личности.

АСПАСИЯ

Гетера. Супруга. Мать

1. Непревзойдённая гетера

Аспасия родилась в Милете — городе на западном побережье Малой Азии, население которого преимущественно составляли ионийские греки. Милет был известен тем, что в нём родились многие уникальные личности: историки Геродот, Кадм и Дионисий, философы Фалес¹¹⁷, Анаксимандр и Анаксимен, географ Гекатей¹¹⁸ и градостроитель Гипподам¹¹⁹.

¹¹⁷ Древнегреческий философ и математик из Милета в Малой Азии.

¹¹⁸ Греческий историк и географ, один из ближайших предшественников и литературных источников Геродота.

¹¹⁹ Гипподам Милетский — греческий архитектор-градостроитель и философ, известный благодаря применению прямоугольной планировки в градостроительстве, которая получила название «гипподамовой системы». Она была использована при восстановлении разрушенного в ходе греко-персидских войн Милета.

Рождение Аспасии прошло незамеченным для милетян, однако к её дальнейшей судьбе сограждане не остались равнодушными...

Отец Аспасии — Аксиох, известный в Милете философ, являлся прямым потомком афинского полководца Алкивиада, героя войны со Спартой. По ложному обвинению ему грозил суд, избежать которого удалось, перебежав на сторону Спарты. Афиняне объявили его предателем и заочно приговорили к смерти. Военная слава Алкивиада не давала покоя завистникам и в Спарте. Под угрозой покушения пришлось искать убежище при дворе персидского шаха — извечного врага Афин и Спарты. Но и там Алкивиад нашёл смерть от рук убийц.

Аспасия, с греческого «Любимая», выросла настоящей красавицей, на которую засматривались все милетские женихи. Связывать судьбу любимой дочери с Милетом отец не желал и понимал, что без хорошего образования девушке в Афинах делать нечего. Не имея больших средств, Аксиох всё равно не скупился на учителей и позволяя Аспасии получать образование, какое хотела. Девушка освоила игру на нескольких музыкальных инструментах, полюбила поэзию, сочиняла стихи. Следуя семейной традиции, Аспасия увлеклась философией, а главным учителем стал отец. Он охотно обсуждал с дочерью различные, даже спорные, учения, преподав ей к тому же основы ораторского искусства, чтобы она могла вести беседы на самые разные темы.

сама стала сочинять стихи, затем, следуя семейной традиции, начала изучать греческую философию. Главным её учителем был отец, который охотно обсуждал с дочерью различные, даже спорные, учения, преподав ей к тому же основы ораторского искусства, чтобы она могла вести беседы на самые разные темы.

Войдя в совершеннолетний возраст, Аспасия решила достичь вершин образования девушек, желавших жить самостоятельно вдали от родного дома. Она познакомилась с красавицей-гетерой **Таргелией**, известной своими любовными связями с влиятельными политиками как в Греции, так и в сопредельных государствах. Социальный статус Таргелии был достаточно высок для того, чтобы в отношениях с мужчинами она могла себе позволить отказаться от близости, если кто-то ей не нравился. А добиться её благосклонности было непросто: чтобы встретиться со знаменитой гетерой, поклонники писали ей послания, и если она соглашалась на свидание, посылала со служанкой свою «визитку»

с указанием цены, времени и места свидания.

Аспасия сумела войти в доверие к Таргелии, много спрашивала о её жизни, задавшись намерением повторить судьбу гетеры. И та, поддавшись обаянию девушки, раскрыла немало секретов обольщения богатых мужчин:

— Принимая мужчин за деньги, женщина становится зависимой от них, — наставляла она свою подопечную. — Каждая гетера стремится освободиться от этой зависимости. Но удаётся это лишь тем, у кого получается влюбить в себя очень состоятельного поклонника. После этого можно вовсе отказаться от своего ремесла. Жить для себя!.. Только прежде, чем «сдаться» одному любовнику, всех остальных нужно держать в неопределённом состоянии — да так, чтобы никто не догадался, кому отдано предпочтение!

— Как же этого добиться?

— Не поддаваться прихотям мужчины. Важно научиться управлять им. При этом самому мужчине должно казаться, что всё происходящее осуществляется исключительно по его воле и желанию. Для этого, помимо всего прочего, тебе потребуется помощь Эроса. Не зря он самый могущественный бог из всех жителей Олимпа.

— Ты можешь ответить, почему мужчины добиваются женщин?

— Любой мужчина по-настоящему счастлив, только когда обладает чем-то или кем-то. Поэтому он ищет уличных женщин и платит, чтобы получить своё счастье. При этом он не испытывает ревности по отношению к продажным женщинам и без сожаления делит это счастье с другими мужчинами. А вот, когда один из любовников начинает требовать от тебя верности — он твой! Выбирай достойнейшего, и тогда остальные мужчины станут тебе безразличны.

Аспасия задала вопрос, волновавший её с юности:

— Но почему мужчины так тянутся к женщинам? Почему многим готовы пожертвовать ради них?

Таргелия улыбнулась:

— Понимаешь ли, человек рождается из лона женщины... Природа наделила нас великим даром — эротической чувственностью. Мы хранительницы любовного возрождения, поэтому каждый мужчина так естественно стремится вновь попасть туда же, но уже в ином качестве.

Гетера всмотрелась в лицо Аспасии и продолжила:

— Я не ошибусь, если скажу, что мужчины обращают на тебя внимание. Считают красивой. Но, предупреждаю, не в красоте наша сила! Согласна, красивое лицо и идеальное тело высоко ценятся мужчинами. Но этого недостаточно, ибо красота душевная гораздо более значима, и именно она даёт нам власть над мужчинами.

— Но почему, Таргелия? Ты можешь это объяснить?

— Мой жизненный опыт позволяет сделать такой вывод: для гетер существуют две богини Афродиты — каждая владычествует над своим родом любви. Одна из них — общедоступна: возбуждаемая любовью, свойственной низменной толпе, она толкает к сладострастию не только людей, но даже скот и диких зверей, с безмерной и грозной силой сплетая в объятиях покорные тела потрясённых ею живых существ. А другая — небесная Афродита, проникнутая благороднейшей любовью, печётся только о людях. Да и среди них — лишь о немногих. Её настоящих приверженцев никакими понуждениями, никакими соблазнами не подтолкнуть на путь безнравственности. Любовь этой Афродиты не похотлива, не разнузданна — напротив, она проста и серьёзна. Красотой добродетели она укрепляет в благоговеющих перед ней влюблёнными высокие нравственные качества. А если и наделяет кого-нибудь из земных женщин редким очарованием, то защищает этих избранных от всякого желания причинить им бесчестье. Ведь только в той мере достойна любви физическая красота, в какой она напоминает божественным душам о другой красоте, истинной и чистой, которую они видели когда-то среди богов...

Отец Аспасии и её старшей сестры, помнил о знатном члене рода Алкивиаде, уроженце Афин, до старости мечтал перебраться на родину предков. Не удивительно, что Аксиох выдал старшую дочь замуж за афинского аристократа, а она, довольная жизнью, пригласила младшую сестру в Афины. Отец, рассчитывая на выгодное замужество Аспасии, не возражал и поддерживал её материально, пока был жив.

Перебравшись в афинский дом сестры, первое время Аспасия с увлечением посещала школы бродячих философов, пыталась сочинять трактаты «о высоких идеях». При жизни отца она ни в чём не нуждалась, кроме того, финансово помогала сестра. Замуж Аспасия не спешила, мечтая встретить среди многих поклонников достойнейшего. При этом её угнетало осознание того, что по афинским законам женщина не могла сама выбирать себе мужа, к тому же была ограничена в гражданских правах. Если до замужества она покорялась воле отца, то после замужества была вынуждена подчиняться мужу.

Браки по любви в Афинах были явлением редким. Аспасию совершенно не устраивало, что добродетель замужней женщины заключалась в послушании и верности мужу, скромности и умении быть как можно менее заметной. Аспасия помнила, что по этому поводу говорила Таргелия: такие жёны быстро наскучивают мужьям, которые начинают тянуться к гетерам, считая общение с ними роскошью и высочайшим удовольствием. И поэтому Аспасия невольно обращалась мыслями к миру афинских гетер, пытаясь уловить грани, отделяющие их от уличных «женщин для мужских утех».

Отец умер, и сестра по семейным обстоятельствам не смогла больше оказывать поддержку Аспасии. В её жизни началась чёрная полоса, и только духовная наполненность да, порой, смекалка не позволили ей скатиться в обычную проституцию. Она поняла, что жизнь, в которую она вступила, скучна на интересы и вынуждает постоянно бороться с бедностью, заботиться об увядающей красоте.

Прошло два года с тех пор, как Аспасия появилась в Афинах. Она скопила денег, которых хватило на покупку небольшого дома. Став в нём хозяйкой, она вспомнила о домашнем образовании и организовала школу для молодых незамужних женщин. Этот шаг встревожил афинян, они начали подозревать, что Аспасия обучает девиц любовному искусству. Вскоре обнаружилось, что ученицы Аспасии получают знания по истории, философии, обучаются риторике и музыке, приёмам живописи, изучают греческую литературу. Школа Аспасии стала популярной среди молодых афинянок, на занятиях в ней видели даже жён влиятельных политиков. У многих сложилось мнение, что в прекрасное тело Аспасии вселилась душа Пифагора.

Мужчины не догадывались, какие призывы их женщины слышали в школе Аспасии: «Каждая женщина должна быть свободной в выборе мужа. Муж в свою очередь обязан разрешать жене высказывать собственные мысли». Аспасия также осуждала обычаи, согласно которым интересы жён не выходили за стены супружеского дома. Замужние женщины, к примеру, не могли появляться на улицах без сопровождения, а если такое случилось, обязаны были накидывать на голову покрывало (в то время как гетеры, наоборот, выделялись на улицах яркими нарядами и свободно общались с мужчинами). Жениха для девушки определяли родители — пятнадцатилетнюю дочь могли выдать замуж за старика. Развод осуществлялся по первому желанию мужа, а дети оставались у него. Если же расторгнуть брак намеревалась женщина, вмешивалось государство, которое всяческими мерами этому препятствовало...

Внимание афинян к школе Аспасии не угасало ещё по той причине, что среди её помощниц было несколько необыкновенно красивых молодых женщин, прибывших из Коринфа, — все хорошо образованные, умеющие вести содержательные беседы с мужчинами любого уровня знаний и родовитости. Поскольку Коринф издавна славился в Греции искусными в любви *куртизанками*, говорили, что хозяйка школы наняла «для особых случаев». И действительно, вскоре для всех стало очевидным, что при школе Аспасии работает некое заведение, привлекательное для мужчин, ищущих развлечений вне семьи.

Желающих посетить школу заметно прибавилось. Сначала из любопытства — посмотреть на красавиц, а затем из интереса — послушать, что они говорят. И оказалось, что общение с ними невероятно интересно и познавательно во всех смыслах.

Ни для кого уже не было секретом, что Аспасия — настоящая гетера, а часть воспитанниц школы — её подруги «по профессии». Но сама хозяйка в интимных связях ни с кем не была замечена, и всё больше приходило мужчин, желавших не овладеть её обольстительным телом, а послушать её размышления по разным темам. Многие известные в Афинах философы откликнулись на

призыв Аспасии совместить отдых с диспутами, состязаться друг с другом в красноречии.

Мужчинам было интересно наблюдать, как хозяйка дома ненавязчиво и всегда в самый нужный момент присоединялась к их спорам. Причём нередко она брала верх, что всерьёз озабочивало гордецов и завистников. Когда она это поняла, высказалась по сути:

— Очень жаль, что некоторые люди не замечают в себе зависти. Зависть — опасное чувство, она рождается в низкой душе. Завистливый человек — тот, кто спешит с помощью к ближним, когда они подвергаются бедствиям, но когда ближние испытывают удачи, то это для него неприятно. За завистью следует печаль, вызванная благополучием друзей и сограждан. И эта печаль никогда не позволит достигнуть счастья. Поэтому следует радоваться чужому благополучию, стремиться к тому, чего возможно достигнуть собственными деяниями. А зависть к благополучию другого человека необходимо изгонять. Она не свойственна людям разумным, но свойственна только глупцам.

Вскоре городские политики и философы заговорили об Аспасии как о женщине незаурядной. Пошли слухи, будто чужеземка-милетянка — родственница предателя Алкивиада — намеренно подчиняет себе первых лиц Афинского государства.

Несмотря на слухи, унижающие совершенство Аспасии, в её окружении появились выдающиеся философы. И первым, кто заговорил о мудрости гетеры, был молодой каменотёс Сократ, работавший на восстановлении Парфенона¹²⁰. На тот момент начинающий философ был беден и малоизвестен, но гетера, к которой он часто заживал на «посиделки мудрствующих», всегда выделяла его среди других. Очарованный грацией и острым умом хозяйки, Сократ признавался друзьям, что «увидел в ней своего учителя красноречия и достойную собеседницу». В одну из таких встреч Сократ скромно занял место в дальнем углу, откуда прислушивался к восторженным словам хозяйки о лирике Сапфо. Гости её поддерживали, хвалили и других поэтов, но Сократ неожиданно произнёс:

— Хотел я кое-чему научиться у поэтов. Ходил к ним и спрашивал, что именно они хотели сказать своими стихами. И что вы думаете — ни один из них не смог объяснить то, что сотворил

¹²⁰ Памятник античной архитектуры, древнегреческий храм, расположенный на афинском Акрополе.

сам. Понял я только одно — не мудростью они творят, а какой-то особенной прирождённой способностью. И делают это в испуплении, подобно гадалеям и прорицателям. Ведь и эти тоже говорят много хорошего, но совсем не знают того, о чём говорят.

Гости с удивлением смотрели на неприметного выскочку, не побоявшегося испортить возвышенное настроение хозяйки.

А вот Аспасия не растерялась.

— Поэзия, — сказала она, — близка к философии, поэтому для меня увлекательнее всего творчество поэтов, переживающих чувства. Волнует тот, кто сам волнуется, и вызывает гнев тот, кто действительно сердится. Вследствие этого можно заключить, что поэзия — удел или богато одарённого природой, или склонного к помешательству человека. Первые способны перевоплощаться, вторые — приходиться в экстаз.

Сократ не сдавался:

— Ничего похожего на то, о чём ты только что сказала, я не заметил, ни у Сапфо, ни у подобных ей сочинителей лирических строк. Поэтический язык должен обладать достоинством выражения — такими важными качествами, как полезность, значительность, краткость, ясность и приличие. Он должен подражать обычному языку, возникшему ввиду естественных потребностей для целей общественной жизни. Всякое сочинение, однажды записанное, должно находиться в обращении везде — и у людей понимающих, и равным образом у тех, кому вовсе не подобает его читать. И оно не знает, с кем должно говорить, а с кем — нет. В поэтическом слове должно быть семя, способное родить новые речи в душах других людей, сделать их счастливыми настолько, насколько может быть счастлив человек.

Аспасия с азартом продолжила неожиданную дискуссию:

— Неправоммерно соединять совершенство произведения с пользой, которую оно приносит. Тогда можно считать лучшим то медицинское сочинение, которое написано в поэтическом отношении лучше всего. Нельзя также считать полезным то произведение, которое умеет изобразить действительность. Ведь действительность бывает разная, и совсем не всегда полезно её изображать. Краткость и ясность тоже не обязательны и не характерны для поэзии, так как всякую ложь и выдумку, не имеющую отношения к поэтическому произведению, можно выразить кратко и ясно.

Аспасия лукаво посмотрела на оппонента и улыбнулась. Видимо, предлагая завершить сражение, она уверенно заявила:

— По мне, задача поэта — говорить не о том, что было, а о том, что могло бы быть, будучи возможным в силу вероятности или необходимости. Поэтому стихи следует воспринимать сердцем, прежде всего на слух: только через него достигается максимальное восприятие содержания произведения. Исключительно слухом, улавливающим хорошее или плохое звучание, определяется ценность произведений.

Гости заплодировали. Сократ, немного подумав, присоединился к восторженным высказываниям в адрес Аспасии. Прощаясь со всеми, она задержала его и, глядя в глаза, неожиданно произнесла:

— Приходи, когда считаешь нужным.

Так каменотёс Сократ стал желанным гостем гетеры. Она с наслаждением слушала его мудрые речи и, говорят, была без ума от его безобразно толстого носа, огромного лба — признака некрасивости, а также лысины и прочих отступлений от канонов мужской красоты. Сократ отвечал взаимностью.

Гостеприимный дом Аспасии теперь охотно навещали известные политики, поэты, писатели, художники и ваятели. Некоторые гости приводили своих жён, не гнушавшихся набраться мудрости у образованной гетеры. После первых посещений женщины не сдерживали восторгов от дерзостных речей, касающихся неравенства в браке, и верили каждому слову Аспасии. Когда они оставались с ней без мужчин, она читала им свой трактат «О сохранении красоты» с секретами омоложения: рецептами масок для лица и волос, лекарственными средствами и способами ухода за телом — кстати, запрещёнными их мужьями.

В какой-то момент слава Аспасии среди афинских интеллектуалов достигла своего апогея — не посещать её дом считалось уже неприличным. Из знаменитостей у гетеры не появлялись только философы Анаксагор¹²¹, Зенон¹²² и Протагор, а также убеждённый женоненавистник Еврипид¹²³ и ваятель Фидий. И всё

¹²¹ Древнегреческий философ. Всецело посвятил себя философии, ещё в ранней молодости отказавшись от доставшегося в наследство большого состояния.

¹²² Древнегреческий философ, представитель Элейской школы, ученик Парменида. Аристотель назвал Зенона создателем диалектики, искусства выдвигать аргументы и опровергать чужие мнения.

¹²³ Древнегреческий драматург, крупнейший (наряду с Эсхилом и Софоклом)

равно афиняне прислушивались к тем, кто входил в близкий круг Аспасии, восхищались произносимыми в её доме речами, расхватывали их на цитаты. А сколько невообразимых наслаждений доставляли афинским мужам обольстительные коринфянки вместе с «мудрейшей» хозяйкой!..

В один из дней к собранию философов присоединился Ксенофонт, известный военачальник и писатель. Он явился с супругой и ввязался в разговор о верности женщин. При этом, как любой боевой командир, был крайне категоричен:

— Какая жена вне подозрений мужа? Та жена, которая не украшает и не умащает себя больше, чем следует, и усердно предаётся благим делам и молитвам. И дом оставляет лишь изредка, и держится, насколько это возможно, вдали от людей, на которых ей глядеть не подобает, и жизнь домашнюю предпочитает праздной болтовне.

Аспасия загадочно улыбнулась.

— Получается, — сказала она, — твоя жена тебе верна, иначе ты бы с ней не жил?

— Без сомнений!

— Но тогда, если тебя всё в твоей жене устраивает, ты все дни проводишь рядом с ней дома?

Ксенофонт, не задумываясь, уверенно заявил:

— Если жена хочет, чтобы муж проводил свободное время подле неё, она должна постараться, чтобы он ни в каком ином месте, кроме дома своего, не находил столько приятности, удовольствия, скромности и нежности. Она должна быть с ним лучшей из лучших!

Жена Ксенофонта, занявшая место на лавке в дальнем углу, промолчала, но Аспасия заметила на её печальном лице ухмылку.

Неожиданно гетера предложила:

— А давайте сыграем в игру: один участник будет спрашивать, а другой — отвечать, причём абсолютную правду.

Присутствующие поддержали Аспасию, и она обратилась к жене Ксенофонта:

— Ты хотела бы заполучить деньги своей соседки, если бы у неё их оказалось больше, чем у тебя?

Женщина утвердительно кивнула головой. Последовал другой вопрос:

представитель классической афинской трагедии.

— А хотела бы заполучить наряды и украшения соседки, если бы они оказались лучше твоих?

— Да!

— А хотела бы заполучить мужа соседки, если бы он оказался самым лучшим мужчиной?

Женщина смутилась, она не стала отвечать и отвела глаза в сторону.

Аспасия, видимо, предполагала такой исход игры. Она не стала настаивать на ответе, повернулась к Ксенофону и задала ему те же вопросы. Он пожелал иметь коня соседа, если тот будет лучше его жеребца, заполучить земельный участок соседа, если он окажется больше и плодороднее его собственного. Но когда дело дошло до вопроса о жене, военачальник запнулся, долго собирался с мыслями, но так и не нашёл нужных слов. Аспасия торжествовала:

— Вот видите, вы оба затрудняетесь или не хотите отвечать на этот вопрос. В таком случае я скажу, что каждый из вас думает по этому поводу.

Ксенофонт с женой, а вместе с ними и остальные гости, напряжённо ждали, что же она скажет. И она сказала следующее:

— Если твоя жена желает иметь наилучшего мужа, а ты —

наилучшую жену, я делаю вывод, что вы сами в себе не достигли того, чтобы на свете не было ни мужа, ни жены лучше вас. Но если вы приложите все старания, чтобы стать мужем наилучшей жены и женой наилучшего мужа, тогда вам не придётся сомневаться в верности друг другу.

Гости были в восторге от речи гетеры!

Позже Сократ, один из свидетелей триумфа Аспасии, поделился впечатлениями со своим ближайшим другом Периклом, «первым гражданином Афин». Добавив к описанию прекрасной внешности гетеры восхищения её богатым духовным миром, Сократ стал уговаривать его непременно посетить дом Аспасии.

Перикл долго не соглашался, поскольку был женат и имел особые убеждения насчёт супружеской преданности. К тому же, являясь ответственным государственным деятелем, политиком, в выборе знакомых и друзей он придерживался крайней осторожности. В отличие от многих афинских мужей, Перикл оценивал Аспасию как женщину, продающую любовь каждому желающему. Но Сократ не прекращал уговоры и при каждой встрече обещал, что знакомство с умнейшей женщиной Греции пойдёт только на пользу Периклу если же он упустит возможность хотя бы раз послушать, о чём говорит Аспасия, он когда-нибудь об этом очень пожалеет.

Однажды Перикл не устоял под напором верного друга...

...Хозяйка дома была рада появлению нового известного в Афинах гостя. Выглядела она ослепительно, что Перикл, из деликатности, отметил. В тот момент, когда они с Сократом появились у Аспасии, шёл разговор о том, бессмертна ли душа человека и как она поведёт себя после смерти, когда тело переместится в мрачное царство Аида. Высказывались мнения, что человеку незачем тревожиться за душу, если он в течение жизни пренебрегал всеми телесными удовольствиями, радостью от приобретения украшений и нарядов...

А ещё — если получал взамен радости познания и украшал душу воздержностью, справедливостью, мужеством и свободой. Кто-то из присутствовавших также подчеркнул, что душе крайне полезен поиск Истины, ибо никто не может ни постигнуть её целиком, ни полностью не заметить, но каждый добавляет немного своего к общему познанию природы, и тогда из совокупности всех фактов складывается величественная картина...

Сократ сходу подхватил тему:

— Если душа бессмертна, она требует заботы не только на время жизни. Если бы смерть была концом всему, она была бы счастливой находкой для дурных людей: скончавшись, они разом избавлялись бы и от тела, и — вместе с душой — от собственной порочности. На самом же деле для бессмертной души нет иного прибежища и спасения от бедствий, кроме единственного — стать как можно лучше и как можно разумнее. Ведь душа уносит с собой в Аид только воспитание и образ жизни, и они-то, говорят, либо доставляют умершему неоценимую пользу, либо чинят непоправимый вред с самого начала его пути в загробный мир.

Перикл дополнил друга:

— Наше тело — бочка, в которой живут желания, но бочка эта ненадёжная, дырявая: она не может удержать нашу разнузданность и ненасытную алчность. И несчастные обитатели Аида обречены вечно таскать в дырявую бочку воду таким же дырявым решетом. Под решетом надо понимать души тех, чей разум при жизни был не просвещён.

2. Достойнейший Перикл

О Перикле Аспасия слышала ещё до переезда в Афины. Она знала, что он был главным из девяти афинских *архонтов*, ежегодно избираемых народом, решал важнейшие для государства вопросы. У Перикла была продолговатая и несоразмерно большая голова (шутили, что от избытка ума), возможно, по этой причине он обыкновенно ходил в шлеме.

Укрепляя своё влияние в народе, первый архонт, рискуя вызвать недовольство знатных семей, раздавал нуждающимся семьям деньги из государственной казны. При нём впервые за всю историю Афин граждане получали оплату за присутствие в судах и деньги на посещение спектаклей в театрах. Малоимущим афинянам выдавались денежные поощрения, продовольственные пособия и награды — «за преданность городу». По распоряжению Перикла за счёт казны устраивались праздничные торжества с красочными представлениями, общенародные застолья. Хотя из-за обвинений недругов в «развращении афинян» за свои действия архонту приходилось нередко отвечать перед судом.

Получив в детстве прекрасное домашнее образование, Перикл позже посещал философскую школу Зенона, откуда вынес познания, позволившие ему справляться с, казалось бы, неразрешимыми противоречиями и проблемами, брать на себя ответственность за принятие решений. Ну публике он старался держаться соответствующим образом: следил за мимикой, не строил гримасы и старался не смеяться беспричинно; в нужные моменты речь его обретала страстность, при этом голос всегда был ровным, ничем не возмущаемым; он выработал спокойную поступь, скромность и важность в одеянии, не изменяемые скороспелой модой.

Перикл приучил себя не злиться по неблагоприятным поводам, не реагировать даже на нападки недругов. Когда его бранили или смеялись над ним, особенно над уродливой с детства головой, сохранял спокойствие, чем раздражал многих. В ответ на ругань, оскорбления и даже физическое насилие действий не предпринимал, отмалчивался, а потом спокойно благодарил «за опыт», чем обескураживал противников.

Перикл не был суеверным, любые проявления стихии он рассматривал с точки зрения науки и учил поступать так же других. Например, когда в расположение военного лагеря афинян ударила молния и все испугались, начали кричать, что это кара богов, Перикл взял в руки два камня, ударил один о другой и высек искру. «Видите, — спокойно сказал он воинам, — таким же образом ударяются друг о друга два облака, отчего рождается молния».

Представители рода Перикла во все времена боролись с конкурентами за власть в Афинах и всегда добивались значительных государственных должностей. Его отец Ксантипп возглавлял флот, героически сражался с персами у острова Саламин; мать Агариста была внучкой реформатора Клисфена, создателя афинской демократии. Беременная Периклом, она увидела во сне, будто родила... льва, на что жрец-толкователь сказал: «Лев ни с кем не делит власть. Сон означает, что сын твой станет тираном Афин». Родители скрыли предсказание даже от близких людей, поскольку тирания для афинян была преступлением. В дальнейшей жизни Перикл проявил себя как человек добродетельный, кроткий, равнодушно терпящий обиды от народа и от властителей, в то же время принёсший своему отечеству величайшую пользу, справедливо считавшийся благодетелем народа.

Находясь у власти, Перикл возвысил Афины до столицы Эллады, превратив этот город в политический, религиозный и культурно-экономический центр. Устраняя высокую безработицу, первый архонт убедил Народное собрание пойти на колоссальные расходы, связанные с ремонтно-строительными работами на Акрополе. Приказал строить новые здания и украшать старые, что потребовало привлечения огромного количества строителей и архитекторов, ваятелей и художников. Рядом с ними трудились тысячи землекопов, каменотёсов, плотников и каменщиков.

Возводился Парфенон — храм Афины Парфенос, покровительницы государства, — где выдающийся скульптор Фидий сотворил двенадцатиметровую статую богини, покрытую слоновой костью и золотом. В правление Перикла появились Пропилеи — высокие парадные ворота с пятью проходами, украшенные колоннами из белого мрамора. Тогда же возникли крепостные стены длиной в тринадцать километров, от Афин до гавани Пирей, что решало проблему торговой и военной безопасности города.

Комиссия с участием «недоверчивых» граждан потребовала объяснений от архонта, обвинив его в отсутствии внимания к армии в связи с «незаконными тратами на обустройство города», на что Перикл ответил:

— Если государство в достаточной мере снабжено нужными для войны предметами, необходимо тратить его богатство на такие дела, которые после окончания их доставят государству вечную славу. И тогда они послужат источником благосостояния, так как появятся всевозможные работы и разные потребности, побуждающие всякие ремёсла. Ремёсла дают занятие всем рукам, обеспечивают заработок чуть ли не всему государству. А когда всё задуманное завершится, мы станем предметом удивления — и для современников, и для потомков.

Народ годами доверял Периклу, заранее прощал ему ошибки и не желал замечать проявления деспотии, без которой не обходится ни одна власть. Афиняне настолько привыкли к тому, что Перикл «всё делает правильно», что забыли о принципе демократии — регулярной сменяемости правителя.

До знакомства с гетерой Перикл был женат. Увлечённый добросовестным исполнением государственных дел, он давно тяготился семейными узами, отчего проводил больше времени вне дома и не был чужд увлечений красивыми женщинами. Тем более что, как он считал, его гражданский долг был исполнен — он имел двух сыновей, будущих защитников отечества. Когда Перикл стал бывать дома у Аспасии, сообразительная гетера решила не упускать свой шанс и, как учила Таргелия, очень скоро дала прочувствовать архонту, которому на тот момент было под пятьдесят лет, всю силу своего женского обаяния.

С тех пор Перикл добросовестно посещал «приёмы», устраиваемые Аспасией для близкого круга гостей, принимал участие в дебатах, если бывали философы, подтверждая свою образованность и красноречие. Иногда уходил последним — они беседовали вдвоём, и каждый раз разговор не заканчивался, принуждая Перикла являться к гетере ещё и ещё. И однажды он понял, что уйти не в состоянии...

После той безумной ночи он несколько дней заставлял себя не приходить к Аспасии. Хотел разобраться в чувствах к женщине, чужой до этой встречи, явно не равне, неожиданно оказавшейся ему близкой. С ней он пережил такие чувства и эмоции, о которых раньше даже не догадывался. Перикл не мог забыть, как покорно внимал Аспасии, удивляясь своей готовности слушать её, не сопротивляясь повиноваться, не ведая, что будет дальше. Он не мог забыть её тёплые мягкие губы, которыми она касалась его лица, шеи, груди... «Сладко жалящие» поцелуи Аспасии пронизывали всё его естество и казались верхом блаженства. Он отзывался на ласки, впадал в неистовство, и тогда трепетное тело женщины оказывалось в его власти... Потом оба неслись в бездонную пропасть, наполненную неземными ощущениями счастья...

Наконец Перикл сдался — вновь оказался у Аспасии. А дальше каждая встреча оказывалась непохожей на предыдущую. Они жили безудержными чувствами, обострёнными эротическими переживаниями, переполнявшими плоть обоих. В их маленьком мире, где всецело властвовала взаимная любовь, Аспасия стала

Периклу близким человеком, другом; переполненный страстью и нежностью, он ничем не походил на других её поклонников. Отчего с каждым днём она всё больше и больше ощущала потребность видеть его рядом с собой, не расставаться с ним ни на мгновение.

Очень скоро наступил день, когда Перикл тоже понял, что хочет обладать Аспасией безраздельно и бесконечно...

Афиняне быстро узнали о связи любимого архонта с красавицей-гетерой. Они не особо удивились, поскольку отношения с «доступной женщиной» воспринимались, даже для женатых мужчин, нормой поведения. Иногда Перикл появлялся в городе с Аспасией, не боясь пересудов, «забывая» о том, что ещё женат.

3. Вопреки всему

Женатый мужчина в Афинах мог себе позволить вступать в отношения с женщинами из бедных семей, с чужеземками (*неафинянками*) или рабынями. Хотя постоянный брак признавался лучшим проявлением общественной морали, в супружеском доме нередко поселялась сожительница мужа — *паллакка*. В богатых семьях подобные длительные союзы не возбранялись, рождались и воспитывались дети, а сама связь походила на супружеские отношения. Афинское общество придерживалось такого мнения, что пусть лучше имеются стабильные отношения без заключённого брака, чем случайные связи и открытый позорный разврат, распространяющийся бесстыдно и беспрепятственно.

Однако жениться на чужеземке запрещалось. Кто тайно или открыто совершал это не узаконенное действие, тот объявлялся преступником и сурово наказывался: мужчина уплачивал огромный штраф и терял права афинского гражданина; женщину продавали с торгов в качестве чьей-то наложницы или рабыни. Дети такой пары считались внебрачными, вследствие чего их признавали *негражданами*. Инициатором столь жестоких законов в своё время был сам архонт Перикл, провозгласивший на выборах идею «чистоты брака». Неожиданная любовь к неафинянке, к тому же гетере, заставила Перикла забыть обо всём, что теперь ставило под сомнение его собственные принципы.

Для начала Перикл развёлся с женой, что не вызвало у боль-

шинства афинян осуждения. Развод не представлял в то время большой проблемы для мужчины — во-первых, у жён согласия не спрашивали; во-вторых, жена Перикла давно была готова к такому исходу и не возражала. Тем более Перикл вернул, по закону, полную стоимость приданого, с которым она много лет назад пришла в его дом. Затем он нашёл ей в мужа неплохого человека, оставив сыновей при себе. А после забрал Аспасию в оставленный супругой дом. Он хотел любить умную прелестницу и одновременно вести с ней беседы без отвлечения от дел. Но спросить саму Аспасию, удовлетворится ли она ролью сожительницы, любовницы на дому, Перикл забыл.

Гетера не призналась, что положение паллакки больно ранит её честолюбие. Она принялась обустраивать женскую часть нового дома, *гинекей*, как уверенная в своих правах и обязанностях официальная супруга.

Афиняне, недавно оправившиеся от оглушающей новости о переселении гетеры в дом архонта, вскоре узнали другую, не менее поражающую. Аспасия быстро стала полновластной хозяйкой в доме, превратив его в необычную «гостиную», где, как прежде, блистала умом и красноречием, не гнушаясь дорогих нарядов и драгоценных безделушек. Но гостей приглашала по спискам, с уведомлениями — чтобы их жёны успевали заранее пошить новые одежды, привести себя в порядок. На встречах всегда было оживлённо, играла праздничная музыка, танцевали коринфские красавицы.

Участники обменивались новостями, свободно говорили о политике, искусстве и быстро меняющейся моде. Аристократы выстраивались в очередь, желая попасть в дом Перикла и Аспасии, приводили туда жён, мечтавших поучиться у хозяйки хорошим манерам, выведать у неё секреты красоты и неувядающей молодости. Их дом был открыт посещениям избранных вниманием Аспасии художников, философов, учёных, поэтов; велись литературные и философские беседы, обсуждались семейные дела.

В то же время Аспасия, сохранив свободу своих действий, устраивала, как раньше, весёлые встречи друзей с шумными застольями и, что представлялось совсем недопустимым, принимала гостей в отсутствие мужа!

Перикл, ощущая полноту собственной власти над Афинами, не задумывался ни о чём, когда водил Аспасию на сугубо мужские мероприятия, куда редко кому удавалось приводить с собой

жену. Он публично называл её любимой супругой, при встречах и прощаниях целовал невзирая на свидетелей. Так что афиняне находились в замешательстве, стараясь понять, кто же она всё-таки для Перикла — любовница или законная супруга? Но если бы кто-то из афинян осмелился спросить об этом правителя, Перикл бы ответил, что не имеет намерений жениться на любимой женщине, поскольку их брак, даже освящённый всеми необходимыми религиозными церемониями, всё равно будет рассматриваться как сожительство!

Исключительное положение бывшей гетеры нравилось не всем в Афинах. Да, многие женщины почитали за счастье посещение её «гостиной», но для другой части женского населения поведение Аспасии сделалось предметом насмешек и поругания. Заговорили о том, что она, забыв, с кем живёт, превратила дом правителя в место для тайных свиданий замужних женщин. Утверждали, что когда Перикл оставлял Афины по военным делам, Аспасия, якобы, отправляла с ним целый обоз своих «учениц разврата», зарабатывая на сводничестве. Некоторые поэты, писатели, философы, представители искусств, раньше бывавшие в «гостиной», теперь позорили её хозяйку, виновную лишь в том, что она была умнее их. Но Аспасия не принимала всерьёз всю эту суету, продолжала любить Перикла, чем раздражала клеветников и доносчиков.

Перикл тоже безумно любил Аспасию. Время в разлуке они считали потерянным зря. Поэтому Аспасия стремилась надолго не оставаться без Перикла, как верная подруга, она сопровождала его в военных походах. И в остальных его делах была советником и помощницей, в частности составляла речи для выступлений в Народном собрании. Но их «несупружеские» отношения лишь подтверждали домыслы недоброжелателей о том, что в Афинах, где обязана торжествовать власть народа, демократия, де-факто царствует чужестранка. Перешёпывались, что это под её губительным влиянием Перикл мечтает о преступной тирании.

Как это случается со всяким влиятельным политиком, наступил момент, когда рядом с Периклом объявились завистники, даже среди друзей. А заклятых врагов у него всегда было достаточно! Главная причина заключалась в том, что со временем правитель уверовал в собственную непогрешимость. Из благих, на его взгляд, намерений он постепенно поменял мягкие методы управления на жёсткие, в чём действительно проглядывались диктаторские замашки: он грубил в Народном собрании, возражая ораторам, настаивал на своих предложениях, нередко прибегая к принуждению, и объяснял это лишь тем, что «так полезно для отечества».

Однажды Перикл затеял благородное, как ему виделось, дело, с восторгом воспринятое народом Афин. Он предложил объединить жителей городов, говоривших на одном языке, справлявших одинаковые религиозные и бытовые обряды, в одну греческую

нацию. Желая возвысить дух афинян и воспламенить их к великим предприятиям, Перикл разослал глашатаев по городам с греческим населением и колониям, от Европы до Азии. Эллада услышала призыв Перикла собраться в Афинах на всегреческом Форуме, «чтобы в мирных условиях обсудить вопрос укрепления нации».

Перикл предложил возродить порушенные гражданскими войнами святилища и храмы, обезопасить мореплавание от пиратов и, наконец, установить «вечный мир» между всеми греческими городами. Увы, ни один город не откликнулся — сказалось историческое недоверие к враждебным Афинам, а ещё недовольство Спарты, не желавшей роста могущества вечного соперника по гегемонии¹²⁴.

Афиняне остались недовольны тем, что грандиозные замыслы правителя рухнули. Это ввергло его в большое уныние. Тут же взбодрились враги Перикла, стали предъявлять претензии в единоличном принятии важных для Афин решений, особенно по вопросам войны и мира, обвинять его в растрате государственных средств. Одновременно усилились нападки на Аспасию за безнравственное поведение и «гнездо разврата» в доме самого правителя. Но Перикл, уверенный в поддержке простонародья, не пугался обвинений и всегда находил слова и возможности для достойного ответа клеветникам. Любые попытки врагов сбросить Перикла с вершины власти оказывались тщетными... Пока они не додумались давить на самую болезненную точку — его друзей.

Скульптор Фидий был одним из самых близких друзей Перикла. Занявшись украшением Акрополя, правитель Афин поручил Фидию помимо его профессиональной деятельности ещё и надзор над строительными работами. Полностью доверяя известному скульптору, Перикл не заставлял его отчитываться за полученные из казны средства до завершения работ. Воодушевлённый высокой поддержкой, ваятель вдохновенно вырезал каменные барельефы, фризы и фронтоны, расписывал живописные панно, делал скульптуры, не считаясь с расходами. Но главным поручением для Фидия стало исполнение статуи Афины Воительницы. Она стояла под открытым небом между Пропилеями и Парфеноном и была настолько велика, что мореплаватели, приближаясь с

¹²⁴ Гегемон — государство, контролирующее политическую власть в регионе.

юго-востока к Пирею, издали видели золотые перья на шлеме и конец копья. Настаивая на золотом одеянии богини, весом более тонны, Фидий объяснял афинянам, что в этом случае золото станет ещё и стратегическим запасом.

Афиняне были в восторге от работы мастера, хотя его слова воспринимались по-разному. Наступил момент, когда недруги Перикла обвинили Фидия в краже золота, отпущенного на отделку статуи Афины, да ещё и в «нанесении обиды покровительнице Афин», иными словами — в святотатстве. Для афинского гражданина не было ничего ужаснее этого преступления. Все в городе понимали, что цель обвинений — Перикл. И если вина Фидия будет доказана, у его покровителя не останется никаких шансов удержаться у власти.

Поскольку донос состоялся, создали комиссию. Проверили вес золотого одеяния богини — благо, её можно было «раздеть», — и... «экономика сошлась»! Суда над Фидием не было. Но Периклу пришлось отчитываться перед Народным собранием о расходовании средств на строительство общественных зданий и реконструкцию Афин. Его противники создали сразу несколько контрольных комиссий, члены которых начали работу с обвинений Перикла в незаконном расходовании казённых средств. Припомнили его патронажную любовь к искусству, расточительное, на их взгляд, покровительство философам и учёным, художникам и ваятелям, среди которых были Фидий, Софокл, Геродот, Анаксагор.

Перикл оскорбился. В судах он обрушивал на хулителей речи, подобные следующей:

— Представьте, что вы являетесь актёрами божественной драмы под названием «Жизнь», в которой каждый играет роль, предназначенную ему автором, будь она велика или мала. Если бы автору было угодно, чтобы я играл нищего, я бы постарался сыграть роль как следует. То же относится и к любой другой роли — калеки, правителя или обыкновенного гражданина. Я много лет избираюсь архонтом, и моё дело — хорошо исполнять свою роль. И не моя вина, что автор выбрал меня. Поэтому прекратите выдумывать обвинения, не желая понимать, что найти человека идеального — мечта неосуществимая, ибо нет человека идеального, как и нет идеальной гармонии материи и духа.

Перикл оказался неуязвимо честен, обвинения не подтвер-

дились. Но друг Фидий всё-таки пострадал. Его обвинили по другому доносу: на щите статуи Афины ваятель изобразил две мужские фигуры, напоминающие... Фидия и Перикла! Этот факт квалифицировался как кощунственный, поскольку по закону изображать на статуях следовало только богов или обожествлённых героев. И хотя схожесть фигур с оригиналами была сомнительна, врагов у Перикла оказалось достаточно, чтобы обвинить Фидия в святотатстве. В результате знаменитого создателя монументальной статуи Зевса в Олимпии, признанной в Элладе Чудом Света, осудили на длительное заключение в тюрьме, где старый человек вскоре умер от тяжёлой болезни. Доносчику заплатили вознаграждение.

После суда над Фидием и финансовых расследований репутация Перикла, как и хотели недруги, пошатнулась. Суд, не сомневаясь в честности правителя, тем не менее наказал его «за превышение должностных полномочий в расходовании общественной казны» и приговорил к уплате огромного штрафа. Воодушевлённые первым значительным успехом, недоброжелатели принялись за новое «расследование».

На этот раз предъявили обвинение философу Анаксагору, ещё одному другу Перикла, «в безбожии развращающему молодых девушек», за что по закону полагалась смертная казнь. Анаксагор бежал из страны, «где клевета сильнее разума»... Затем подступились к Аспасии, найдя лжесвидетеля, утверждавшего, что она за двенадцать лет совместной жизни с Периклом «потеряла свои женские прелести, но, желая удержать возле себя любовника, принимала куртизанок, замужних женщин и юных афинянок, чтобы сводить их с правителем Афин». Ещё Аспасии вменялся в вину тот факт, что она читала книгу Анаксагора «О природе» и, «вероятно, вела беседы на философские темы в кругу замужних женщин». Обвинения в безбожии и сводничестве, по сути, носили курьёзный характер, но решение суда могло быть суровым.

Поначалу Аспасия намеревалась бежать из Афин, как сделал Анаксагор, но Перикл удержал любимую от неверного шага, который мог послужить на пользу врагам. Поскольку женщинам в Греции, тем более чужеземкам, не позволялось самостоятельно защищаться по своему делу, в защиту Аспасии выступил Перикл. Имея богатую практику подобных выступлений, он применил

«тактику слёз» и начал рыдать как дитя, не скрывая своих чувств. Судьи, привыкшие к слезам на процессах, растерялись. Они не ожидали, что увидят перед собой плачущего шестидесятилетнего государственного мужа, человека редкой выдержки, обычно невозмутимого и бесстрастного. Понимая, что он вряд ли пролил бы столько слёз, если бы речь шла о его собственной жизни, судьи сняли с Аспасии все обвинения.

Но после этого случая поддержка Перикла афинским народом значительно ослабела. Аспасия долго ещё отходила от страха, возникшего в стенах судилища. Говорили даже, что стала затворницей. Возможно, наедине с Периклом она продолжала обсуждать государственные вопросы и давать правителю советы, но шумные философские пиры больше не устраивала.

4. Отверженные

Перикл и Аспасия прожили вместе двадцать лет. У них родился единственный сын, названный матерью Периклом. По закону, не допускавшему брака гражданина Афин с чужеземкой, в муниципалитете отказались регистрировать ребёнка, признав его незаконнорождённым. Перикл пытался убедить коллег-архонтов, чтобы они сделали исключение ради его заслуг. Но всё было тщетно! Перикла сводила с ума мысль о том, что его сын не сможет продолжить аристократический род Алкмеонидов, ведущих родословную от легендарного героя Алкмеона¹²⁵.

Тем временем афиняне переживали губительные последствия длительной войны с Пелопоннесским союзом греческих городов во главе со Спартой. Афины лишились всех заморских владений и остатков флота, а также укреплений Пирея. Некогда могучий Афинский морской союз распустился, а сами Афины были включены победителями в состав Пелопоннесского союза; демократический строй сменился властью группы олигархов.

В эти дни афинянам было явлено устрашающее знамение — среди бела дня диск солнца начал покрываться тенью. Жители усмотрели в этом гнев богов и стали обвинять во всём Перикла, «неправильно правившего Афинами». Озлобленная толпа с палками и камнями окружила его дом, угрожая убийством... Он

¹²⁵ Мифический герой, сын прорицателя Амфиарая.

бесстрашно вышел к народу и, сдёрнув с себя плащ, «прикрыл» им солнечный диск, сказав мирным голосом:

— Вот вы уже и не видите солнца! Природа затмения такая же! Что здесь удивительного?

Люди немного успокоились. Но затем на город обрушилось новое несчастье — чума. За короткое время вымерло более четверти всего населения. Враги опять обрушились с обвинениями на Перикла.

Ему с Аспасией и сыном чудом удалось уберечься от чумы, но эпидемия сильно проредила ряды их друзей. Умерла сестра Перикла, затем скоропостижно скончались оба его сына от официального брака; всё время после развода они жили в доме отца, в отдельных удобных пристройках. Их смерть сильно отразилась на здоровье Перикла. Выжить ему помогла Аспасия, которая была рядом.

Немного придя в себя, Перикл вновь стал добиваться гражданства для Перикла Младшего. Дождался Народного собрания, где обратил внимание афинян не то, что недавние войны и чума буквально выкосили население города. Но ситуацию можно изменить, если в муниципальные списки включить имена внебрачных детей, отцы которых — афинские граждане. То есть официально тоже признать их гражданами.

На этот раз афиняне оказались благоразумными и признали Перикла Младшего законнорождённым. Архонт Перикл сумел вернуть симпатии народа и, благодаря этому, узаконить свой брак с иноземкой Аспасией, в нравственности которой никто уже не сомневался.

Преследовавшие Перикла в последнее время страдания нанесли его сердцу незаживающие раны. Несмотря на усилия Аспасии уберечь любимого человека, Перикл умер в возрасте шестидесяти пяти лет. Это случилось через три года после суда над Аспасией.

Аспасия осталась вдовой человека, к которому после его смерти относились неоднозначно, чаще недружелюбно. Трудно выжить с сыном без влиятельного мужа или друга-защитника. Её не забыл вниманием военачальник Лисикл, ранее посещавший «гостиную Аспасии». Он предложил ей выйти за него замуж; она согласилась, а через полтора года овдовела вторично — муж погиб в сражении.

Сын Аспасии и Перикла по достижении совершеннолетия пошёл по стопам отца: обрёл профессию военного и занялся политикой. Через двадцать лет после смерти Перикла он стал морским стратегом, участвовал в знаменитом сражении с флотом Спарты. После блестящей победы над врагом он ожидал встретить в Афинах почёт и награды. Но в суд поступил донос, будто он и другие командиры кораблей не исполнили священные обязанности военачальников по спасению живых моряков, снесённых в море в штормовую погоду.

После сражения разыгралась буря, несколько афинских кораблей потерпели крушение; погибли люди. Как выяснилось, судебный процесс развязали всё те же недруги Перикла Старшего, которым не давала покоя его слава народного любимца. Обвинители подкупили «очевидцев», которые «слышали крики утопающих, молящих о помощи, а стратеги в этот момент спасали свои жизни».

На решение судей, безусловно, оказали влияние шумные родственники погибших: они кричали, не сдерживаясь в оскорблениях, требовали возмездия, на что заранее рассчитывали обвинители. По закону судьи были обязаны рассматривать дело каждого обвиняемого с отдельным решением, но обстановка в зале была настолько взвинченной, что смертный приговор вынесли всем стратегам сразу.

После казни сына Перикла и остальных стратегов афиняне дознались, что был оговор. Судьи и клеветники со «свидетелями» понесли справедливое наказание. Трагические события заставили жителей Афин осознать потерю бывшего архонта, мудрого политика. Им стали понятны слова, брошенные с обидой Периклом, когда ему в первый раз отказали в просьбе узаконить гражданство сына:

— Афинян больше должны страшить собственные ошибки, нежели замыслы врагов.

Даже враги признавались, что «не было человека ни умереннее его во власти, ни важнее в кротости. Никто на его месте не мог так управлять городом и афинянами, как он». Да, и «тиранию» Перикла оценивали с пониманием — как вынужденную необходимость, давшую Афинам взамен могущество, хотя лично он не имел от этого никакой выгоды.

5. Непроизвольное суждение

Философские труды Аспасии не дошли до нашего времени, но, по высказываниям современников, биографов Перикла, «влияние её ума на образованность афинян было очевидным». Смотря на историю знаменитой гетеры из нашего «далека», мы имеем полное право задать вопрос: «Что было бы с Периклом, если бы не Аспасия, и что было бы с Аспасией, если бы не Перикл?»

Со словами «красота спасает мир» можно согласиться, если иметь в виду красоту не физическую, красоту, в душевную: первая царствует недолговечно, а вторая имеет истинный смысл и подлинную силу. Уместно напомнить воспоминания молодого Сократа о словах Аспасии, которые она говорила ему наедине:

... Кто, наставляемый на путь любви, будет в правильном порядке созерцать красоту, тот, достигнув конца этого пути, вдруг увидит нечто удивительное по своей природе — то самое, ради чего и были предприняты все предшествующие труды, — нечто Вечное и Прекрасное.

...И тот, кто благодаря правильной любви поднялся над отдельными разновидностями прекрасного и начал постигать само прекрасное, тот, пожалуй, почти у цели.

...Начав с отдельных проявлений прекрасного, надо всё время подниматься, словно по ступенькам, вверх ради самого прекрасного... От одного прекрасного тела к двум, от двух — ко всем, а затем от прекрасных тел к прекрасным нравам. А от прекрасных нравов — к прекрасным учениям... пока не поднимешься от этих учений к тому, которое и есть учение о самом прекрасном, и не познаешь наконец, что же это — Прекрасное!»

КОНЕЦ КНИГИ

СЛОВАРЬ-КОНСПЕКТ ПО КНИГЕ

Абидос — великий город великого бога Осириса.

Аборигены — коренное население страны, исторической территории.

Агамемнон — царь Микен, со ссоры которого с Ахиллесом начинается поэма Гомера «Илиада».

Агон — самоотверженное состязание греческих атлетов — на пределе человеческих возможностей.

Агора — городская площадь для народных собраний.

Акрополь — находящаяся на возвышении цитадель, политический и религиозный центр города с самыми главными храмами полиса.

Алкмеон — мифический герой, сын прорицателя Амфиарая.

Анаксагор — древнегреческий философ. Всецело посвятил себя философии, ещё в ранней молодости отказавшись от доставшегося в наследство большого состояния.

Анаксандрид — спартанский царь.

Анаксимен — философ, представитель милетской школы натурфилософии.

Анатолия — Малая Азия, большой полуостров в Западной Азии, прилегающий к Балканам (срединная часть территории современной Турции).

Аппиан — греческий историк из Александрии, Египет (Римская империя). **Аполлоний Александрийский** — греческий поэт и грамматик, автор обработки легенды о походе Аргонавтов.

Арголида — историческая область с центром Аргос на побережье Эгейского моря.

Аристоксен — греческий философ, ученик Аристотеля, автор многочисленных сочинений, главным образом музыковедческого, педагогического и историко-биографического характера.

Аристотель — греческий философ и эрудит классического периода в Древней Греции, яркий пример «универсального человека».

Архонт — высшее должностное лицо в древнегреческих полисах (городах-государствах).

Афиней из Навкратиса (III в.) — греческий писатель, автор

огромного по объёму числа книг.

Аэды — профессиональные певцы, которые перерабатывали народные предания и исполняли поэмы под аккомпанемент струнного инструмента, лиры или кифары.

Бактрия — историческая область на сопредельных территориях современных Таджикистана, Узбекистана и Афганистана, между горной цепью Гиндукуш на юге и Ферганской долиной.

Беотия — историческая область в Средней Греции, граничившая с Эвбейским морем и Коринфским заливом.

Библион — Александрийская библиотека в Египте.

Боспор Киммерийский — Керченский пролив, разделяющий степи Крыма и Тамани. Древние греки помещали здесь границу между Европой и Азией.

Великая Греция — историческая область с греческими колониями, включавшая часть современной Южной Италии.

Великое Солнцестояние — космическое событие, когда Солнце, кажется, достигает своего самого северного или южного отклонения относительно небесного экватора. Определяется равноденствиями.

Вифиния — историческая область, древнее государство и римская провинция, существовавшая на северо-западе Анатолии, между проливом Босфор и рекой Сангариус.

Гегемон — государство, контролирующее политическую власть в регионе.

Гекатей — греческий историк и географ, один из ближайших предшественников и литературных источников Геродота.

Геллеспонт — узкий пролив между Европой и Азией (современная Турция).

Геродот — древнегреческий географ и историк.

Гесиод — первый исторически достоверный древнегреческий поэт, эпический рапсод.

Гиматий — верхняя одежда мужчин в виде прямоугольного куска ткани; надевался обычно поверх хитона.

Гинекология — от гине — «женщина» + логос — «знать».

Гипподам Милетский — греческий архитектор-градостроитель и философ, известный благодаря применению прямоугольной планировки в градостроительстве, которая получила название «*гипподамовой системы*». Она была использована при восстановлении разрушенного в ходе греко-персидских войн Милета.

Гипподром — у древних греков и римлян — место, специально предназначенное для проведения конных состязаний, гонок колесниц.

Грамматика — раздел языкознания (лингвистики), который изучает грамматический строй языка.

Дарий I Великий — царь Ахеменидской державы, правил в 522—486 годах до н. э. При Дарии I владычество Персии простиралось от Египта до Индии и охватывало более 80 народов.

Диофант — греческий математик, удостоившийся в III веке до н. э. звания «отец алгебры».

Драхма — древнегреческая монета, как правило, из серебра (а также единица измерения массы).

Дельфы — древнегреческий город в юго-восточной Фокиде (Греция), общегреческий религиозный центр с храмом и оракулом Аполлона.

Диодор — греческий писатель, историк, автор сочинения «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов».

Зенон — древнегреческий философ, представитель Элейской школы, ученик Парменида. Аристотель назвал Зенона создателем диалектики, искусства выдвигать аргументы и опровергать чужие мнения.

Еврипид — древнегреческий драматург, крупнейший (наряду с Эсхилом и Софоклом) представитель классической афинской трагедии.

Иллирия — древнее название западной части Балканского полуострова, которую населяли иллирийцы. Их мифическим прародителем считался Иллирий.

Кельты — близкие по языку и материальной культуре племена индоевропейского происхождения, в древности, на рубеже эр, населявшие обширную территорию в Западной Европе.

Киликия — историко-географическая область на юго-востоке Малой Азии.

Киник — философ, последователь учения *кинизма*, отрицающего богатство и удовольствия.

Книд — город, основанный греками, находящийся на стыке Эгейского и Средиземного морей.

Когорта — одно из главных тактических подразделений римской армии, с конца II века до нашей эры составлявшее основу когортной тактики.

Колхида — историческая область, царство, в Восточном Причерноморье, занимавшая Колхидскую низменность и прилегавшие районы вдоль восточного побережья Чёрного моря. В древности основным населением региона были колхи.

Кос — административный центр одноимённого греческого острова, являющегося частью цепи островов Додеканес в юго-восточной части Эгейского моря.

Кратет Фиванский — древнегреческий философ и поэт, представитель школы киников, ученик Диогена Синопского.

Криссейская война — Первая Священная война (ок. 595 — 585 до н. э.) в Греции.

Кротон — город в Калабрии на берегу Ионического моря, по совету Дельфийского оракула основанный греками в VIII в. до н. э. Своё название получил в честь сына царя острова Эгина — Кротона.

Ксенофонт — древнегреческий писатель и историк афинского происхождения, полководец и политический деятель, главное сочинение которого — «Анабасис» — высоко ценилось греками за патриотизм.

Лесбос — греческий остров в северо-восточной части Эгейского моря, третий по величине остров Греции.

Лидия — в древности государство на западе Малой Азии, населённое племенами лидийцев, с центром в Сардах.

Ликия — страна на юге Малой Азии (находилась на территории современных турецких провинций Анталья и Мугла).

Ликург — легендарный царь Спарты, законодатель (IX—VIII вв. до н. э.), которому приписывают создание институтов спартанского общественного и государственного устройства.

Марафон — город в Греции, рядом с которым состоялось сражение между армиями персов и греков.

Мегеры — так называют очень злых женщин, по имени богини мщения Мегеры из греческой мифологии.

Меоты — древний народ индоарийской группы, который обитал на берегах Азовского моря в так называемых Меотийских болотах в I тысячелетии до нашей эры.

Мидия — древнее ираноязычное государство на Ближнем Востоке, а также древняя этногеографическая область на западе современного Ирана.

Милет — древнегреческий город в Карию на западном побережье Малой Азии, находившийся к югу от устья реки Меандр.

Мирмидонянин — представитель ахейского племени в Фессалии, где, по Гомеру, властвовал Ахиллес.

Мистерии — таинство, совершавшееся в праздник какого-либо божества, в котором участвовал только круг «посвящённых». Но в случае с Дионисом, наоборот, все должны были приобщиться и принять участие в обрядах.

Митра — божество индоиранского происхождения, связанное с дружественностью, справедливостью, договором, согласием и солнечным светом, а также — головная повязка, головной убор священнослужителя.

Миэза — небольшой городок недалеко от столицы древней Македонии — Пеллы.

Олимпионики — победители атлетических состязаний в священной для греков Олимпии. Награждались венками из оливковых ветвей. Их имена высекались на воротах родного города; в Олимпии на Аллее Славы устанавливались именные статуи олимпиоников.

Молоссы — группа древнегреческих племён, населявших регион Эпир в классической древности (область Македонии).

Мусический — связанный с музыкой. Мусические состязания в Древней Греции включали в себя состязания флейтистов и кифаредов — мастеров игры на популярном в эпоху Античности музыкальном инструменте — кифаре. Наряду с музыкантами выступали и поэты, причём оценивалось не только качество самих стихов, но и артистический талант их исполнителя.

Наксос — самый большой остров в Эгейском море, принадлежит Греции.

Натурфилософия — натуральная философия — исторический термин, обозначавший естественную историю, т. е. философию природы.

Неоплатоники — представители обширного философского направления, получившего развитие в III—VI вв. н. э. Основным содержанием неоплатонизма являлось учение Плотина, ученик Аммония.

Обол — серебряная, а впоследствии золотая или медная монета в Древней Греции, 1/6 драхмы; весовая единица, равная примерно 0,73 грамма.

Ойкумена — в широком смысле слова — освоенная и заселённая человечеством часть мира.

Павсаний — древнегреческий писатель и географ второй половины II века; автор своеобразного античного путеводителя «Описание Эллады».

Парфенон — памятник античной архитектуры, древнегреческий храм, расположенный на афинском Акрополе.

Пафлагония — исторический район на севере Малой Азии, выступающий в Чёрное море.

Перикл — древнегреческий государственный деятель, один из отцов-основателей афинской демократии, знаменитый оратор и полководец.

Пиндар — греческий поэт; был тесно связан с Дельфами, идейным центром греческой аристократии, певцом которой Пиндар и являлся.

Пелопоннес — полуостров в Греции, южная часть Балканского полуострова, соединяющаяся с ним Коринфским перешейком.

Пелопоннесские войны — длительный военный конфликт в Древней Греции, в котором участвовали Делосский союз во главе с Афинами и Спарта с союзниками.

Пеплос — буквально «покрова» в Древней Греции и, впоследствии, в Древнем Риме; мужская и женская одежда.

Пирей — город, главная торговая гавань Афин.

Писистрат — афинский правитель (VI в. до н. э.). Поручил записать все устные поэмы Гомера в том виде, в каком они сохранились для последующих поколений.

Пифос — большой керамический сосуд для хранения зерна, вина, оливкового масла, солёной рыбы.

Платеи — город в Беотии, союзник Греции.

Плотин — философ-идеалист, систематизировал учение Платона, дополнил некоторыми собственными идеями и написал серию трактатов под названием «Эннеады», которые считаются шедеврами философской классики древнего мира.

Полиен — римский писатель греческого происхождения (II в.); автор сочинения «Стратагемы, или Военные хитрости».

Полис — город-государство, община свободных граждан, каждый из которых имел право на получение надела из земель полиса, на участие в управлении им и был обязан защищать полис в народном ополчении.

Понтийское царство — греко-персидское эллинистическое

государство в Малой Азии в 302 до н. э. — 62 н. э., на южном берегу Эвксинского понта (Чёрного моря).

Посейдон — верховный морской бог, один из трёх главных богов-олимпийцев вместе с Зевсом и Аидом.

Проксен — человек, заключивший союз проксении, основанный на древнем ритуальном обычае побратимства, с гражданином другого полиса. Этот союз взаимосвязывал проксенов к гостеприимству, ходатайству о доступе к народному собранию, празднествам, местах в театрах и прочих привилегиях в своём городе. Услуги проксена были добровольными и вместе с тем почётными. Гражданин мог по своему желанию разорвать союз проксении, унаследованный им от предков, или вновь восстановить разорванный союз. Проксения осуществлялась как между отдельными лицами, так и между целыми государствами, во многом обеспечивая единство греческого мира.

Рапсоды — («сшиватели песен») — профессиональные исполнители эпических поэм; странствующие певцы, декламировавшие поэмы с жезлом в руке.

Ритор — в Древней Греции оратор, а также учитель красноречия.

Розетты — в архитектуре декоративные элементы в виде цветка.

Саламин — остров рядом с Афинами

Сапфо — лирическая поэтесса. Её поэтический дар обожествлялся, а судьба её настолько интриговала, что обросла мифами, которые дошли и до наших дней. ... Самая сильная стихия в её поэтическом мире - это любовь.

Сарматы — древний народ, состоявший из кочевых ираноязычных племён, с IV века до н. э. по первые века н. э. населявших степную полосу Евразии от Дуная до Аральского моря.

Сикион — древнегреческий полис на северо-востоке Пелопоннеса, в глубине Коринфского залива.

Симонид — один из самых значительных лирических поэтов Древней Греции.

Синоп — одна из главных греческих колоний на южном берегу Чёрного моря, ныне административный центр Синопского ила Турции.

Синды — одно из многочисленных племён Северного Причерноморья, обитавшее в I тыс. до н. э. — первых веках н. э. на

Таманском полуострове и прилегающем к нему побережье Чёрного моря.

Согдиана — древняя историческая область в Центральной Азии, в современном Узбекистане и Таджикистане.

Солон — один из «семи мудрецов» Древней Греции, законодатель и политик, глава совета правителей-архонтов Афин.

Стадия (стадий, стадион) — расстояние, которое проходит легковооружённый воин за тот промежуток времени, в течение которого солнце, коснувшееся горизонта своим нижним краем, целиком скрывается. Для бега в Олимпии — 196 метров.

Стоик — последователь философии стоицизма; человек с твёрдым характером,

стойко переносящий жизненные невзгоды.

Страбон — историк и географ Римской Греции. Автор «Географии» в 17 книгах.

Стратег — в древнегреческих городах-полисах главнокомандующий войском с полномочиями распоряжаться финансами и вершить суд во вверенном ему войске.

Сузы — один из древнейших городов мира на территории современной провинции Хузестан в Иране.

Танаис — река Дон.

Тирания — форма государственной власти (часто захваченной насильственным путём), основанная на деспотичном единоличном правлении.

Трирема — боевой корабль с тремя рядами весёл.

Туника — простая по фасону одежда, обычно доходящая до колен.

Фазис — река Риони в Грузии.

Фалес — древнегреческий философ и математик из Милета в Малой Азии. **Фанагория** — древнегреческая колония на берегу Керченского пролива, на Таманском полуострове, к северо-востоку от Гермонассы.

Федра — дочь Миноса, младшая сестра Ариадны. Тесей вступил с ней в брак, находясь в преклонных уже годах.

Фемискира — мифический город в Понте, к югу от Чёрного моря, являвшийся столицей амазонок.

Фермодонт — река, впадает в Чёрное море рядом с городом Терми, Турция.

Феспия — город в Беотии, назван в честь царя Феспия, персонажа древнегреческой мифологии.

Фессалия — исторический регион на северо-востоке Греции на побережье Эгейского моря.

Фивы — центральный город в Беотии с независимым политическим самоуправлением.

Фидий — скульптор из Афин. Один из крупнейших мастеров эпохи высокой классики.

Филипп II — македонский царь, отец Александра Великого.

Фракия — историческая и географическая область на востоке Балкан.

Фригия — внутренняя историческая область на западе Малой Азии и могущественное царство, являвшееся первой из известных грекам «паназиатских» держав.

Херсонес Таврический — единственный полис, основанный древними греками на Гераклеийском полуострове на юго-западном побережье Крыма (территория современного Севастополя).

Хитон — мужская и женская одежда (нижняя) у древних греков; подобие рубашки (льняной или шерстяной, реже хлопковой), чаще без рукавов.

Хламида — у древних греков короткий прямоугольный отрезок плотной ткани, скрепляемый на плече, одежда путешественника и воина.

Элида — историческая область на северо-западе Пелопоннеса в Греции. На территории Элиды находилась подконтрольная Олимпия, общегреческое святилище.

Элимотия — местность по верхнему и среднему течению реки Галиакмона (ныне Быстрица в Македонии), заселённая эпитротским племенем элимеев.

Эллада — так первоначально назывался город в Фессалии, позднее — южная часть Фессалии, далее — территория Средней Греции.

Эллин — впервые это обозначение встречается у Гомера в «Илиаде». В результате миграции «догреческие племена» переместились на юг Балкан, после чего родственные *дорийцы*, *аркадяне*, *золийцы* и *ахейцы* переняли общее название эллинов. Позже появилось понятие «панэллины» («все греки»), когда Эллада окончательно обозначалась как Страна Эллинов.

Эпикур — древнегреческий философ и мудрец, основатель

эпикурейства — весьма влиятельной философской школы. Он восстал против платонизма своего времени и основал в Афинах собственную школу, известную как Сад.

Эпир — северо-западная область Древней Греции.

Эсхил — один из великих греческих драматургов, автор классических трагедий.

Эфес — столица небольшого карийского государства, заселённого греками-ионийцами из Афин.

Эфоры — в Древней Спарте, а позже и в Афинах — выборные должностные лица (эфорат из 5 эфоров), обладавшие широким и не всегда чётко зафиксированным кругом полномочий.

Греческий алфавит

<p>Α α альфа</p> <p>Β β бетта</p> <p>Γ γ гамма</p> <p>Δ δ дельта</p> <p>Ε ε эпсилон</p> <p>Ζ ζ даэта</p> <p>Η η эта</p> <p>Θ θ тэта</p> <p>Ι ι йота</p> <p>Κ κ каппа</p> <p>Λ λ ламбда</p> <p>Μ μ мю</p>	<p>Ν ν ню</p> <p>Ξ ξ кси</p> <p>Ο ο омикрон</p> <p>Π π пи</p> <p>Ρ ρ ро</p> <p>Σ σ сигма</p> <p>Τ τ тау</p> <p>Υ υ ипсилон</p> <p>Φ φ фи</p> <p>Χ χ хи</p> <p>Ψ ψ пси</p> <p>Ω ω омега</p>
--	--

ЗНАКОМСТВО С АВТОРОМ

www: ilyahov.ru

Анатолий Гаврилович Ильяхов, член Союза писателей России (2008).

Родился в Сочи (1941); выпускник КубГТУ. Живёт в Краснодаре. Более 40 лет работал по специальности «инженер-строитель». Сотрудничал с журналами «Бизнес-Ключ» (Челябинск) и «Курортный Олимп», «Вестник торгово-промышленной палаты» (Краснодар). Юношеское увлечение древней историей в зрелом возрасте переросло в творчество. Анатолием Ильяховым написаны научно-познавательные и художественные книги по культуре Греции и Рима, отличающиеся энциклопедичностью, убедительной фактологией и особым авторским стилем.

Отдельная часть творчества Анатолия Ильяхова — *этимология как поиск античных следов в русском языке*. Им изданы словари, открывшие читателю увлекательный мир повседневной жизни античного общества с особенной идеологией, культурой, мировоззрением, традициями.

ИЗДАНИЕ КНИГИ

- Пир мудрецов. Симпосий (2003, Краснодар)
- Этимологический словарь. Античные корни русского языка (2006, Ростов-на-Дону)
- Зевсу посвящённые. Тайны древних олимпиад (2006, Ростов-на-Дону)
- Вакху посвящённые. Секреты античной кулинарии, застолья и виноделия (2007, Ростов-на-Дону)
- Эросу посвящённые. Античные любовные истории (2007, Ростов-на-Дону)
- Афине посвящённые. Античная мудрость (2007, Ростов-на-Дону)
- Пир мудрецов. Притчи, изречения, размышления (2009, Санкт-Петербург)
- Эллада и Кубань. Путешествие в прошлое (2012, Краснодар)
- Игры эллинов у подножия Олимпа. Три тысячи лет до 2014 года (2012, Краснодар)
- Знак Зевса — исторический роман (2014, Краснодар; 2020, Москва)
- Уроки Аристотеля. Орёл в стае не летает — исторический роман (2015, Краснодар; 2020, Москва)
- Наедине с мудростью. Древняя Греция (2015, Краснодар)
- Закон и право. Словарь правоведа (2015, Краснодар)
- Человек и природа. Словарь эколога (2015, Краснодар)
- Экономика и финансы. Историко-этимологический словарь (2016, Краснодар)
- Наука и производство. Политехнический словарь (2016, Краснодар)
- Философия разума. Словарь эрудита (2016, Краснодар)
- Медицина. Историко-этимологический словарь (2016, Краснодар)
- Три чаши Диониса. Античный код современного виноделия (2018, Сочи)

- Избранник Вечности — роман (2017, Краснодар; 2020, Москва)
- Этимологический словарь. Античные корни в русском языке (2010; 2018; 2020, 2022, Москва)
- Цицерон. Поцелуй Фортуны — исторический роман (2019, Москва)
- Цицерон. Между Сциллой и Харибдой — исторический роман (2019, Москва)
- Идиоты античного мира. Вразумительные истории (2020, Краснодар)
- Зенобия из рода Клеопатры — исторический роман (2021, Москва)
- Сенека. Наставник императора — исторический роман (2023, Краснодар)

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

**ЖЕНЩИНЫ
АНТИЧНОГО МИРА
СУДЬБЫ В ИСТОРИИ**

Подписано в печать 04.03.2024
Формат бумаги 60x90/16
Объем 17,5 печ. л. Гарнитура «Petersburg»
Печать листовая. Бумага листовая.
Тираж 1000 экз. Заказ №

Отпечатано в типографии ООО «Митра»,
г. Краснодар, ул. Стасова, 182/1.
+7 989 80-80-125

mitra_print_krasnodar